ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго

Выпускъ I

ГОДЪ ШЕСТОЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія С. Н. Худекова. Владимірскій пр., № 12
1896

Печатано по распоряженію Императорскаго Спб. Русскаго Географическаго Общества.

Рис. 2. Церковь Николая Чудотворца.

Рис. 1. Хаты на берегу озера.

Рис. 3. Церковь Казанской Божей Матери, Клисé-одасй и горы 3 берега озера.

Рис. 4. Казаки и Казачки.

ОТДѢЛЪ I.

Изъ поѣздки по Малой Азіи.

У Некрасовцевъ на островѣ Мада, на Бейшеирскомъ озерѣ, Гамидъ-абадскаго санджака, Конійскаго Вилайета.

I.

21-го и 22-го ноября прошлаго, 1895, года пришлось мнѣ посѣтить самое отдаленное поселеніе русскихъ раскольниковъ въ глубинѣ Малой Азіи, о которомъ, насколько мнѣ извѣстно, въ русской литературѣ не упоминалось. Правда еще на картѣ Малой Азіи 1871 года, изданной военно-топографическимъ депо Кавказскаго военнаго округа, обозначенъ уже на Бейшеирскомъ озерѣ «Казак-адасй», т. е. казачій островъ, но мы не знаемъ взято-ли имя это изъ описанія пути какого-либо русскаго путешественника или же изъ иностранныхъ картъ. Глухое упоминаніе о поселеніи этомъ находится въ недавней статьѣ доктора Щепотьева о Майнозѣ [1]).

Въ книгѣ В. И. Ламанскаго [2]), гдѣ приводятся подробныя свѣдѣнія объ исторіи выселенія Некрасовцевъ и о Майнозѣ; о Мадѣ же не могло быть и рѣчи, такъ какъ этого поселенія тогда еще не существовало.

Реклю [3]), перечисляя прочія казачьи поселенія въ Малой Азіи, о казакахъ бейшеирскихъ не упоминаетъ, хотя это поселеніе и извѣстно инымъ изслѣдователямъ Малой Азіи.

Такъ въ 1874 году на островѣ были берлинскій профессоръ Hirschfeld и Eggert, такъ какъ и на картѣ ихъ значится Kazak-adassi, и въ предварительномъ отчетѣ Hirschfeld упоминаетъ объ остаткахъ древности на островѣ, оче-

---

[1]) «Вѣстникъ Европы», 1895 г., августъ

[2]) О Славянахъ въ Малой Азіи, въ Африкѣ и въ Испаніи. 1859 года. См. стр. 23—38.

[3]) El. Reclus. Nouvelle géographie universelle. Vol. IX, p. 551.

видно имъ посѣщенномъ, но о самихъ казакахъ никакихъ свѣдѣній не даетъ [1]).

Техасскій профессоръ Sterret, изъѣздившій въ 1885 году окружающую озера страну, на островѣ не былъ и въ дневникѣ своемъ о казакахъ не упоминаетъ), хотя на картѣ Kazak-adasi и значится.

Польская археологическая экспедиція графа Ланцкоронскаго въ 1884 году прошла близь южнаго берега озера черезъ какое-то другое селеніе Kazakli, т. е. «казачье», но къ сожалѣнію въ изданіи трудовъ экспедиціи этой никакихъ подробностей о поселкѣ этомъ не находится [3]).

Въ новѣйшемъ описаніи Азіатской Турціи Виталя Кинé [4]) о бейшеирскихъ казакахъ сообщаются слѣдующія, не вполнѣ точныя, свѣдѣнія: «la plupart (des îles) sont habitées par des Cosaques autrefois émigrés de la Russie et qui y ont bâti un village de 300 maisons. Ces Cosaques sont tous pêcheurs ou bergers».

Имѣвъ счастливый случай посѣтить островъ Маду на пути изъ Коніи въ Динеръ вмѣстѣ съ русскимъ консуломъ въ Коніи, Ал. Дм. Левитскимъ, я полагаю не безъинтереснымъ для Русскаго Географическаго Общества сообщить слѣдующія страницы, гдѣ я попытался изобразить видѣнное и слышанное мною на о. Мадѣ во время нашего краткаго тамъ пребыванія.

Еще ранѣе, въ самой Коніи, имѣлъ я случай познакомиться съ однимъ изъ бейшеирскихъ казаковъ, Исаакомъ Петровичемъ Петрушинымъ, кавасомъ русскаго консульства, исколесившимъ западную часть Малой Азіи, возя соленую рыбу и торгуя всякой всячиной. Родившись на Майнозѣ, бывалъ онъ и въ дунайскихъ поселеніяхъ Некрасовцевъ, и въ Россіи: въ Очаковѣ, куда ѣздилъ по дѣламъ къ архіерею австрійскаго толка, и на Аѳонѣ, гдѣ искалъ священника для Мады; прійдя въ числѣ первыхъ переселенцевъ изъ Майноза на Маду, онъ послѣ долгой отлучки снова вернулся на островъ, гдѣ живетъ теперь его семья. Отъ него-то преимущественно и получилъ я сообщаемыя ниже свѣдѣнія, на него же возлагаю отвѣтственность за ихъ вѣрность.

Послѣ полудня выѣхали мы изъ большой турецкой деревни Кирили-

---

[1]) См. Monatsberichte der Akademie der Wissenschaften in Berlin, 1879, стр. 302 и приложенную карту.

[2]) Papers of the american school of classical studies at Athens. Vol. III (1884—1885), Boston, 1888, съ картой.

[3]) Städte Pamphyliens und Pisidiens von C. Niemann und E. Petersen herausgegeben von Karl Grafen Lanckoronski—(тоже издано и по французки и по польски). Wien, 1890, приложенная Karte von Pamphylien und Pisidien Г. Киперта—наибольшая и наилучшая для этой части Малой Азіи.

[4]) Vital Cuinet. La Turquie d'Asie, géographie administrative, statistique descriptive et raisonnée de chaque province de l'Asie Mineure. Tome I, p. 849.

Касаба, «Крылін» по выговору казаковъ, стоящей среди садовъ и виноградниковъ, на равнинѣ, къ востоку отъ Бейшеирскаго озера. Былъ праздникъ Введенія, и поэтому почти всѣ греки поѣхали проводить консула до берега озера. Въ этой большой деревнѣ въ нѣсколькихъ домахъ живутъ до тридцати грековъ изъ Силле, большой греческой деревни близь Коніи, держа въ рукахъ, путемъ торговли и финансовой эксплоатаціи, турокъ-земледѣльцевъ; одни живутъ тутъ постоянно, другіе пріѣзжаютъ лишь осенью, когда подходитъ пора разсчета зерновымъ хлѣбомъ. Проѣзжая по Малой Азіи осенью, я почти въ каждой деревнѣ встрѣчалъ такихъ греческихъ, рѣже армянскихъ, купцовъ или, какъ вѣрнѣе зовутъ ихъ, «сарафовъ» (мѣнялъ, банкировъ), эксплоатирующихъ мусульманское населеніе. Дорога шла по наклонной слегка къ озеру равнинѣ, всюду распаханной; по теченію ручьевъ, сбѣгающихъ съ горъ,—которыя мы перевалили по глубокому снѣгу на пути изъ равнины Коніи въ равнину Бейшеира,—насажены фруктовые сады и виноградники. На равнинѣ этой красноватая, глинистая земля пашень не была еще покрыта снѣгомъ, который покрывалъ горы, постепенно рѣдѣя по ихъ скатамъ къ равнинѣ. Минутъ черезъ сорокъ подъѣхали мы къ турецкой деревнѣ Толча, стоящей на самомъ берегу озера. Огромная лужа преграждала дорогу. Съ одной стороны обширное кладбище: тутъ лежатъ и торчатъ изъ земли, по большей части наклонно, камни самаго разнообразнаго вида и происхожденія, тутъ и камни отъ античныхъ зданій, и украшенные крестами столбы изъ христіанскихъ церквей, и длинные камни, выломанные изъ скалъ и оставленные вовсе необдѣланными, и, наконецъ, но всего рѣже, столбики съ чалмами наверху и арабскими письменами по бокамъ. Подальше на холмикѣ виднѣется еще кладбище, стоящее, вѣроятно, на мѣстѣ древняго поселенія.

По другую сторону сама деревня. Двухъэтажные дома сложены изъ сырца, небольшія ихъ окна задѣланы частыми деревянными рѣшетками, плоскія земляныя крыши подперты на галлереяхъ деревянными столбами и кажутся тождественными съ древними постройками, изображаемыми на рельефахъ Ликіи. По узкимъ извилистымъ улицамъ выѣхала кавалькада наша на плоскій берегъ озера. На мелкій щебень вытащено нѣсколько лодокъ съ одинаково остро сведенными кормою и носомъ. Лодки эти дѣланы казаками и куплены турками у нихъ, такъ какъ сами турки дѣлаютъ лишь большія тяжелыя лодки, въ которыхъ возятъ лѣсъ и дрова съ западнаго лѣсистаго берега озера. Казаки называютъ свои легкія лодки «лодочками». Петровичъ сторговалъ уже двухъ гребцовъ, старыхъ турокъ, весьма похожихъ одинъ на другого: оба безъ переднихъ зубовъ, оба въ чалмахъ хаджей, оба въ рваныхъ куртках, халатахъ и шароварахъ, оба въ шерстяныхъ чулкахъ, вязанныхъ разноцвѣтными

узорами, но на ногахъ у одного кожаныя туфли, а у другаго просто куски кожи, стянутые вверху на подъемѣ и на щиколдкѣ ремешкомъ, продѣтымъ въ отверстія по краямъ куска этого. Турки сѣли за весла, Петровичъ правилъ и подгребалъ кормовымъ весломъ и лодка быстро понеслась на NOO, гдѣ виднѣлся широкій островъ Мада, образованный двумя лѣсистыми горами, связанными низкимъ перешейкомъ. Петровичъ держалъ на сѣверный конецъ острова.

Погода была ясная и теплая, но горизонтъ облегали тучи, лежавшія на покрытыхъ снѣгомъ горахъ по краямъ обширной равнины. Озеро, которое турки и греки называютъ даже иной разъ моремъ, развертывалось во всю длину и ширину [1]).

Съ сѣвера къ берегу озера подходятъ двѣ горы, между которыми лежитъ деревня Фѣля, гдѣ будутъ ждать насъ съ повозкой ямщикъ и заптіе; горы эти—послѣдніе отроги огромнаго Султанъ-Дага, который поднимается къ С.-В. отъ равнины; отъ него же къ югу тянутся горы по восточному краю равнины Кирили, черезъ которыя мы перевалили изъ Коніи и черезъ которыя греки изъ Кирили ѣздятъ домой въ Силле прямою дорогой въ полтора дня, а если лошадь хороша, то и въ одинъ день. На плоскомъ восточномъ берегу озера, кромѣ Толчи, видны близь воды еще нѣсколько деревень. На югъ озеро уходитъ къ Бейшеиру, до котораго отъ Мады надо плыть часовъ шесть.

Тамъ теперь края озера не видно: вершины горъ скрыты тучами, а надъ озеромъ и равниной плывутъ бѣлыя облака, и ярко свѣтитъ между ними солнце, совсѣмъ не соотвѣтствуя ноябрю мѣсяцу. Къ намъ ближе всѣхъ сѣверо-восточный берегъ озера. Тутъ на склонѣ прибрежныхъ холмовъ въ лощинѣ чернѣются пять-шесть шатровъ кочевниковъ юрюковъ, спустившихся въ равнину на зимовку. Влѣво южнѣе Толчи не далеко отъ плоскаго восточнаго берега поднимается небольшой островокъ, именуемый по ближней деревнѣ Будакъ-кёй-адасй: на плоскомъ островкѣ, поросшемъ мѣстами тополями, поднимается широкая и высокая насыпь, не похожая на курганъ. Петровичъ сообщаетъ, что, по словамъ турокъ, лѣтъ шестьсотъ тому назадъ, когда озера будто-бы еще не было, въ этомъ мѣстѣ образовалась «пучина», откуда вышла вода, затопившая часть равнины; она потопила бы и всю равнину сплошь, пожалуй и весь міръ, если бы пучины не заткнули ваткой и не насыпали сверху этого холма.

Прямо передъ нами за невысокими горами Мады поднимаются высокія

[1]) О Бейшеирскомъ озерѣ, кромѣ вышеуказанныхъ картъ, см. Вронченко, Обозрѣніе Малой Азіи, I, стр. 98 и слѣд., Ritter, Erdkunde von Asien, IX, II, стр. 457—459; Reclus, Nouvelle Géographie universelle, IX, стр. 518—520.

«коренныя» (т. е. материковыя) горы западнаго берега озера: вершины ихъ ушли въ тучи, узкая полоска облаковъ перерѣзаетъ пополамъ видимую часть. Эти горы Петровичъ называетъ Паннуріазъ-дагъ, но такого имени на картахъ не значится.

Лѣвѣе, подъ западнымъ берегомъ и идя отъ него къ срединѣ озера, видны крутые лѣсистые острова, которыхъ тоже полностью не нарисовано ни на одной картѣ; ихъ называютъ Кара-адà (черный островъ), Кирили-адасй, лежащій противъ этого селенія, Миль-адасй, чтò значитъ будто бы илистый островъ, хотя онъ въ дѣйствительности каменистый; крайнимъ къ югу виднѣется небольшой островокъ, на которомъ изъ самой воды поднимаются стѣны и полуразвалившіяся башни древней крѣпости. Тамъ, по словамъ казаковъ, бывавшихъ на островѣ этомъ по пути въ Бейшеиръ—до острова отъ Мады часа три ходу—есть и развалившіяся церкви, и камни съ надписями; греки въ Кирили ничего объ островѣ этомъ сказать не могли, они тамъ не бывали, какъ не могли попасть туда по отсутствію лодокъ и иные путешественники [1]. Еще лѣвѣй, въ юго-западномъ углу озера, за передними цѣпями холмовъ поднимается, появляясь иногда конической вершиной между облаками, огромный Анамазъ-Дагъ. Съ юга подуваетъ «морàна», разводя волненіе, на озерѣ кричатъ дикіе гуси. На сѣверномъ берегу, черезъ часъ съ четвертью ходу отъ Толчи, открылась между горами деревня Феля. Мада все приближалась, у южнаго мыса ея показался небольшой плоскій островокъ «ослиный» — Ишéкъ-адасй. На обѣихъ горахъ Мады и въ ложбинѣ между ними ничего кромѣ лѣса, да торчащихъ мѣстами между деревьями сѣрыхъ скалъ, съ этой стороны не видно. Только черезъ два часа съ лишнимъ (2 ч. 12 м.) по выѣздѣ изъ Толчи достигли мы сѣвернаго мыса, «рынка», какъ говорятъ казаки, острова Мады. Солнце склонялось уже къ закату, лучи его, проходя надъ вершинами горъ западнаго берега между сѣрыми тучами, окрашивали цвѣтами радуги легкія бѣлыя облачка, пролетавшія передъ круто поднявшимися надъ озеромъ скатами горъ этихъ. Мысъ, который мы огибали,—голая сѣрая скала, наклонно уходящая въ воду; повыше, куда не хватаютъ волны, по склону ея, на тонкомъ слоѣ красноватой земли ростутъ невысокія сосны. Далѣе къ С.-З. открылся другой подобный же пустынный мысъ. Хотя вѣтеръ за мысомъ и прекратился, но волненіе, отражаясь отъ берега, усилилось: мы въѣхали въ «толчéкъ», по опредѣленію Петровича. Наши турки, когда находила волна побольше, говорили: «онбашй гелдй»—«десятникъ пришелъ». Лѣсистая гора Мады, какъ и прежде, пустынна, только кружащіеся

---

[1]) См. Ritter, l. c., стр. 455.

надъ ней три орла указываютъ на близость жилья. Сосновый лѣсъ спускается до самой почти воды; по скату горы между деревьями спускаются къ водѣ, какъ бы тропинки, по которымъ стаскиваютъ къ лодкамъ деревья, когда рубятъ лѣсъ.

На песчаный берегъ въ выгибѣ между этими мысами приходитъ на водопой скотина, а весною въ апрѣлѣ и маѣ здѣсь «бьется о песокъ бѣлая рыба», приходящая метать икру, какъ сообщаетъ рыболовъ Петровичъ. Минутъ черезъ двадцать обогнули мы и слѣдующій, самый сѣверный мысъ острова; на немъ на скалѣ есть, по словамъ Петровича, изображеніе какъ бы распятаго человѣка, повернутаго спиною наружу, котораго казаки зовутъ почему-то «Ману̂ломъ». Это сообщеніе наводитъ меня на археологическія фантазіи: поза напоминаетъ мнѣ рельефы знаменитаго памятника на восточномъ берегу озера, т. н. «Источника Платона»,—«Эфлатунъ-Бунаръ», и я льщусь увидать новый, неизвѣстный еще «хеттейскій» рельефъ, но мы подъѣзжаемъ ближе къ скалѣ, Петровичъ указываетъ «Манула» и становится очевиднымъ, что это просто игра природы!

Открывается новый мысъ, на этотъ разъ уже отлогій и низкій. Въ озерѣ вокругъ его ростутъ камыши, а среди нихъ близь «рыночка» стоитъ столбомъ камень, который турки зовутъ «дикили-ташъ» — «стоящій камень», а казаки «человѣкъ-камень», хотя особаго сходства съ человѣкомъ въ немъ и не видно. Между рѣдкимъ желтымъ камышемъ огибаемъ мы этотъ мысъ и къ югу уже открывается проливъ между островомъ и западнымъ берегомъ озера. Между крутыми скатами «коренныхъ» горъ и озеромъ узкая, покатая прибрежная полоса образуетъ противъ острова небольшой мысъ, близко къ нему подходящій. На мысу этомъ стоитъ одинокій домъ. Перевозъ держатъ казаки, и желающій попасть съ берега на островъ кличетъ ихъ черезъ проливъ. На островѣ деревни все еще не видно: ее заслоняетъ еще одинъ невысокій мысъ съ возвышающимся на концѣ скалистымъ холмикомъ, но изъ-за отлогаго склона мыса видны уже вершины деревьевъ и нѣсколько крытыхъ камышемъ крышъ. Слѣва отъ насъ берегъ Мады отлого поднимается къ вершинѣ горы, гдѣ лѣсъ на обширное пространство выгорѣлъ нынѣшнимъ лѣтомъ: пожаръ начался отъ костра, разложеннаго пастушка̀ми — «хлопцами», но дальнѣйшее его распространеніе удалось казакамъ остановить: «всѣмъ міромъ бѣгали да вѣтками избивали». На берегу у самаго озера видны развалившіяся каменныя стѣнки какихъ-то оградъ, бывшія здѣсь еще до прихода казаковъ. Изъ-за камней мыса начинаетъ выступать плоскій «рыночекъ» съ жердями для просушки сѣтей, а за нимъ вдоль самаго берега озера и по отлогому склону явились

бѣлыя хаты съ камышевыми крышами, изгороди изъ плетня и традиціонныя вербы русской деревни.

Въ проливѣ къ югу открылся маленькій плоскій островокъ съ какимъ-то древнимъ зданіемъ по срединѣ и нѣсколькими деревьями по краю; зданіе это турки считаютъ церковью, а потому и островокъ зовутъ «Клисѐ-адасй». Въ проливѣ, очевидно мелкомъ, растутъ мѣстами камыши; изъ нихъ вылетаетъ стая дикихъ утокъ.

Обогнувъ послѣдній «рыночекъ», лодка наша направляется къ берегу, гдѣ лежатъ на пескѣ нѣсколько «лодочекъ». Передъ хатами по берегу бродитъ нѣсколько бабъ и ребятъ. Тутъ, завидѣвъ нашу лодку, появляется жена Петровича съ сыномъ-«хлопцемъ», воротъ бешмота котораго обшитъ русскими серебряными монетами XVII вѣка. Является и трое казаковъ въ короткихъ шубахъ съ мѣховой опушкой, крытыхъ малиновымъ и краснымъ сукномъ, въ цвѣтныхъ же шараварахъ. На головахъ у двухъ изъ нихъ высокія черныя барашковыя шапки—это атаманъ и два дьяка, все мужское населеніе деревни въ это время: всѣ прочіе взрослые казаки и парни—на рыбной ловлѣ. Еще двое тяжело больныхъ лежатъ въ хатахъ.

Послѣ трехъ-часоваго пути, ровно въ 12 часовъ по турецки, т. е. на закатѣ солнца, вытаскиваютъ лодку нашу на отлогій берегъ, и мы выходимъ, будучи, по увѣренію казаковъ, первыми русскими, посѣтившими ихъ деревню за все время ея существованія.

Насъ повели въ одну изъ хатъ (см. рис. 1), стоящую на углу одной изъ четырехъ или пяти улицъ, идущухъ отъ берега вверхъ по склону.

Хата сдѣлана, какъ малорусскія мазанки, изъ двойнаго плетня, обмазаннаго глиной; снаружи вся она чисто вымазана бѣлою глиной, а нижняя часть такою же обмазкою, но чернаго цвѣта. Толстая камышевая крыша сильно выдается сбоку, а спереди надъ двумя квадратными окнами, выходящими на улицу, устроенъ особый навѣсъ изъ тростниковой крыши, подпертый однимъ столбомъ. Двѣ жерди, въ родѣ перилъ, мѣшаютъ заходить скотинѣ на образующуюся подъ навѣсомъ этимъ площадку, также чисто вымазанную черной глиной, какъ и нижнія части стѣнъ. Цѣль этого навѣса, какъ и выступа крыши, очевидно, предохранить глиняныя стѣны хаты отъ разрушительнаго дѣйствія дождя.

Вдоль улицы отъ хаты идетъ изгородь усадьбы. Эта изгородь сдѣлана изъ стеблей тростника, поставленныхъ въ земляное, обмазанное глиной, основаніе, на разстояніи 2—3 пальцевъ одинъ отъ другаго и связанныхъ вверху при помощи стеблей, положенныхъ горизонтально. Эти легкія и изящныя изгороди казаки называютъ «лѣсами» и поясняютъ, что онѣ плетутся, какъ «кàцы на рыбу».

Надъ деревянной калиткою въ этой изгороди близь хаты приколоченъ четвероугольный кусокъ красной матеріи съ позументной каймой, а посреди его мѣдный восьмиконечный крестъ. Дворикъ, куда вошли мы, весь чисто вымазанъ помянутымъ черным глинянымъ цементомъ. Справа «лясы» отгораживаютъ садъ и огородъ, а слѣва низко спускается камышевая крыша и, опираясь концами стропилъ на нѣсколько рѣзныхъ столбиковъ, образуетъ вдоль стѣны хаты довольно широкое пространство, въ родѣ галлереи, называемое «повѣточнымъ навѣсомъ».

Столбики ярко раскрашены красной и синей масляной краской, а между ними связанныя изъ стеблей тростника циновки отгораживаетъ все это пространство, чисто вымазанное черною глиной по полу. Черезъ него подходимъ къ двери. Направо подъ тѣмъ же навѣсомъ полъ нѣсколько поднятъ: здѣсь спятъ въ теплое время. Низенькая дверь, досчатая, съ выпуклыми рамами, раскрашена синей и красной краскою; надъ нею опять крестъ на платкѣ. Дверь эта ведетъ въ «сѣнцы»: «самое у насъ украшеніе—сѣнцы», говорятъ казаки, и точно—обширная низкая комната въ лѣвой отъ входа стѣнѣ имѣетъ дверь, опять, конечно, съ крестомъ надъ нею, въ самую хату, а стѣна противъ входной двери во всю ширину занята полками: на нихъ посрединѣ вверху стоятъ иконы, висятъ на цвѣтныхъ платахъ мѣдные кресты и складни. Полки обиты цвѣтными кусками матеріи, съ нашивными на нихъ позументами и блестками, висятъ и шитыя полотенцы. На полкахъ до самаго полу разставлена на показъ всякая утварь: чашки, кувшины, тарелки и блюда.

По стѣнамъ разставлены сундуки, лежатъ одѣяла и подушки. На стѣнѣ близъ двери, ведущей въ хату, бросился мнѣ въ глаза листъ бумаги съ нарисованными какимъ-то мѣстнымъ художникомъ красками фигурами: въ верхнемъ ряду сидятъ два черноусыхъ турка, увѣшанныхъ оружіемъ; при одномъ стоитъ турчанка; въ нижнемъ—тѣ же два турка, ѣдущихъ верхомъ; надписи, уставомъ: османъ ꙋланъ и дертли чаꙋшъ объясняетъ, кто изображенъ тутъ—это недавно прославившіеся разбойники: одинъ,—родомъ изъ ближней деревни Кюснюкли, представленный здѣсь со своею невѣстой, которой онъ подарилъ якобы фесъ, украшенный двумя стами лиръ,—убитъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ у Аксарая, а другой, убившій недавно богатаго грека, сидитъ въ тюрьмѣ въ Коніи.

А рядомъ съ этимъ произведеніемъ какого-то казака, нарисованнымъ во время досуга на Акшеирскомъ озерѣ, приклеены, Богъ вѣсть какъ сюда зашедшіе, два листка съ рисунками изъ книги Полеваго: «Русская Исторія въ памятникахъ быта». Низкою дверью вошли мы въ самую хату. Полъ ея, какъ и «сѣнецъ», чисто на чисто вымазанъ чернымъ, а стѣны и потолокъ

бѣлымъ глинянымъ цементомъ; судя по паралельнымъ углубленнымъ полоскамъ этой обмазки, мазано руками.

Цементъ состоитъ изъ глины съ пескомъ и рубленной соломой. Бѣлую глину берутъ на мысѣ Ак-Бурунъ на Бейшеирскомъ озерѣ близъ Бейшеира. Снаружи дома мажутъ, конечно бабы, разъ или два въ годъ, внутри же и особенно полы чаще: черезъ недѣлю или двѣ. Узкія балки потолка гладко выструганы и вмѣсто краски промазаны маковымъ масломъ. Направо, въ углу, значительную часть всей хаты занимаетъ большая печь, столь же чисто, какъ и стѣны, смазанная бѣлой глиною; она подобнаго-же устройства, какъ и обычныя русскія печи. Но отверстіе самой печи очень мало, оно заставлено деревянной заслонкой, а надъ нимъ предусмотрительно намазана широкая полоса черной глиною тамъ, гдѣ дымъ идетъ въ трубу; колпакъ подъ трубою значительно выдается впередъ: гораздо дальше чѣмъ подъ, но огороженный стѣнками спереди и съ боковъ, а оставленный совершенно открытымъ; въ углу его, примыкая къ стѣнѣ, помѣщена маленькая чисто выбѣленная печурка съ полукруглымъ отверстіемъ въ узкой сторонѣ и круглой дырою сверху; судя по чистотѣ, печурка эта практическаго употребленія не имѣетъ: назначеніе ее было, говорятъ, прежде служить помѣщеніемъ выгребаемыхъ изъ печи углей, но теперь ихъ кладутъ въ корчаги. Противъ печи, подходя краемъ подъ дымовой колпакъ, въ углу находится широкій деревянный помостъ на высотѣ лавокъ, служащій постелью. Лавки идутъ, примыкая къ помосту этому вдоль двухъ стѣнъ, образующихъ передній уголъ, заставленный образами въ большомъ кіотѣ. Лавки и постель покрыты коврами и одѣялами. Въ лицевой стѣнѣ хаты два небольшихъ квадратныхъ окна, въ которыхъ наглухо вмазаны стекла; третье небольшое, открывающееся, оконце въ боковой стѣнѣ выходитъ въ «повѣточный навѣсъ».

Въ углу, сосѣднемъ съ дверью, полъ, вымазанный черной глиной, образуетъ небольшое возвышеніе, на которомъ стоитъ столъ; такія же возвышенія идутъ и подъ лавками. Въ хатахъ и свѣтло и тепло и сухо, но ради тепла ихъ дѣлаютъ небольшими—всѣ одной почти величины—и довольно низкими. Казачьимъ хатамъ завидуютъ сосѣди турки и греки. И дѣйствительно послѣ пыльныхъ, грязныхъ и холодныхъ домовъ турецкихъ деревень, ясны были преимущества этихъ хатъ.

Подъ тою же двускатною крышей за сѣнцами находится «сарайчикъ». Передъ нимъ въ усадьбѣ «огородка» для куръ и гусей; тутъ же стоитъ и лѣтняя печка въ видѣ очага. Въ саду, гдѣ между фруктовыми деревьями накопаны гряды, устроенъ на жердяхъ помостъ, гдѣ спятъ лѣтомъ; а на перевернутой вверхъ ногами древней капители, изъ церкви, судя по кресту на

ной, стоитъ кувшинъ съ водою для умыванья. Въ верхнемъ концѣ усадьбы плетневый сарай подъ камышевой крышей, наполненный сухой осокой.

Между тѣмъ темнѣло, и наши гребцы турки долго ходили по деревнѣ, пока нашли, кто согласился ихъ принять на ночь, такъ какъ ѣхать обратно въ Толчу было уже поздно.

Насъ начали угощать, поставили столъ, накрыли его чистымъ бѣлымъ платкомъ, на которой уставомъ написано имя хозяйки: дуни макѣвой платокъ. Хозяйка, высокая баба лѣтъ подъ сорокъ, схоронившая уже трехъ мужей, съ широкимъ скуластымъ лицемъ, толсто обернутымъ платкомъ—одѣта поверхъ длинной, до колѣнъ, ситцевой стеганной на ватѣ кофты съ рукавами до локтей, въ короткую безрукавную баранью шубку, въ родѣ кацавейки, «полушубокъ», и передникъ; длинные, расширяющіеся къ низу, ситцевые рукава, выходящіе изъ подъ короткихъ рукавовъ кофты, во время работы приходится или связывать около кисти, или завертывать на плечахъ. На ногахъ большія «ку̀ндры» (турецкіе туфли—«кундурѐ»).

Появилось угощеніе: красная икра съ лукомъ, изъ рыбы въ родѣ сазана, называемой казаками «коробь», какая-то рыба, квашенная капуста, пшеничный хлѣбъ—и въ большомъ глиняномъ кувшинѣ вино, до котораго казаки, повидимому, охотники.

Долго сидѣли мы за угощеніемъ: трое нашихъ хозяевъ бесѣдовали на разныя темы. Атаманъ Семенъ Адріановичъ, крѣпкій старикъ, вотъ уже двадцать лѣтъ избираемый на эту должность, ходитъ въ синихъ шараварахъ и красной шубѣ, быть можетъ, однако, лишь по случаю праздника; шапки на головѣ не носитъ: нѣтъ-де хорошей. Въ разговорѣ нерѣдко упоминаетъ плети и глаголъ драть, но при теперешнемъ положеніи казаковъ это повидимому лишь слова, оставшіяся отъ прежнихъ временъ. Вслѣдъ за нимъ пришелъ и сынишка его, усѣвшійся въ углу и сперва съ любопытствомъ на насъ смотрѣвшій, а потомъ уснувшій.

Дьякъ Сергѣй Рома̀новичъ служитъ въ бо̀льшой церкви и повидимому имѣетъ вліянія болѣе атамана; это темнорусый, высокій казакъ лѣтъ за сорокъ, кривъ на одинъ глазъ, человѣкъ разумный и бывалый.

Другой дьякъ Кириллъ Агаѳоновичъ—свѣтлорусый, съ длинной бородой, попроще и имѣетъ мѐньшій приходъ. Оба дьяка и нашъ Петровичъ пѣли по крюкамъ, по рукописной книгѣ, тропари и кондаки въ праздники; кромѣ нихъ понимаютъ крюки и хлопцы, читающіе и поющіе вмѣстѣ съ ними въ церквахъ.

Разговоры шли на разныя темы, весьма оживленно, и казаки относились къ намъ весьма любезно и радушно. Особенно интересовалъ ихъ вопросъ, гдѣ

найдти давно тщетно отъискиваемаго попа, который не былъ бы ни австрійскаго рукоположенія, ни единовѣрческій. Неразрѣшимой задачѣ этой рѣшиться въ какую либо изъ двухъ сторонъ препятствуетъ, по видимому, главнымъ образомъ упорство бабъ, а быть можетъ, отчасти, и интересы дьяковъ.

Изъ тѣсной хаты выходили мы часто на улицу, дабы дать возможность покурить моему спутнику. Въ узкомъ чистомъ дворѣ передъ хатой ярко свѣтила луна на чисто вымазанныя бѣлою глиною хаты и блестящія прутья тростниковыхъ изгородей. Въ холодномъ ночномъ воздухѣ была полная тишина. Глядя на всю эту обстановку русской деревни, слыша русскую рѣчь и вспоминая, что находишься далеко за предѣлами Россіи, откуда принуждены были бѣжать предки нашихъ хозяевъ, становилось горько за ихъ безпокойное прошлое и особенно за неизбѣжное, по видимому, печальное будущее. Обидно было думать, что, пожалуй и теперь, находясь здѣсь въ глубинѣ Малой Азіи, которая представляется намъ столь страшной, наши старовѣры находятся, быть можетъ, въ лучшихъ отношеніяхъ относительно приволья жизни и свободы вѣры, чѣмъ были бы они на Дону, не уведи ихъ оттуда Игнатъ.

II.

Казаки переселились съ Майноза на Маду тридцать лѣтъ тому назадъ, «когда во Иконіи былъ большой пожаръ», какъ опредѣляютъ они. Послѣ выселенія кавказскихъ горцевъ съ лѣваго берега Кубани въ Турцію, поселенные въ окрестностяхъ Бруссы и Майноза черкесы стали безпокоить Некрасовцевъ грабежами и разбоями, при чемъ нерѣдко доходило до стычекъ и взаимныхъ убійствъ. Тогда часть казаковъ задумала переселиться въ какое либо болѣе безопасное мѣсто.

Пользуясь по султанскому фирману правомъ свободнаго лова рыбы на озерахъ Малой Азіи, майнозцы знали и эти южныя озера Малой Азіи и ходили туда рыбачить, какъ хаживали и на Кизылъ Ирмакъ [1]). Нѣкій Романъ, отецъ одного изъ дьяковъ, приходилъ два года сряду на Бейшенрское озеро и выглядѣлъ безопасное для поселенія мѣсто на островахъ этого озера. Сперва турецкое правительство давало казакамъ для поселенія Миль-адаси, но тѣ его забраковали, какъ слишкомъ каменистый. Казаки предпочли купить Маду, гдѣ были тогда въ «чифликѣ» (усадьбѣ) турки, распахивавшіе тремя парами

---

[1]) Вотъ какъ описываетъ отправленіе ихъ на промыселъ Тексье въ 1835 году: ils possèdent—говоритъ онъ, (Asie Mineure, p. 139),—quelques bateaux longs qu'ils placent sur un train de quatre roues, mettent dedans leurs enfants et leurs ustensiles de pêche et vont ainsi selon la saison pêcher dans les différents lacs et courses d'eau de la contrée.

воловъ 320 «дюдюмовъ» земли. Островъ купленъ былъ, повидимому, не у этихъ обитателей его, а у казны за 800 турецкихъ золотыхъ лиръ, но уплатили казаки лишь сто, такъ какъ двѣсти султанъ имъ простилъ.

На новое мѣсто двинулось съ Майноса 157 семей на 257 повозкахъ. Повозки были четырехъ-колесныя «румелійскія», запряженныя буйволами, волами и лошадьми; кромѣ домашняго скарба везли иные и «лодочки»; для церквей везли иконы, книги и колокола; въ качествѣ войсковаго клейнода майносцы дали переселенцамъ «насѣку Игната Некрасова», оставивъ у себя Игнатовъ щитъ, шитый для него якобы самою царицей. Гнали съ собой и скотъ бѣлой масти и везли саженцы фруктовыхъ деревьевъ.

Шли цѣлыхъ 42 дня, останавливаясь по праздникамъ и воскресеньямъ на отдыхъ. Идя черезъ Бруссу, вышли сперва къ Эгердирскому озеру, а 2-го сентября подошли наконецъ къ Бейшеирскому озеру. Но на Маду ихъ, жившіе тамъ и считавшіе островъ своимъ, турки не пустили. Но такъ какъ документовъ на владѣніе землею у нихъ не было, то двое ходоковъ, посланныхъ казаками въ Конію къ вали-пашѣ, уладили дѣло, и 6 ноября казаки вступили на свой островъ. За позднею осенью пришлось ограничиться постройкою кое-какихъ лачугъ на зиму, въ которыхъ и перезимовали довольно благополучно; но на слѣдующій годъ въ августѣ явился какой-то моръ, истребившій до 30 дворовъ. Бѣлый скотъ, приведенный съ Майноза, весь перемеръ отъ чумы, и пришлось заводить мѣстный, болѣе мелкій, черной масти. Новосельемъ многіе остались недовольны и около 30 дворовъ вернулись назадъ въ Майнозъ. Теперь вмѣсто 90 дворовъ, оставшихся, судя по вышеприведеннымъ разсказамъ, на Мадѣ, осталось на лицо лишь дворовъ 30, т. е. около 150 душъ обоего пола, т. е. населеніе въ тридцать лѣтъ уменьшилось втрое! Если цифры эти вѣрны, то печальная судьба ожидаетъ казаковъ въ будущемъ. Прійдя съ Майноза со всѣмъ домашнимъ скарбомъ и построивъ на Мадѣ три церкви, изъ которыхъ теперь одна съ уменьшеніемъ населенія упразднена, казаки не привели однако съ собою священника, а найдти таковаго, не смотря на всѣ старанія, не удалось казакамъ и понынѣ, такъ какъ они упорно держатся древляго благочестія, не желая принимать ни австрійскихъ, ни единовѣрческихъ священниковъ, хотя отдѣльныя лица и склоняются то къ тому, то къ другому выходу изъ теперешняго ненормальнаго положенія. Прежній дьякъ на Мадѣ перешелъ потомъ на Майнозъ и былъ, по согласію

---

[1]) Эти цифры вслѣдствіе сходства двухъ послѣднихъ знаковъ кажутся мнѣ сомнительными. Вѣрную исторію переселенія можно, разумѣется, узнать изъ архивовъ конійскаго вилайета.

вселенскаго патріарха, рукоположенъ петербургскимъ митрополитомъ въ единовѣрческіе священники и священнодѣйствуетъ на Майнозѣ и по нынѣ у той части его обитателей, которые принимаютъ единовѣріе; другая половина—австрійскаго толка. Переселенцы же на Маду до сихъ поръ тщетно ищутъ истиннаго древняго священства или въ отдаленныхъ странахъ, куда народная фантазія помѣщаетъ поселенія бѣжавшихъ старообрядцевъ, или же въ попыткахъ склонить какого либо православнаго священника, непремѣнно, конечно, русскаго, прочесть особую клятвенную молитву на всѣ ереси, въ числѣ ихъ и на никоновскую, и приступить къ исполненію таинствъ по древнему обряду. Теперь нужда въ священникѣ сознается всѣми: все молодое поколѣніе не видало совершенія литургіи и не пріобщалось, бо̀льшая часть браковъ освящены лишь особыми молитвами, читаемыми дьяками въ церкви, вмѣсто совершенія таинства бракосочетанія, дѣти крещены дьяками же безъ мvропомазанія, хотя на Мадѣ и хранится пузырекъ мvра, вывезенный будто бы еще Игнатомъ Некрасовымъ. Вотъ краткая исторія тщетнаго исканія древняго священства бейшеирскими казаками:

Десять или одиннадцать лѣтъ тому назадъ, на основаніи слуховъ о какихъ-то древле-православныхъ христіанахъ, разумѣется русскихъ, живущихъ якобы гдѣ-то за Багдадомъ, отправлены были туда двое ходоковъ: они отправились въ Александретту, оттуда съ караваномъ добрались до Діарбекира и оттуда на плотахъ на надутыхъ мѣхахъ, о какихъ повѣствуетъ еще Геродотъ, спустились внизъ по «Вавилонъ-рѣкѣ» (конечно, по Тигру, а не по Ефрату, на которомъ дѣйствительно стоялъ Вавилонъ) до Багдада. Цѣлыхъ два мѣсяца жили они тамъ, тщетно разспрашивая тамошнихъ христіанъ, гдѣ тамъ живутъ древле-православные христіане. Не найдя ихъ, ходоки вернулись моремъ черезъ Бассору и Красное море, тщетно проѣздивъ до 80 лиръ. Семь лѣтъ тому назадъ послали двоихъ на Аѳонъ: тамъ не трудно было найти русскаго іеромонаха, который согласился на выгодныя предложенія казаковъ; тѣ на радостяхъ послали телеграмму въ Караагачъ, ближайшій къ Мадѣ городъ, что везутъ съ собой желаннаго попа. Но увезти его съ Аѳона оказалось не такъ-то легко: прощаясь съ друзьями и расплачиваясь съ должниками, іеромонахъ выманилъ у казаковъ лиръ 8 или 10, все откладывая отъѣздъ и предъявляя новыя требованія, такъ что депутаты убѣдились въ безполезности дальнѣйшихъ переговоровъ съ нимъ и вернулись на Маду съ пустыми руками.

Лѣтъ семь тому назадъ, услыхавъ отъ адалійскихъ грековъ, что въ Фенике, въ Ликіи, жилъ какой-то русскій попъ, отправились туда, но тотъ оказался ушедшимъ уже въ Іерусалимъ.

Слѣдующая экспедиція направилась, опять по слухамъ, въ Египетъ, — «Мысыръ», какъ на турецкій манеръ зовутъ его казаки, — и тщетно отыскивала въ Каирѣ и окрестностяхъ истиннаго священства; посѣтила и Іерусалимъ, схоронивъ въ Яффѣ одного изъ ходоковъ; слухи влекли еще дальше: въ Абиссинію, но одинъ абиссинскій монахъ, Михаилъ, въ Іерусалимѣ, описалъ имъ всѣ трудности пути и убѣдилъ въ невозможности осуществить эту экспедицію.

Третьяго года дьякъ Сергѣй Романовичъ и еще одинъ казакъ ѣздили на Кипръ, по словамъ дьяка «смотрѣть лиманы», но въ сущности опять-таки искать попа, но имъ удалось найти лишь какого-то «русскаго дьячка», вѣроятно грека, бывавшаго въ Россіи, въ Никосіи, поповъ же, конечно, не оказалось. Теперь казаки, кажется, убѣдились въ невозможности найти поповъ въ дальнихъ странахъ и на мѣсто Багдада и Абиссиніи поговариваютъ о Россіи, гдѣ въ Лужкахъ якобы есть древле-православные попы. А пока такой попъ не найденъ, въ обѣихъ церквахъ службу: часы и вечерни — совершаютъ дьяки при помощи «хлопцевъ», читающихъ и поющихъ вмѣстѣ съ ними.

Дьяки, кромѣ совершенія дозволяемыхъ Кормчею службъ, читаютъ Евангеліе и исполняютъ, насколько то имъ дозволяется церковными уставами, требы. Вся деревня раздѣляется на два прихода, «станицы», какъ говорятъ казаки. Въ бóльшей, при церкви Николая Чудотворца, дьякомъ Сергѣй Романовичъ: пользуясь свѣчнымъ доходомъ, онъ получаетъ въ годъ яко бы до 150 меджидовъ, да по усердію платятъ за совершеніе требъ; въ меньшей церкви Казанской Божіей Матери дьякомъ Кириллъ Агаѳоновичъ, онъ также пользуется свѣчнымъ доходомъ и требами, но, такъ какъ «тая станица — малая», то ему приплачиваютъ еще 25 меджидовъ.

Чистота и благоустройство хатъ и явное культурное превосходство обитателей Мады передъ жалкими турецкими деревнями, видѣнными нами на пути, объясняется не только обычаями, принесенными съ Дона, и высшимъ умственнымъ развитіемъ казаковъ, но и бóльшею зажиточностью ихъ. Они не живутъ исключительно хлѣбопашествомъ да скотоводствомъ, какъ большинство сосѣднихъ турецкихъ деревень, и не находятся повидимому въ рукахъ греческихъ и армянскихъ купцовъ и сарафовъ. Главное занятіе ихъ здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ Турціи, гдѣ поселились русскіе казаки, рыболовство.

Турки, живущіе по берегамъ Бейшеирскаго озера, имъ вовсе не занимались, а теперь въ Бейшеирѣ имѣютъ лишь два небольшихъ невода и ловятъ рыбу, научившись у казаковъ, къ которымъ нанимались они въ работники.

Сами же казаки рыбачатъ не только на Бейшеирскомъ озерѣ, но и на

другихъ близъ лежащихъ прѣсноводныхъ озерахъ. На Бейшеирскомъ озерѣ ловятъ рыбу шести сортовъ: щуку, кôробь (сазанъ), какую-то мелкую «бѣлую рыбу» и др., большимъ неводомъ («мотўлою»), каждое крыло котораго по 200 саженъ; неводъ этотъ столь частый «на 2½ пальца», что забираетъ и мелкую рыбу, которой на одно окà (2½ фунта) идетъ 12 штукъ. Въ южной части озера близъ города Бейшеира построенъ казаками и «курѐнь», гдѣ живутъ во время рыболовства; тамъ же на мѣстѣ рыбу и солятъ и продаютъ торговцамъ, преимущественно грекамъ, которые развозятъ ее по разнымъ мѣстамъ Малой Азіи. До Бейшеира отъ Мады надо ѣхать въ лодкѣ часовъ 5—6, такъ что работающіе въ куренѣ казаки лишь изрѣдка на праздники пріѣзжаютъ домой. Уходящіе же на другія озера живутъ тамъ все время ловли.

Одна пятая улова берется казною, какъ подать: озера и доходъ съ нихъ находятся въ рукахъ европейской Administration de la Dette publique de l'Empire Ottoman.

Изъ Бейшеирскаго озера по «ерику» ходятъ казаки и въ лежащее южнѣе небольшое Сейдишерское озеро (оно же Согла-гёль), «въ Каравиренъ», какъ называютъ его казаки по деревнѣ на восточномъ его берегу.

На ближайшемъ къ западу большомъ Эгердирскомъ озерѣ теперь казаки рыбы не ловятъ. Прежде ходили и туда, но находятъ, что ловить тамъ рыбу, вслѣдствіе слишкомъ большой глубины его, неспособно, а кромѣ того нѣсколько лѣтъ тому назадъ тамошніе турки стали во враждебныя къ казакамъ отношенія, такъ какъ одинъ хлопецъ застрѣлилъ изъ ружья турецкую дѣвочку, которая, подошедши къ берегу, начала ругать и дразнить гяура, пока отецъ его бесѣдовалъ съ турками въ деревнѣ.

Акшеирское озеро (къ С.-В. отъ Бекшеирскаго, за хребтомъ Султанъ-Дага) и небольшое, сѣвернѣе его лежащее и соединенное съ нимъ протокою Эберъ-гёль доставляютъ казакамъ теперь главный доходъ: арендуя половину Акшеирскаго озера и все Эберъ-гёль за 300 лиръ, казаки въ прошломъ году получили за семь мѣсяцевъ работы якобы по 50 лиръ на каждаго изъ 29 человѣкъ, работавшихъ на Акшеирскомъ озерѣ. Ловя рыбу двумя огромными «мотулами» по 400 саженей каждый, который захватываетъ сразу по 10,000 «кôробовъ» (сазановъ), казаки солятъ рыбу и продаютъ на мѣстѣ, а «лодочки» свои, уходя домой, затапливаютъ въ камышахъ. Положеніе озера у желѣзной дороги, идущей къ Константинополю, дѣлаетъ сбытъ рыбы особенно удобнымъ. На близъ лежащемъ и связанномъ «ерикомъ» съ Акшеирскимъ «Ибéрь-гёлѣ»,—какъ называютъ казаки Эберъ-гöль,—ловятъ рыбу одной такою же большою «мотулой».

Кромѣ постоянной ловли на этихъ озерахъ казаки ходили прежде ло-

вить рыбу и на Кизылъ-Ирмакъ, а также нанимаются иногда ловить рыбу и на другія озера къ откупщикамъ ихъ; такъ нѣсколько казаковъ работали въ третьемъ году у одного армянина, арендовавшаго небольшое озеро или, какъ точнѣе называютъ его казаки, «плавни», близъ Динера, которое на картѣ Sterret'а неправильно названо Бунаръ - баши, каковое имя принадлежитъ не озеру этому, а истоку большого ручья, въ него вливающагося.

Ходили казаки и работали на рыбныхъ ловляхъ на морѣ у грековъ въ Адаліи.

Рыболовство представляетъ главное и наиболѣе доходное занятіе казаковъ; хлѣбопашествомъ занимаются далеко не всѣ, но почти вся удобная земля распахана. Отъ скотоводства конечно дохода не получаютъ.

Почти во всѣхъ усадьбахъ посажены фруктовыя деревья: яблони, груши, черешни, какія-то «жардóли», тутовыя деревья, ради ихъ ягодъ, и т. п.

Но сады эти, конечно, ничто въ сравненіи съ большими садами ближнихъ турецкихъ деревень, орошаемыми стекающими съ горы ручьями, и едва ли могутъ доставлять какую либо прибыль.

Пробовали держать пчелъ, но перестали: подати платить надо по 3½ лёва съ улья, а молодые рои улетали съ острова.

Большую часть года все мужское населеніе Мады, кромѣ дьяковъ, атамана, да тяжело больныхъ, проводитъ на рыбной ловлѣ: въ деревнѣ остаются лишь бабы да дѣти. Мы къ сожалѣнію попали на островъ именно въ это время.

Возвращаются казаки съ работы къ Пасхѣ и тутъ начинается, конечно, веселье и гульба. Повидимому не мало пьютъ казаки въ это время: хотя своихъ виноградниковъ у нихъ и нѣтъ, но вина—вдоволь: пріѣзжавшіе не задолго до насъ на островъ турецкіе чиновники нашли 900 ока вина; виноградъ покупаютъ очень дешево у турокъ, и сами приготовляютъ вино, красное и бѣлое. Пьютъ особенно, конечно, на свадьбахъ: по счету приходится по обряду, каждому присутствующему на пиру выпить по крайней мѣрѣ 18 стакановъ, да еще когда «руку запиваютъ» по 9 стакановъ. Когда пьютъ за чье либо здоровье, то тотъ «поклонится», ставъ на колѣни и опустивъ голову до тѣхъ поръ, пока его не ударятъ по головѣ опорожненнымъ стаканомъ.

Въ это-же время пребыванія казаковъ на Мадѣ, примѣрно съ Пасхи до Воздвиженья, сбирается и «кругъ» для выбора атамана и рѣшенія общественныхъ дѣлъ. Атаманъ выбирается на годъ, и теперешній атаманъ избирается уже двадцать лѣтъ. Въ настоящее время Мада входитъ въ составъ Кирильскаго мудирлыка, и поэтому тамъ разбираются въ первой инстанціи

судебныя дѣла; въ числѣ судей сидитъ и грекъ Косма, богатый силлійскій торговецъ, держащій въ рукахъ своихъ всю округу; аппеллировать на этотъ судъ можно въ аламлыкъ въ Бейшеиръ, а потомъ и въ Конію; словомъ можно легко достигнуть постепенно высшихъ степеней сложныхъ турецкихъ судебныхъ инстанцій, но насколько легко достигнуть правды, этого я не знаю. Турецкія власти въ общемъ во внутреннюю жизнь казаковъ не вмѣшиваются: подати вносятся черезъ мудира. Отъ воинской повинности казаки, какъ и всѣ христіанскіе подданные султана, свободны, платя за это по 2 меджида въ возрастѣ съ 16 до 60 лѣтъ. Подлежатъ конечно и инымъ пошлинамъ, какъ то десятинѣ съ урожая, налогу со скота и т. п. Но лѣсной законъ на лѣсъ на островѣ не распространяется, такъ какъ лѣсъ этотъ разсматривается, какъ частная собственность. Особыхъ утѣсненій со стороны турецкихъ властей казаки повидимому, вѣроятно вслѣдствіе зажиточности ихъ, не испытываютъ. Не задолго до нашего пріѣзда нагрянула на островъ неожиданно ревизія изъ Караагача отъ чиновниковъ «dette publique» вслѣдствіе разсказовъ, вызванныхъ обильнымъ потребленіемъ на Мадѣ вина, якобы тамъ имѣется до 20,000 окà вина, которымъ казаки торгуютъ. Но при ревизіи оказалось лишь около 900 окà съ лишнимъ.

Хотя нынѣ «кругъ» рѣшаетъ лишь дѣла хозяйственныя и общественныя да разбираетъ мелкія судебныя дѣла, такъ какъ недовольный рѣшеніемъ его обращается въ турецкій судъ, но сохраняется еще при сборѣ его слѣдующій старый ритуалъ:

Когда нужно «становить кругъ», эсаулъ ходитъ по селенію, крича по всѣмъ четыремъ или пяти улицамъ: «Атаманы молодцы, идите на кругъ вѣстей слухыть, а кто не прійдетъ на томъ войсковой приговòръ (столько то) левовъ!» и объявляетъ сумму штрафа: 100 левовъ или 20—10, смотря по значенію вопросовъ, подлежащихъ обсужденію на кругѣ, и нуждѣ полнаго или нѣтъ сбора казаковъ.

На мѣстѣ сбора сидитъ атаманъ и «пò боку его» старики; атаманъ спрашиваетъ эсаула: «можемъ ли мы кругъ становить», а эсаулъ обращается къ старикамъ: «старички божіи, время-ли кругъ становить»?

«Время, время»—отвѣчаютъ тѣ.

Тогда атаманъ встаетъ и держитъ передъ собою наклонно, уперевъ концемъ въ землю «насѣку» (т. е. жезлъ) Игната Некрасова, а эсаулъ такъ же держитъ свою меньшую насѣку такимъ образомъ, что концы ихъ стоятъ вмѣстѣ. Разнявъ концы насѣкъ, атаманъ говоритъ: «Ну, господинъ эсаулъ, станови кругъ». Тотъ кладетъ свою шапку и насѣку, кланяется въ землю «атаману и по всѣ на крылы», т. е. на три стороны, и, вставъ, говоритъ:

«Извольте, господа атаманы молодцы, въ кругъ становиться». Онъ говоритъ это, также на три стороны, кланяясь въ поясъ. А затѣмъ провозглашаетъ: «Помолчите-ста, государи атаманы молодцы, все великое войско кубанское» и излагаетъ дѣло. Ранѣе (а можетъ быть и теперь еще) существовалъ обычай «выдачи головой» виновнаго въ видѣ наказанія. Эсаулъ говорилъ: «Вотъ что, государи атаманы молодцы, присудили: этого человѣка головой отдать», снималъ поясокъ, привязывалъ его за руки виновнаго. Обиженный велъ на пояскѣ этомъ виновнаго по улицѣ. Встрѣчая кого либо, онъ спрашивалъ: «Господи Исусе Христе Сыне Божій, кому этотъ человѣкъ виновенъ?» Если встрѣчный баба или хлопецъ отвѣчалъ «не знаю», то обиженный отвѣчалъ: «мнѣ», и билъ выданнаго по лицу; встрѣченные же казаки и сами не отказывались продѣлать то же надъ виновнымъ. Пока осужденнаго водили такимъ образомъ по селенію, въ хатѣ его собирались прочіе казаки и пили его вино. Теперь частныя ссоры рѣшаются или мировою, или ссорящіеся идутъ въ турецкій судъ, «кругъ» же рѣшаетъ, отправлять ли въ судъ виновныхъ въ какомъ либо касающемся всего міра проступкѣ.

Къ положенію своему казаки относятся видимо правильно: если и пошлютъ иной разъ проклятіе «Игнату», завлекшему ихъ на чужбину, то ясно сознаютъ, что этого теперь уже не поправишь.

Народность свою сохранили они вполнѣ: и языкъ, и нарядъ и теперь тѣ же, что̀ вынесли они съ собою изъ Майноза и, вѣроятно, и съ самаго Дона. Правда какимъ-то удивительнымъ путемъ и сюда проникаютъ новшества: такъ, напр., поются, какъ говорили мнѣ, молодыми казаками тѣ-же новыя пѣсни, которыя и у насъ въ Россіи вытѣснили старыя. Эта мода, очевидно, проникаетъ на Майнозъ если не прямо изъ Россіи, то черезъ дунайскія поселенія, а на Маду заходитъ съ Майноза. Старыя пѣсни сохраняются, конечно, въ свадебныхъ обрядахъ и представили бы, можетъ быть, интересъ спеціалисту, который потрудился бы доѣхать до Мады; но, конечно, ѣхать надо тогда, когда всѣ казаки дома—въ періодъ отъ Пасхи до Воздвиженья, а не въ мертвый сезонъ, когда мы туда попали.

Языкъ великорусскій и мое несвѣдущее въ діалектологіи ухо ничѣмъ особеннымъ, кромѣ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ словъ, не поражалъ: такъ одинъ сказалъ, напримѣръ, что «у солнца уха̀ слѣва, завтра моря̀на (южный вѣтеръ) будетъ». Въ разговорахъ не прочь повидимому щегольнуть славянскими, вычитанными формами и выраженіями, такъ вмѣсто «если» нерѣдко говорятъ «аще-ли»; Конію зовутъ «Иконія-градъ» и т. п.

Но конечно за время долгаго сожительства съ турками въ языкъ проникло не мало турецкихъ словъ по большей части культурныхъ, ранѣе, вѣ-

роятно, вовсе не находившихся въ употребленіи, по отсутствію обозначаемыхъ ими предметовъ; такъ жестянку называютъ «тенекейкой» (отъ тур. тенекѐ— жесть), и вмѣсто боченковъ наполняютъ икрою жестянки, въ которыхъ англичане вывозятъ изъ Батума керосинъ [1]).

Твердо держась старой вѣры съ ея обрядами, казаки постоянно стремятся выйдти изъ затруднительнаго положенія жизни безъ священника вотъ уже въ теченіе тридцати лѣтъ съ самаго выхода съ Майноза. Достигнутъ ли они желаемаго выхода и какъ, предполагать мы не смѣемъ, но думаемъ, что въ этомъ отношеніи не грѣшно бы прійдти къ нимъ на помощь Россіи, хотя бы въ лицѣ ревнителей древляго православія, не оставляющихъ щедротами своими Майнозъ (особенно до закона 15 мая 1883 года). Но наряду съ этими, устранимыми быть можетъ, затрудненіями въ духовной области печалятъ казаковъ иныя чисто житейскія, и, какъ представляется намъ, болѣе неустранимыя, это—явное и быстрое уменьшеніе населенія. Отрѣзанные отъ своей родины, Майноза, и не вступая въ брачныя связи съ турками, что̀, конечно, и невозможно по законамъ и тѣхъ и другихъ, ни съ греками, которыхъ считаютъ повидимому не достаточно православными, что̀ ясно усматривается въ куреніи табаку, всѣ выселившіяся съ Майноза и уцѣлѣвшія донынѣ семьи уже перероднились, и теперь строгія правила Кормчей дѣлаютъ весьма труднымъ заключеніе новыхъ браковъ. Одинъ изъ дьяковъ, овдовѣвъ, не можетъ найдти себѣ невѣсты на Мадѣ и думалъ было взять въ Майнозѣ, но женское населеніе почему-то этому воспротивилось, угрожая, что не примутъ его по возвращеніи оттуда съ женою. Теперь, когда желѣзная дорога дошла до Коніи, сношенія съ Мадой значительно облегчатся, и эти затрудненія вѣроятно будутъ устраняться при имѣніи денегъ на дорогу.

Другое еще худшее зло представляютъ болѣзни. Помимо того, что, какъ у сосѣдей турокъ, врачебная помощь почти не доступна, а собственное леченіе травами едва-ли можетъ приносить какую либо пользу, самое мѣсто поселенія оказалось весьма нездоровымъ. «У насъ климѝтъ нездоровый», говорятъ казаки, и особенно жалуются на лѣто, когда солнце сильно накаляетъ воздухъ между «коренными» горами и горами острова; жалуются и на то, что «сильно лихорадка давитъ», что̀ приписываютъ водѣ озера и отъ чего особенно страдаютъ, какъ и турки сосѣднихъ деревень. И лихорадки и порча лѣтомъ воды въ озерѣ извѣстны были задолго до переселе-

[1]) Эти жестянки въ большомъ ходу по всему Востоку и столь излюбленныя художниками фигуры женщинъ съ кувшиномъ на плечѣ, почти не попадаются: классическій кувшинъ почти вытѣсненъ батумской жестянкой.

нія казаковъ [1]), но они или не знали этого или имѣли какія либо причины предпочесть это озеро Эгердирскому, вода котораго гораздо лучше бейшеирской. Помимо разсказовъ о быстромъ вымираніи, и самый видъ большинства обитателей Мады, особенно дѣтей съ блѣдными болѣзненными лицами, явно свидѣтельствуетъ о справедливости жалобъ этихъ. Не знаю, на сколько справедливо мнѣніе, что если перенести деревню нѣсколько выше, то вредное вліяніе близости озера уменьшится, но древнее селеніе дѣйствительно лежало выше казачьей деревни и при этомъ у ключа. Быть можетъ, однако, и помимо лихорадочности мѣста, есть какія либо иныя причины вымиранія казаковъ. Но ребятъ видно не мало, и иные смотрятъ совсѣмъ здоровыми; и атаманъ и дьяки тоже больными не кажутся. Однако обширный пустырь повыше деревни, гдѣ до самыхъ кустовъ лѣсной опушки стояли нѣкогда хаты то ушедшихъ обратно въ Майнозъ, то вымершихъ семействъ, невольно напоминаетъ и черкесскія поселенія въ разныхъ мѣстахъ Малой Азіи, гдѣ жители также жалуются на климатъ, и кладбища ростутъ гораздо быстрѣе ауловъ: что это, климатъ или злой рокъ препятствуетъ утвержденію въ Малой Азіи новыхъ болѣе культурныхъ, чѣмъ турки и юрюки, поселенцевъ?

III.

На другой день на лодкѣ поѣхали мы на лежащій между Мадой и берегомъ озера, «коренною горой», островокъ Клисé-адасѝ (см. рис. 3). Лодка быстро шла на встрѣчу большимъ волнамъ, накатывавшимся съ юга, откуда дула «моряна», и плоскій островокъ, обросшій кругомъ камышемъ въ водѣ и кустами и ивами по берегу, быстро приближался. За нимъ поднимались за узкою плоской береговой полосою крутыя каменистыя и лѣсистыя горы. Тамъ, по словамъ казаковъ, и лѣсъ хорошій, есть ели и сосны въ пять - шесть охватовъ.

На вершинахъ водятся дикія козы, изъ лѣсовъ по ущеліямъ спускаются къ озеру на водопой кабаны, которыхъ зимой и лѣтомъ казаки стрѣляютъ, подъѣзжая на лодкахъ.

Пристали къ островку между камышами и тростникомъ. Берегъ весь изъ набросанныхъ камней, многіе изъ нихъ—архитектурные обломки отъ древнихъ зданій; весь островокъ распаханъ казакомъ, купившимъ его у міра за 30 лиръ. Посреди острова стоитъ древнее полуразрушенное зданіе, давшее имя

---

[1]) См. Ritter'a, l. c. стр. 759. Ланцкоронскій неправильно, кажется, называетъ воду озера «salzhaltig».

острову. Это четыреугольное строеніе, внутри котораго одна большая комната, крытая коробовымъ сводомъ; изъ нея идетъ дверь въ небольшую квадратную пристройку съ одного бока, въ родѣ башни; стѣны сложены изъ дикаго камня на цементѣ, въ нихъ вложены мѣстами и тесаные камни отъ зданій болѣе древнихъ. Очевидно, что это не церковь, а скорѣе какое либо укрѣпленіе и крѣпкое жилье; правъ былъ Hirschfeld, высказывая сомнѣніе въ томъ, что это церковь (см. выше).

Съ острова видна Мада во всю ширину западнаго ея берега: на двухъ горахъ, образующихъ островъ, ростетъ лѣсъ, теперь правда уже мелкій: сосна, дубъ, «пурнаръ», «гардычъ»; между деревьями выдаются мѣстами по склонамъ горъ скалы, особенно около вершинъ. Въ лѣсу живутъ изъ дикихъ животныхъ лишь лисы, зайцы, да «синсâры» (куницы). Скотъ пасется въ лѣсу то съ хлопцами пастушкâми, то вольно, и иная скотина приходитъ домой, лишь когда выпадетъ снѣгъ; сѣна казаки не косятъ, такъ какъ луговъ нѣтъ, но на зиму припасаютъ сухую осоку и листья тростника. Прежде держали много козъ, но теперь перевели, такъ какъ ихъ крали и турки, подъѣзжая на лодкахъ къ пустынному берегу, гдѣ пасется скотъ, и орлы таскали заблудившихся въ лѣсу, да и подать надо платить по три съ половиной піастра, «лёва», съ головы, а прибыли никакой. Доходнѣе лѣсъ, онъ выручилъ во время голода, бывшаго два-три года тому назадъ: тогда за лодочку лѣса давали 10—12 окâ хлѣба. Теперь однако казаки чувствуютъ уже вредъ усиленной вырубки лѣса на своемъ островѣ, на который, какъ на частную собственность, турецкіе лѣсные законы не распространяются, и положили уже запретъ рубить дубки, такъ какъ листья ихъ служатъ зимой кормомъ скотинѣ. Обѣ горы довольно отлоги, сѣверная выше и больше южной, къ подошвѣ ихъ лѣсъ исчезаетъ; на сѣверо-западномъ мысу стоитъ деревня—хаты и тощія, теперь голыя, вербы вырисовываются на далекихъ горахъ сѣвернаго берега озера. Теперь деревня отъ озера доходитъ лишь до двухъ церквей, раньше поднималась она по склону гораздо выше до самыхъ кустовъ лѣсной опушки. Вправо отъ деревни по отлогому склону низкаго перешейка, соединяющаго обѣ горы, — пашни: теперь пашутъ лишь шестеро казаковъ, прочіе хлѣбъ покупаютъ, но пашущимъ и себѣ хватаетъ, и десятину отдаютъ казнѣ, и на продажу остается. На склонѣ южной горы въ ложбинѣ перешейка стоятъ высокіе пирамидальные тополи, показывающіе мѣсто прежняго турецкаго жилья. Передъ низкимъ южнымъ мысомъ острова виденъ плоскій островокъ Ишакъ-адаси, гдѣ также раньше пахали, потомъ перевозили туда пастись козъ, а теперь козъ перевели.

Есть еще одинъ островокъ Хомâтъ-адасѝ близъ берега въ сѣверо-запад-

номъ заливѣ озера; этотъ островокъ купили двое казаковъ за 1400 «лёвовъ» и пашутъ тамъ, но въ этомъ году проливъ между нимъ и берегомъ пересохъ, пришли кабаны и попортили весь посѣвъ.

Островъ представляется большимъ, въ длину версты $1^1/_2$—2; обойти его, говорятъ, нужно времени около 2—3 часовъ.

Снова сѣли въ лодку и отчалили отъ Клисе-адаси, покрывающагося ярко зеленой озимью, и по волнамъ, набѣгающимъ въ проливъ съ юга, поѣхали въ деревню, куда черезъ проливъ отъ берега шла еще лодка, въ которой казачка или хлопецъ перевозили какихъ то двухъ турокъ: это оказались торговцы съ краснымъ товаромъ, которые разложили его на треугольной площадкѣ подъ переднимъ навѣсомъ прибрежной хаты и тотчасъ-же привлекли женское населеніе деревни, но торговля шла по видимому довольно тихо.

Изъ деревни пошли по берегу озера на мѣсто древняго поселенія, гдѣ, по словамъ казаковъ, есть камень, обдѣланный въ видѣ орла.

Пройдя по берегу, на которомъ лежатъ вытащенныя изъ воды «лодочки» и куда выходятъ всѣ прямыя улицы деревни, 4 или 5 числомъ, идущія въ гору перпендикулярно берегу, мы вышли къ вспаханному полю. Пашутъ казаки, какъ и окрестные турки, примитивнымъ плугомъ въ видѣ изогнутаго крюкомъ дерева, такимъ самымъ, какіе изображаются на древнихъ греческихъ и римскихъ памятникахъ. Двухколесныя арбы для быковъ и буйволовъ, которыя стоятъ, подобно пушечнымъ лафетамъ, мѣстами на улицахъ и усадьбахъ, также ничѣмъ отъ турецкихъ не отличаются. Какъ и у окрестныхъ турокъ, вѣтряныхъ мельницъ у казаковъ нѣтъ, а молоть зерно возятъ на мельницы кирильскаго грека, стоящія вдоль ручья за деревней Фелей.

Пройдя вдоль берега мимо самой низкой части острова, казаки показали мнѣ среди пашни на скатѣ южной горы бѣлый камень, который они зовутъ орломъ.

Такъ какъ орелъ этотъ смотритъ къ берегу, то въ томъ мѣстѣ берега, куда приходится предполагаемый взглядъ его, искали повидимому кладъ.

Въ неглубокой ямѣ почти у самой воды виденъ уголъ какой-то стѣны, сложенной изъ большихъ камней—остатки какой-то древней постройки. Да и по всему берегу въ этомъ мѣстѣ видны остатки древнихъ стѣнокъ, изъ которыхъ иныя уходятъ въ воду, быть можетъ остатки пристани.

По липкой, размокшей отъ дождей землѣ пашни подошли мы къ «орлу», стоящему не далеко отъ первыхъ деревьевъ лѣсной опушки, но и тутъ—археологическое разочарованіе: не смотря на нѣкоторое сходство съ орломъ, которое можно усмотрѣть при желаніи, камень этотъ никакихъ слѣдовъ искус-

ственной отдѣлки не носитъ. Но казаки упорно стояли на своемъ и никакъ не допускали, чтобы такой камень не имѣлъ какого либо скрытаго значенія и цѣли.

Отсюда повернули обратно къ деревнѣ, идя по склону южной горы, къ тополямъ, указывающимъ мѣсто прежняго жилья.

На южномъ скатѣ ложбины между горами, среди кустовъ, видны довольно обширныя развалины селенія: среди кучъ камня можно различить еще квадраты домовъ; улицъ конечно увидать нельзя, такъ какъ ихъ конечно и не было прямыхъ никогда. Нижнимъ краемъ развалины подходятъ къ группѣ громадныхъ тополей; здѣсь въ небольшой ложбинкѣ выходитъ ключъ, не высыхающій и лѣтомъ, но казаки имъ не пользуются: и ходить къ нему далеко, и вода, говорятъ, тяжелая... Но въ древности повидимому ключемъ этимъ не только пользовались, но даже почитали его святымъ (ἁγίασμα), такъ какъ надъ нимъ ясно различается основаніе небольшой церковки, такъ что источникъ вытекаетъ прямо изъ нея.

Видны къ Ю.-В. отъ ключа нижнія части и другой церкви побольше, ясно видно полукружіе алтаря; по сторонамъ его небольшія ниши въ восточной стѣнѣ замѣняютъ боковыя полукружія большихъ церквей; внутри четыреугольнаго пространства по два пилястра на каждой стѣнѣ, спереди былъ притворъ: эта церковь очень маленькая и подобна множеству церковокъ, то разрушенныхъ, то стоящихъ еще въ греческихъ селеніяхъ.

Очевидно, что селеніе, развалины котораго сохраняются и сохранятся вѣроятно еще долго,—такъ какъ казаки, строя мазанки, въ камнѣ не нуждаются,— было еще христіанское.

На южномъ скатѣ сѣверной горы въ лѣску можжевельника по большей части старое «могилище», куда привели меня мои спутники, такъ какъ тамъ есть писанные камни.

Это кладбище, подобное множеству иныхъ видѣнныхъ на всѣхъ путяхъ по Малой Азіи: могилы обозначены или двумя камнями, поставленными вертикально по концамъ могилы, или обложены камнями вокругъ въ видѣ оваловъ или круговъ или же четыреугольниковъ. Здѣсь, какъ и на любомъ старомъ кладбищѣ въ Малой Азіи, оказались обломки всѣхъ временъ—и нѣсколько камней отъ античныхъ еще построекъ и могильныхъ памятниковъ [1]), и даже 2—3 камня съ латинскими надписями, но совершенно стершимися, и части отъ зданій христіанскихъ, а именно обломки каменной алтарной преграды — вѣка XI—XII, судя по ея орнаментамъ.

---

[1]) См. Hirschfeld'a, l. c., стр. 302.

Когда я тщетно старался разобрать что либо изъ латинской надписи на большомъ камнѣ, бывшемъ нѣкогда среднимъ устоемъ двойнаго окна, казаки выражали опасеніе, что я, можетъ быть, и прочту, да имъ не скажу, что̀ вычиталъ на камняхъ этихъ, а камни де, да еще съ буквами, лежатъ конечно не напрасно: видно, что эта большая плита привлекала уже на себя вниманіе и ранѣе, ее уже перевертывали и подрывались подъ нее. Очевидно казаки усвоили отъ сосѣднихъ турокъ всѣ тѣ росказни и фантазіи, которыя связываются у тѣхъ со старыми «красивыми» или «писанными» камнями («гюзель - ташъ», «язили - ташъ»). Ничтожные остатки надписей ничего о прошломъ Мады не сказали, тѣмъ болѣе, что иные изъ камней могли быть привезены и изъ другихъ мѣстъ на берега озера. Латинскія надписи происходятъ очевидно изъ какой либо римской колоніи, каковыхъ здѣсь было не мало. Но древняя исторія молчитъ объ островахъ озера этого, именовавшагося Каралидою по городу Καραλίς, подобно тому какъ теперь зовутъ по сосѣднимъ болѣе крупнымъ поселеніямъ то Кирили-гёль, по имени Кирили («Крылія», какъ называютъ ее казаки), сохранившей древнее имя, или Бейшеир-гёль, или же, какъ звали раньше, когда процвѣтало селеніе Енишеиръ, на З. берегу озера—Енишеир-гёль [1]). Лишь въ позднѣйшія времена на сцену исторіи являются острова и обитатели ихъ. Византійскіе историки [2]), описывающіе походъ императора Іоанна Комнина въ 1134 году, говорятъ о покореніи имъ жителей острововъ озера. Изъ Созонополя, нынѣ Улуборлу, императоръ двинулся на озеро, именуемое Пусгусою или Пасгусою [3]), гдѣ на многихъ островахъ, разбросанныхъ по озеру на равныхъ почти разстояніяхъ, жили христіане греки, которые, какъ казаки наши, «воду сдѣлали себѣ защитою», но Іоаннъ Киннамъ упоминаетъ и о крѣпостяхъ, построенныхъ на островахъ этихъ въ древнее время. Эти греки не подчинялись однако византійскому императору, такъ какъ были въ постоянныхъ сношеніяхъ съ конійскими турками: они могли, якобы, съѣздить въ Конію и вернуться домой въ одинъ день,—что̀ при теперешнемъ состояніи дорогъ едва ли возможно. Эти христіане приняли не только многіе обычаи турокъ, но даже были столь преданны своему мусульманскому владыкѣ, что отказались подчиниться греческому императору: «такъ-то,—философствуетъ Никита Хо-

---

[1]) Этимъ именемъ объясняется, конечно, другое имя озера Янычаръ-гіоль у М. Вронченки. Обозрѣніе Малой Азіи. I, стр. 98.

[2]) Никита Хоніатъ (ed. Bonn, стр. 50) и Іоаннъ Киннамъ (ed. Bonn. стр. 22).

[3]) Имя это стоитъ, быть можетъ, въ связи съ теперешнимъ именемъ одной горы западнаго берега озера Бозъ-дагъ.

ніать,—обычаи, пріобрѣтенные съ теченіемъ времени, преодолѣвають національность и вѣру».

Императоръ, считая озеро стариннымъ ромейскимъ владѣніемъ, предложилъ непокорнымъ выселиться съ отровов и уйдти къ иконійскому султану, но тѣ отказались и отъ этого, «уповая на водный поясъ озера»; но надежды ихъ не оправдались. Византійцы воздвигли осадныя машины на лодкахъ, связанныхъ помостами, и двинули ихъ противъ укрѣпленій, построенныхъ на островахъ, которыми и овладѣли, правда съ большимъ трудомъ, такъ какъ поднялся сильный вѣтеръ, озеро взволновалось, не мало судовъ и машинъ перевернулось въ воду, и потонуло много воиновъ императора.

О дальнѣйшихъ судьбахъ христіанскихъ обитателей мы ничего не знаемъ: было ли завоеваніе это концомъ поселеній этихъ, или остались тамъ жить христіане и послѣ покоренія ихъ византійцами—объ этомъ груды камней на Мадѣ и замокъ Клисе-адасй молчатъ. Быть можетъ большая крѣпость на островкѣ, видѣнномъ нами на пути, дастъ тому, кто посѣтитъ ее, больше указаній на предѣльное время христіанскихъ поселеній на островахъ до прихода туда казаковъ.

Вернувшись въ деревню, отправились мы смотрѣть церкви или, какъ принято говорить у насъ, «молельни». Сперва посѣтили большую—Николая Чудотворца (см. рис. 2). Церковь стоитъ въ обширномъ дворѣ, гдѣ бугорки указываютъ, куда дѣвалось тридцать семей. Передъ церковью на двухъ столбахъ или вѣрнѣе на двухъ стволахъ, поставленныхъ въ природномъ ихъ видѣ, на перекладинѣ висятъ небольшіе колокола, привезенные казаками съ собою; на нихъ есть надписи, которыхъ мнѣ разобрать не удалось: одинъ ясно читающійся годъ 1772. Надписи отчасти по русски, отчасти повидимому по гречески. Хлопецъ, читающій и поющій въ церкви, взялся за веревки и позвонилъ. Потомъ пошли мы въ церковь, хотя грековъ казаки туда, какъ табачниковъ, и не пускаютъ. Церковь выстроена, какъ и хаты изъ плетня, обмазаннаго глиной, и крыта камышемъ. Передъ входною дверью навѣсъ на столбикахъ, черезъ который входятъ прямо въ церковь; другая дверь въ западной стѣнѣ ведетъ сперва въ притворъ, и оттуда уже другая дверь въ церковь. Внутри стѣны и полъ вымазаны глиной такъ же чисто, какъ и въ домахъ.

Въ церкви полки, сплошь уставленныя иконами и мѣдными крестами, образками и складнями, идутъ по боковымъ стѣнамъ и по перегородкамъ, которыя перегораживаютъ церковь на три части, имѣя широкое отверстіе по срединѣ. Иконы разнообразныя, то старыя совсѣмъ почернѣвшія, то поновѣе.

Иконы перенесены съ Майноса, но и тамъ «изуграфы» перевелись уже

тридцать пять лѣтъ тому назадъ. Большой напрестольный крестъ майнозскаго письма послѣдняго тамошняго изуграфа. На многихъ иконахъ ризы или вѣнчики, различныя привѣски: кресты, ожерелья, шитыя полотенца и даже кажется части отъ обшивокъ бортовъ одежды; подъ иконами, какъ и въ домахъ, куски цвѣтной матеріи, обшитые позументами съ нашитыми посрединѣ крестами.

Мѣдные кресты и образки иногда вложены въ особые кіоты: деревянныя доски съ вырѣзанными въ нихъ по формѣ крестовъ углубленіями. Въ восточномъ отдѣленіи церкви стоитъ престолъ, уставленный крестами, подсвѣчниками и разложенными по нему книгами: большое евангеліе—печатано въ 10-е лѣто царствованія Алексѣя Михайловича.

Другая церковь (см. рис. 3) Казанской Божьей Матери стоитъ также на верхнемъ краю деревни, но южнѣе; колокола висятъ такъ-же, какъ и близъ первой. Устройство подобное же, но боковой входъ не въ южной, какъ тамъ, а въ сѣверной стѣнѣ. Внутри такое же множество иконъ и мѣдныхъ крестовъ и образковъ: въ эту церковь перенесены иконы изъ уничтоженной 3-й церкви.

Послѣ посѣщенія церквей пошли мы къ дьяку Кириллу Агаѳоновичу. У него калитка ведетъ не прямо во дворъ, а въ родъ открытой галлереи или сѣней, идущихъ вдоль двора. Тутъ у двери на возвышеніи пола сидѣло двое мальчиковъ съ рукописнымъ растрепаннымъ псалтыремъ и быстро складывали слова по азамъ. «Да ты читай, гдѣ гораздъ» — совѣтовалъ имъ атаманъ. Показывали они и тетрадки свои, гдѣ учатся писать уставомъ, какъ пишутъ и всѣ грамотные казаки; гражданскую же печать съ трудомъ разбираютъ и грамотѣи.

Домъ этотъ такого же въ сущности устройства, какъ и всѣ прочіе. Въ сѣнцахъ, убранныхъ со всѣмъ возможнымъ блескомъ, на полу у дверей въ хату вмѣсто половика лежитъ распластанный старый ватный бешметъ. Надъ дверями лубочный портретъ нашей царской семьи (Александра III) московскаго изданія. Эта русская картинка не представляетъ однако чего либо особенно оригинальнаго въ этихъ мѣстахъ, такъ какъ во многихъ христіанскихъ домахъ внутренней Малой Азіи встрѣчались мнѣ русскія лубочныя картинки.

Пока сидѣли мы въ хатѣ, такой же точно, какъ и та, гдѣ мы ночевали и пили вино, закусывая красною или вѣрнѣе желтою икрой съ лукомъ (изъ рыбы «коробъ»—сазанъ), принесли туда «насѣку Игната Некрасова»: жезлъ, который атаманъ для бóльшаго великолѣпія обилъ красной матеріей, съ серебрянымъ круглымъ набалдашникомъ, довольно плохой работы, съ простѣйшими чешуйчатыми орнаментами. Эта насѣка подарена была якобы Игнату какимъ-то татарскимъ или турецкимъ княземъ. Пока мы тутъ сидѣли, шли оживленные переговоры о снятіи фотографіи съ казачекъ. Петровичъ, еще до

поѣздки нашей на Маду, похвалялся мнѣ «выставить дѣвокъ въ кичкахъ», увѣряя, что наряды ихъ столь оригинальны, что я въ Россіи за показъ ихъ деньги брать буду. Но тутъ на мѣстѣ оказалось, что женское населеніе Мады отнеслось къ фотографіи моей весьма подозрительно и сниматься отказалось: однѣ опасались смерти, какъ результата фотографированія, другія дипломатически выражали опасенія, не были бы недовольны отсутствующіе мужья, а дѣвки опасались, что, бывъ фотографированы, такъ и останутся въ дѣвкахъ на вѣки.

Всего краснорѣчія Петровича оказалось недостаточнымъ, чтобы переубѣдить бабъ; пришлось просить содѣйствія Сергѣя Романовича. И точно, ему послѣ долгихъ уговоровъ удалось уговорить нѣкоторыхъ бабъ. Но въ праздничный нарядъ нарядилась лишь одна падчерица Петровича, окончанія туалета которой пришлось ждать, конечно, не мало. Но нарядъ (см. рис. 4) былъ по истинѣ оригиналенъ: на головѣ высокая «кичка» о двухъ рогахъ золотной парчи подъ желтымъ шелковымъ прозрачнымъ покрываломъ, накинутымъ поверхъ роговъ, волоса надо лбомъ и на вискахъ подвиты; съ кички около ушей спускаются подвѣски изъ серебряныхъ цѣпочекъ съ разнообразными подвѣсками; на шеѣ мониста, борта ватной кофты съ короткими рукавами, обшиты тонкими серебряными монетами, съ большими дутыми пуговицами по срединѣ.

Три большихъ выпуклыхъ серебряныхъ бляхи: круглая, средняя и двѣ заостренныя къ концамъ, украшаютъ поясъ къ средней бляхѣ придѣланы еще привѣски изъ монетъ.

Изъ подъ короткихъ рукавовъ ватной кофты спадаютъ непомѣрно-длинные рукава нижней одежды, расширяющіяся на концахъ; полосатый передникъ и новые красные сапоги заключали этотъ оригинальный нарядъ, о сходствѣ котораго съ древне-русскимъ мы судить не беремся, но никакому сомнѣнію подлежать, кажется, не можетъ, что этотъ нарядъ остался неизмѣннымъ со временъ ухода Некрасовцевъ съ Дона.

Къ сожалѣнію только одна надѣла праздничный нарядъ. Конечно послѣ снятія этой группы, неснимавшіяся остались въ обидѣ, дочь дьяка Сергѣя Романовича, по его словамъ — плакала даже, что Татьяну сняли въ кичкѣ, а атаманъ говорилъ: «да ты бы мово-то сынишку выбилъ». Самъ же атаманъ и дьяки не упустили случая фигурировать на каждой изъ снятыхъ фотографій, какъ и Петровичъ, нарушавшій гармонію своимъ черкесскимъ нарядомъ и зонтикомъ [1]).

[1]) На группѣ рис. 3 4 сзади стоятъ (идя съ лѣва на право) атаманъ, дьякъ Сергѣй Романовичъ и дьякъ Кириллъ Агаѳоновичъ.

Домъ дьяка Сергѣя Романовича стоитъ противъ того дома, гдѣ мы водворились; въ низкой горницѣ, въ углу подъ образами, довольно много старыхъ книгъ въ кожаныхъ переплетахъ. Но насъ привели сюда и заставили обратить вниманіе не на то: на полу подъ полушубкомъ лежалъ больной казакъ. Судя по его блѣдному лицу, по долгому уже времени болѣзни казалось, что и при умѣломъ леченьи ему едва ли суждено было бы поправиться, а здѣсь при строгомъ постѣ, при отсутствіи какой либо медицинской помощи, больной этотъ производилъ особенно непріятное впечатлѣніе. Внимательно и съ вѣрою слушала старуха наставленія, которыя можно было дать; и особенно непріятно было сознавать полную безполезность и произвольность ихъ. Но и самъ больной, жалуясь и на жаръ, и на боли въ груди и поясницѣ, и на плохое состояніе желудка, не сказалъ главнаго, быть можетъ о хронической язвѣ. Другой больной, котораго намъ показывали, жаловался на лихорадку, но имѣлъ видъ чахоточнаго въ послѣдней степени.

Посѣтивъ еще одну хату, такого же устройства, какъ и прочія, и посмотрѣвъ другаго больнаго, также мало подававшаго видомъ своимъ надеждъ на выздоровленіе, какъ и первый, стали мы собираться въ обратный путь, что̀ началось, конечно, ѣдою; особенно оригинальны и вкусны были «кашники», аладьи изъ рису на яицахъ съ медомъ.

Приготовили «лодочку», нагрузивъ ее нашими вещами, обильнымъ запасомъ подорожниковъ разнаго рода, объемистымъ кувшиномъ вина, взяли и парусъ.

Около часу до заката солнца тронулись мы въ обратный путь: гребли двое «хлопцевъ» Артемій и Ѳедоръ [1]) и гребли умѣло, не хуже турокъ.

На кормѣ сидѣлъ одинъ дьякъ, а другой ѣхалъ также провожать насъ. Погода была довольно холодная, легкій вѣтеръ позволилъ поставить въ помощь гребцамъ парусъ. Теперь мы ѣхали на NNE къ сѣверному берегу озера къ деревнѣ Фелѣ.

Въ то время, какъ старшіе разсуждали и оживляли свои рѣчи при помощи объемистаго кувшина, хлопцы усердно гребли, и тяжело нагруженная лодка быстро подвигалась впередъ: мы шли къ сѣверному берегу озера мимо гористаго мыса, выступающаго въ озеро съ сѣвера, ограничивая съ востока равнину, идущую отъ теперешняго города Караагачу, а въ древности города Анабуръ, лежавшаго на восточномъ краю ея.

Между тѣмъ темнѣло, вѣтеръ становился холоднымъ, на плоскомъ бе-

---

[1]) Оба они стоятъ въ группѣ въ первомъ ряду по обѣ стороны бабъ; они же поютъ въ церкви.

регу повозки нашей видно не было. Уже послѣ заката солнца, часа черезъ два пути, пристали мы къ плоскому песчаному берегу озера, передъ которымъ озеро поросло тростникомъ. Петровичъ отправился въ деревню за повозкой, а мы, вытащивъ вещи на песокъ, долго ждали прибытія повозки, закрываясь тулупами отъ холоднаго вѣтра съ озера. Совсѣмъ стемнѣло, волны шумѣли, набѣгая на песчаный берегъ, сухой тростникъ шуршалъ; на горизонтѣ темною полосою вырисовывались горы Мады, въ промежуткахъ между облаками показывались временами звѣзды, луна еще не взошла.

Въ полной темнотѣ прибылъ Петровичъ съ повозкою, и мы распрощались съ заброшенными сюда судьбою послѣдними остатками «великаго войска кубанскаго».

Я. И. Смирновъ.

Древнія двуосновныя личныя имена у Литовцевъ, ихъ составъ и происхожденіе.

(Статья первая).

I.

Историческія имена литовскихъ князей и часть фамилій кореннаго дворянства на Литвѣ образуютъ вполнѣ обособленную лингвистическую группу, которой признаки и происхожденіе не объясняются отъ литовскаго языка непосредственно. Рѣзко выдѣляясь изъ массы обычныхъ крестьянскихъ фамилій и своимъ словообразованіемъ, и своими темами и частицами, большею частью, сами по себѣ, не понятными,—имена эти представляютъ несомнѣнный научный интересъ.

Еще осенью 1869 г., проводя около 3-хъ мѣсяцевъ въ жмудскомъ селеніи близь м. Сядъ, Тельшевскаго уѣзда, для изученія тамошняго нарѣчія, я былъ нѣсколько удивленъ, встрѣтивъ эти древнія имена въ числѣ фамилій простонародья. Однако, при послѣдующихъ моихъ разъѣздахъ, для разысканія племенной границы литовцевъ, и внутри области ихъ разселенія, я долженъ былъ убѣждаться въ противномъ, т. е. что старинныя двутемныя, такъ сказать дворянскія, имена встрѣчаются крайне рѣдко у крестьянъ. Только въ 1887—89 г. представилась мнѣ возможность къ постепенному разъясненію загадки о древнихъ двутемныхъ именахъ. Въ концѣ 1887 г., въ должности мироваго судьи, я былъ переведенъ въ Тельшевскій уѣздъ, въ м. Кретингенъ, и тогда при постоянныхъ моихъ сношеніяхъ съ народомъ, вскорѣ, выяснилось, что данная мѣстность, соотвѣтствующая области Цеклисъ (Ceclis), упоминаемой въ памятникахъ XII и XIII в., отмѣченная особымъ весьма типичнымъ говоромъ и притязающая на исключительное обладаніе чистою жмудскою рѣчью—Коренная, тоже «Святая Жмудь»—одна, отличается и сказанными двуосновными именами, встрѣчающимися тамъ въ необычайномъ обиліи, въ простомъ народѣ. Въ продолженіи двухъ лѣтъ моей тамъ бытности, я записывалъ всѣ встрѣчавшіеся мнѣ имена этого рода съ ихъ настоящимъ произношеніемъ, а затѣмъ, дополнительно, сдѣлалъ извлеченія изъ волостныхъ спи-

сковъ той же мѣстности. Собравъ этимъ путемъ приводимый ниже матеріалъ, я сравнивалъ его, какъ съ собственными моими записями крестьянскихъ фамилій разныхъ мѣстностей, такъ равно и со списками, печатаемыми офиціально въ губернскихъ вѣдомостяхъ при разныхъ случаяхъ. И подтвердилось вполнѣ что нигдѣ на Литвѣ не существуетъ уже другой такой мѣстности, гдѣ древнія двуосновныя имена были бы народными, т. е. встрѣчались бы между крестьянскими фамиліями въ сколько нибудь примѣтномъ количествѣ. (Не многія же исключенія объясняются или переселеніемъ жмудиновъ въ другія мѣста или же и совершенно случайнымъ, произвольнымъ, присвоеніемъ крестьянами дворянскихъ фамилій).

Установивъ этотъ фактъ, я, однако, долгіе годы не находилъ ему надлежащаго объясненія; не могъ себѣ отдать отчета: откуда слѣдуетъ выводить происхожденіе сихъ мудреныхъ двутемныхъ именъ? Указанія науки на древнія готскія и скандинавскія вліянія на нашъ сѣверо-западъ только заслоняли мнѣ настоящій путь разслѣдованія. Такое же значеніе имѣлъ для меня и трудъ извѣстнаго германскаго ученаго Беценбергера о древне-прусскихъ личныхъ именахъ (Die Bildung der altpreussischen Personennamen въ Altpreussische Monatsschrift. 1876 г., т. XIII), въ которомъ эти послѣднія объясняются основными (темами) и корнями славянскихъ, германскихъ, кельтскихъ, классическихъ и др. языковъ и только въ одномъ случаѣ, при словѣ «Algarde» авторъ заключаетъ, что она должна быть тождественной съ именемъ извѣстнаго литовскаго князя. Но лѣтомъ прошлаго 1895 года, воспользовавшись совѣтами высокочтимаго академика А. А. Куника, я приступилъ къ обстоятельному сличенію собранныхъ мною именъ съ древнепрусскими, извлеченными нѣмецкимъ ученымъ Пирсономъ изъ документовъ кенигсбергскаго тайнаго архива и другихъ первоисточниковъ, (матеріалъ этотъ напечатанъ въ Zeitschrift für Preussische Geschichte u. Landeskunde, годъ X (1873) подъ заглавіемъ Altpreussischer Namencodex), и тогда то въ результатѣ моихъ разысканій, получился отвѣтъ положительный, какъ о томъ изложено ниже.

II.

Коренная или т. н. «чистая Жмудь», гдѣ еще живутъ въ народномъ быту древнія двуосновныя имена,—очень небольшая, но крайне своеобразная, типичная этнографическая область. Ея населеніе самаго высокаго мнѣнія о себѣ и о чистотѣ своего говора, и повидимому не безъ основанія. Это самая дѣльная и даровитая часть литовскаго народа. Настоящій жмудинъ—человѣкъ религіозный, сосредоточенный, разсудительный въ дѣлахъ, хозяинъ домовитый

и трудолюбивый. Рѣчь его отличается особымъ синтаксисомъ, сжата и блистаетъ, порою, тѣмъ спокойнымъ юморомъ, который въ наше время сохранился почти только въ одномъ простомъ народѣ. «Чистая рѣчь» трудами покойнаго Жмудскаго епископа Волончевскаго, Довконта, Ивинскаго и нѣкоторыхъ другихъ народолюбцевъ возведена въ особое литературное нарѣчіе, на ряду съ употребительнымъ еще съ XVI в. книжнымъ верхне-литовскимъ. Нѣкоторыя фонетическія и лексическія особенности, свойственныя одному жмудскому «чистому» говору весьма приближаютъ его къ языку древнихъ Пруссовъ, и это будетъ объяснено ниже. Примѣчательна коренная Жмудь также и въ другихъ отношеніяхъ. По окончательномъ введеніи въ ней христіанства, въ первой четверти XVII в. для нея учреждена была духовная семинарія, находившаяся до 1739 г. въ м. Крожахъ, а съ этого и до 1863 г. въ м. Ворняхъ, Тельшевскаго уѣзда, тогдашнемъ мѣстопребываніи епископа. Благодаря этой семинаріи Жмудь, и преимущественно Тельшевскаго уѣзда, за долгій промежутокъ времени, снабжала ксендзами не только литовскіе, но отчасти и бѣлорусскіе и польскіе приходы сѣверо-западнаго края. Такіе ксендзы, особенно въ продолжительное епископство Волончевскаго, не отрекались отъ своей народности и крестьянскаго происхожденія, а потому и не пользовались сочувствіемъ польскаго общества, обзывавшаго ихъ «жмудскими медвѣдями».

Во времена литовскія Жмудь выдавалась изо всѣхъ областей государства своею отмѣнною воинственностью и самобытностью. При Миндовгѣ она на свой страхъ ведетъ войну съ Ливонскимъ Орденомъ и наноситъ ему сильныя пораженія. При Витовтѣ, вслѣдъ за введеніемъ христіанства, она въ 1418 г. возстаетъ за старую языческую свою религію противъ великаго князя, прогоняетъ и умерщвляетъ поставленныхъ имъ начальниковъ, чѣмъ вызываетъ суровую, кровавую расправу, но и послѣ нея возстаетъ вторично. Во время церковныхъ нестроеній и распространенія протестантизма на Литвѣ въ XVI в. т. н. Жмудское Поморье, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь по преимуществу, обводы: Полангена, Дорбянъ, Кретингена, Салантъ, Корцянъ, Горждъ, Гинтелишекъ, Плунгянъ, Кулей, Вевиржанъ и Вежайцъ, отрекаясь отъ христіанства, возстановляютъ у себя культъ боговъ своихъ праотцевъ (Волончевскій Żemaitiu Wiskupiste, ч. I, стр. 51—54, 100—103).

Въ «ляшскій» 1830 г. (по жмудски: lę̄kmetis) [1]) изо всѣхъ областей Западнаго края, одна Жмудь, по свидѣтельству историка этого возстанія, Штейна, проявила свой особый народный духъ, тѣмъ, что на подговоры со-

[1]) Также и повстаніе 1863 г. настоящій жмудинъ называетъ не иначе, какъ «ляшскимъ годомъ», а самихъ повстанцевъ «войскомъ слѣпней» (bìmbalu váiskas).

бираться въ отряды косиньоровъ, отвѣтила разгромомъ помѣщичьихъ имѣній, такъ что понадобилось послать повстанческое войско уже противъ самихъ жмудиновъ.

Въ старыя времена, коренная Жмудь отличалась глубокою религіозностью, а также и замѣчательною чистотою нравовъ; тѣмъ не менѣе отъ тѣхъ временъ сохранилась въ народѣ пѣсенка про удалыхъ «жмудскихъ казачковъ», разбойниковъ, поставившихъ себѣ задачей ограбленіе людей богатыхъ, не исключая и ксендзовъ, и сказаніе о проказахъ неустрашимаго контрабандиста-наѣздника Раудонъ-Крутиниса («Красной Груди»), не знававшаго никакихъ преградъ при прорывахъ пограничной охраны.

На коренной Жмуди положительно существовалъ культъ Георгія Побѣдоносца. Рѣзное изображеніе этого святаго (всегда на сѣромъ конѣ, въ яблокахъ) я встрѣчалъ тамъ почти повсемѣстно, и нерѣдко на кладбищахъ, надъ могилками простыхъ пахарей. Про св. Георгія сложились и особые, апокрифическіе, духовные стихи, распѣваемые иногда нищими. Въ 60-хъ и 70-хъ годахъ въ этихъ мѣстностяхъ, и притомъ исключительно тамъ, можно было еще встрѣтить у крестьянъ породу настоящаго, историческаго, боеваго коня Литовцевъ (júdberas žirgélis народной поэзіи); это тотъ же остзейскій клеперъ, мышастой масти съ черной чертой вдоль хребта, съ пышными гривой и хвостомъ, широкой мускулистой грудью, маленькой головой, но лбомъ широкимъ, четвероугольнымъ, на сильныхъ эластичныхъ ногахъ съ правильными бабками, лошадка необыкновенно бойкая и выносливая. Въ сказанныя времена, гдѣ нибудь около Сядъ или Иллокъ, въ праздничный день, можно было наблюдать жмудиновъ-хозяевъ ѣдущими верхами, кучкой, въ костелъ: подъ каждымъ такая лошадка — гордость ея обладателя, первѣйшая краса домовитаго хозяйства. Нынѣ и на Жмуди перевелась эта порода отъ лихого, ничѣмъ не искоренимаго, конокрадства [1]). Маленькія, быстрыя, литовскія и жмудскія лошади упоминаются неоднократно въ исторіи войнъ Литвы съ крестоносцами. Та же самая лошадь, клеперъ, изстари была знакома и Латышамъ и перешла въ ихъ пѣсни, подъ неизмѣннымъ эпическимъ оборотомъ, behrais kumeli^{n}sch — «гнѣдой конекъ». Въ эстонскихъ уѣздахъ Лифляндіи, особенно же на островѣ Эзелѣ, порода лошадей клеперовъ еще сохранилась и славится до сихъ поръ.—Очевидно, когда-то типичная маленькая лошадь была широко распространена по всему восточному побережью Бал-

[1]) Весьма отдаленное сходство съ настоящею жмудскою лошадью имѣли 3 экземпляра, присланные владѣльцомъ им. Регово, кн. Огинскимъ, въ 1891 г. въ Петербургъ на всероссійскую конскую выставку и оставшіеся тамъ совершенно не замѣченными.

тійскаго моря. На давнюю воинственность Жмудскаго Поморья указывают также часто там встрѣчающіяся среди крестьян фамиліи, означающія воина и военное дѣло, столь мало отвѣчающія их нынѣшнему быту.

Отмѣчу здѣсь еще ту особенность «Поморья», что только в нем удержались нѣкоторые зачатки собственно литовскаго искусства — рѣзьбы на деревѣ, по сооруженію особых, живописных, высоких крестов с божничками на их вершинѣ. Эти божнички, на подобіе балдахинов, всегда наполнены рѣзными, затѣйливо раскрашенными, статуэтками святых. Такіе кресты ставились при домах, у краснаго их конца (в цвѣточных садиках), на кладбищах, наконец, при дорогах, особенно, на перекрестках. Кое-гдѣ и до сих пор сохранилась, кромѣ того, не одобряемая духовенством, сидячая фигура, в задумчивой позѣ, с головой, опертой на правую руку—притом посаженная (всегда одиночно) в нишу, высѣченную в живом деревѣ. По объясненію одних — это изображеніе Бога-Отца, обмышляющаго план сотворенія міра; по отзыву же других—Спасителя, опечаленнаго грѣхами человѣчества.

III.

Область чистой жмудской рѣчи составляют Тельшевскій уѣзд, без обводов Столгѣ, Тверечи, Ворней, Повондене, но с добавленіем от Россіенскаго уѣзда небольшой полоски (Вевирювны-Вежайцы) и от Шавельскаго подобной же полоски (мѣстности: Новики-Бегры-Чеки,—Можейки-Вѣкшни-Лайжевъ [1]). Со стороны же Пруссіи граница говора совпадает с границей государственной; за послѣднею в округах Мемельском и Гейдекругском

[1]) Дворохозяин Кончус, близь м. Сядъ, гостепріимно предоставившій мнѣ квартиру в своем домѣ, при первом моем ознакомленіи с Жмудью—человѣк свѣдущій, бывалый—опредѣлял границу чистой рѣчи слѣдующим образом; от рубежа прусскаго до курляндскаго:

Говорят еще чистою рѣчью:	*Говорят по жмудски нечисто:*
около Вевиржан,	около Швекшной
— Кулей и Медангян,	— Столиов и Ретова,
— Янополя,	— Ворней и Повондене,
— Новиков,	— Лукнишек,
— Упины,	— Курклей,
— Эйгирдзе,	— Гинтене и Тришек,
— Тренесяд,	— Ужнельке,
— Новян и Векшней,	— Окмян,
— Лайжева,	— Климоле.

Эти указанія, по собранным мною данным, я признаю вполнѣ правильными.

хотя и говоритъ народъ еще по жмудски, но вся оригинальность и старина жмудскаго нарѣчія сосредоточена только на нашей сторонѣ, и именно около границъ Пруссіи и Курляндіи, въ т. н. Жмудскомъ Поморьѣ, пространство котораго указано выше въ выпискѣ изъ книги епископа Волончевскаго, и составляетъ только западную половину Тельшевскаго уѣзда. На этомъ то «Поморьѣ», несомнѣнно входившемъ въ составъ древней области Цеклисъ, положенъ и бывшій мой мировой участокъ, и собранъ мною приводимый здѣсь матеріалъ крестьянскихъ фамилій. Матеріалъ этотъ относится преимущественно до волостей: Кретингенской, Корцянской, Салантовской, Дорбянской и Плунгянской, по коимъ мною изъ обывательскихъ книгъ выписаны еще и всѣ крестьянскія фамиліи, оказавшіяся любопытными въ какомъ либо отношеніи.

IV.

Древнія двуосновныя личныя имена могутъ быть легко отличаемы отъ новообразованій сего рода по слѣдующимъ яснымъ, нагляднымъ, признакамъ: 1) они являютъ самое краткое, такъ сказать, усѣченное словообразованіе,—въ именительномъ падежѣ чаще всего состоятъ изъ двухъ только слоговъ—очевидно, благодаря тысячелѣтнему ихъ употребленію; соединительная гласная, указываемая еще древними памятниками письменности, у Жмудиновъ исчезла окончательно; 2) темы и частицы неудобопонятны для знающихъ только нарѣчія литовскія; и 3) древнія эти темы и частицы имѣютъ взаимное сходство, вступаютъ въ сочетанія, собственно, только между собою и исключенія изъ сего, какъ возникшія по вольности народной этимологіи, весьма малочисленны. Наконецъ можно еще замѣтить, что этого рода имена въ народной рѣчи не прирощаются столь излюбленными въ остальныхъ случаяхъ суфиксами отчества и уменьшительными, для образованія новыхъ фамилій.

Приступая къ сравненію, распредѣленныхъ по основамъ, жмудскихъ фамилій съ именами древнепрусскими, необходимымъ считаю оговориться, что согласно съ заключеніями прусскихъ ученыхъ Фойгта, Тёппена и др. считается установленными тотъ фактъ, что области Нѣмецкаго Ордена: Самбія (Samland), Вармія (Ermland), Натангія, Погезанія и Бартія имѣли, и въ орденскія времена сохранили составъ населенія чисто-прусскій; тогда какъ области Надравія, Судавія, Помезанія, Галиндія и особенно Шалавія, первыя четыре отчасти, а послѣдняя и сплошь, были населены литовцами. Поэтому, въ видахъ устраненія сомнительныхъ выводовъ, приводя изъ списка профессора Пирсона (Namencodex) имена, относящіяся до этихъ 5

областей; я снабжаю ихъ замѣтками о происхожденіи. Впрочемъ, огромное большинство именъ принадлежитъ областямъ, признаваемымъ за чисто прусскія. Немногія приводимыя ради сравненія княжескія и дворянскія имена Литвы, написаны мною для отличія русскимъ шрифтомъ.

Жмудскія крестьянскія фамиліи.		Древне-прусскія личныя имена.	
	Основа (Тема) taut, tout.		
Táutvids.	Býtauts		Bitout
Táutvils, Tóutvils.	Bútauts	Teutewil	Beutaw
(Táutkus)	Cìrtauts	Tawtegal	Bautau
(Toúczus).	Gùstauts	Tauteuulde	Letaude
Tautá (vicze)	Gátauts		Waystote
(Очень много однофамильцевъ).	Gàsztauts		
	Jótauts		
	Koñtauts		
	Knýstauts		
	Moñtauts		Mantot
	Sìrtauts		
	Žùtauts		
	Гинтовтъ двор.		Gynthaute (Надровецъ подъ 1436 г.).
	Витовтъ вел. кн.		Wiltaute

Значеніе основы (темы), по Беценбергеру—народъ (по сравненію съ гальскимъ и германскимъ). Слово tàuta, въ томъ же значеніи, живетъ до сихъ поръ въ языкахъ латышскомъ и жмудскомъ.

Жмудскія крестьянскія фамиліи.		Древне-прусскія личныя имена.	
	Основа (Тема) mant, mont, munt.		
Moñtvils	Al'monts	Monte, Munte	
Moñstvils	Dròmonts	Montiko, Monteko	
Moñtrims и Montrims	Eismonts	Muntigen, Muntil, Muntir	Eytmunt
Moñtvids	Jómonts, Jómunts	Montemine, Munthemil	
Moñvids	Jàszmonts	Montenigo	
Moñgirds		Montedrawe (Надравецъ)	
	Lýmonts	Symunt	
	Nãrmonts	Scomontin	
	Skìrmonts	Scomando (Судавецъ)	
	Sèrmonts	Scumand (Судавецъ)	
	Talmonts		
	Pàrmonts		
	Výsmonts	Wissemante	
	Veìdmonts	Wessemons	
	Vìdmonts	Wirsemund (Шалавецъ)	
	Sùdmonts		

Значеніе темы mont, по Беценбергеру,—«turbatio». Объясняется же очень просто и вразумительно латышскимъ mànta, имущество, богатство. Въ литовскомъ и жмудскомъ слово это уже не встрѣчается; но сопоставляя эпическое выраженіе жмудскихъ и литовскихъ народныхъ пѣсенъ: skìrti dalėle — одѣлять долею—съ именемъ Skìrmonts нельзя не заключить, что имя это значитъ «дѣлящій имущество, богатство». Въ Самбіи существовала гора Montegarbs (показана подъ 1333 г.), что, очевидно, значило «кладовая», «денежная гора» (отъ manta—сокровище и garbs—гора). Такимъ образомъ значеніе сей темы установляется довольно надежно.

Жмудскія крестьянскія фамиліи.		Древне-прусскія личныя имена.	
	Основа (Тема) min, men, mint.		
Mingȇla, Mingéla	'Al'mins, Al'minis	Myne	Gayleminne
Mengéla	Gédmins (нѣсколько кр. однофамильцевъ Корцянск. вол.).	Mindeta (Шалавецъ)	Montemini
		Mindota	Permenne, Permens
		Minegarde	
(Minéikis)	Gèdmins — шляхтичъ въ IV ст. Тельш. у., не говорящій ни по русски, ни по польски, и еще многіе другіе	Minegaude (Надравецъ)	Pomene
			Tolemynne
		Mintete	
Гедеминъ в. кн.	Gèdmints	Meinuso	
Мингайло кн.	Jógmins	Meynote	
Минятъ двор.	Žàdmins	Minaute, Menaute	
Миндовгъ в. кн.			

Значеніе темы, по Беценбергеру men—«sinnen». Оказавшаяся жмудская отглагольная форма mint намекаетъ на господствующій оттѣнокъ коренного значенія: помнить, вспоминать. Слѣдовательно тема эта тоже, что славянское— славъ.

Основа (Тема) vid, veid.

(Vidéika)	Búivids	Powida
Véidmonts	Eítvids	Quewede
Vìdmonts	Mìlvids	Sowide
	Moñtvids	Sowist
	Naĩvids	
	Réivids	Arwide, Arwidite
	Reivìdis	Arwidete, Erwidete
	Szèdvids	Arwist
	Skùrvids	
	Tàrvids	
	Tóutvids	
	`Orvids	
	Žàdvids	

Значеніе основы (темы), по Беценбергеру vid—«wissen». Въ лит. и прусск. языкахъ многочисленны слова отъ корня vid—видѣть, въ частности въ прусскомъ имѣлось и окончаніе—vida, означавшее подобіе, качество. (Ср. западнославянскія на — видъ).

Основа (Тема) gaud (? gud)

Жмудскія крестьянскія фамиліи.		Древне-прусскія личныя имена.	
(Gaudútis)	Gėdgauds	Gedegaude	Astigaudis, Austigaudis
	Jógauds, Jógouds	Iagaude	Minnegaude (Надравецъ)
	Il'gouds	Iogaude (Судовецъ)	Miligaude
	Léugouds	Gaudevins	Steynegaude
	Numgáudis		Swirgaude
	Sùgouds		Tulegaude (Надровецъ)
	Visgáudis		Wirigaude
			Wissegaude, Wissegaudine

Значеніе темы, по Беценбергеру предположительно, отъ корня gav—«Kuh». Правдоподобно, что корень темы—gud, такъ какъ на такую тему (gud) оканчивается извѣстное число дворянскихъ фамилій: Гелгудъ и др. Народная же этимологія придала жмудскимъ фамиліямъ рѣшительно значеніе отглагольное отъ gaúti, gaudýti—хватать, ловить.

Основы (Темы) kant, kont и kent, kint.

Koñtrims, Kontrìms	Búkonts	Cantote, Cantele	Cantigerde (Судовецъ)
Kòntauts	Darkìntis	Kantenne, Kantyen	Eykint, Geykint
Koñtvainis	Dáukonts, Dóukonts		Gedekant (Шальвіецъ)
Keñtvainis	Dáukints	Cantil Cantune	Gerkant
(Keñtra)	Dauklntis	Quant, Kanthe	Nakuntie
	Gir̃konts		
	Výskonts	(?) Кантъ кенигсбергскій философъ.	Wiskant

По Беценбергеру kant отъ лит. глагола kentéti—терпѣть. Первоначальное значеніе раздвоилось: основа (тема) kant, kont значитъ тихій, кроткій; основа kent, kint—страдающій, терпящій.

Основа (Тема) gin, gint.

(Gintols)			
(Gýnio̍s)	Liáudgins	Gintil	
Giñbuts	Prýszgints, Pryszgins		
(Ginéikis, Ginéitis)	Vìsgints.		Musligente
Gendoils (? переиначенное Gintvils)			
Giñtvainis			

Гинтвилло двор.

Гинтовтъ двор. | Gynthaute (Надрав.)

Значеніе основы (темы): защищать, оборонять.

Жмудскія крестьянскія фамиліи.		Древне-прусскія личныя имена.	

Тема gird, gerd.

(Girdènis)	Moĩgirds	Girdaw	Cantigerde (Судав.)
Gìrdvainis	Skóusgirds	Girdilo	Minegarde
	Vìsgirds	Girdune	Tulegerde
Герденъ вел. кн.	Kóusgirds		
Ольгердъ вел. кн.	Vòsgirds	Girdolle (Шальв.)	Algarde

Значеніе основы (темы), по Беценбергеру gerda—übermüthig; по источникамъ лит. языка неизвѣстно. Жмудскія фамиліи указываютъ на корень gird—слышать, и имя Ольгердъ, Al'girds поэтому значило бы «все-слухъ», все слышащій, или же: вездѣ слышный (ср. польское słynny).

Тема nor, nar.

Narváiszis	Váisznors	Narwais	Waysnar
Kàrbuts	Beinars		
Nàrmonts		Nariothe	
Nàrvids	Daugnóras (новообр.)	(?) Nermann	
Norgéla	Sáunors	(?) Nerweko	
(Naréika)	Lýgnors	(?) Narwekethe	
(Nõrkus)	Váinors	(?) Nergune	
(Nàrkszis			
Nàrvids			
Nàrvils и Narvils			

По Беценбергеру отъ nara—«Mann». Жмудскія имена указываютъ на корень глагола noréti—хотѣть.

Основа ged (? geid).

Gèdvils	Gedeke, Gedeane, Gedane	Iaunegede, Laygede
Gèdgauds	Gedauthe, Gedawe, Gedit	Milgedo
Gèdmins	Geducke	Sangede
Gèdmints	Gedekant, Gitkant	Swagede
	Gedericks, Gedympthe	Surgede
	Gedilige	Tuligede, Wayni gede(Шальв.)
	Gedegaude (Шальв.)	Skaudegede
		Wisse gede, Wissa geide

Основу Беценбергеръ производитъ, вполнѣ правдоподобно, отъ корня geid — хотѣть, желать.

Тема skaud.

Skóusgirds	Ióskouds	Scodete
		Skaudegede
		Skaudegirde
		Scudeyke

(Мѣстечко Шкуды Тельш. у. по жмудски Skóuds).

Значеніе основы: skaud—болѣть (Бец.).

Жмудскія крестьянскія фамиліи.		Древне-прусскія личныя имена.	

Основа gand, gant, gont.

(?) Gèndvils	Pýgonts Výgonts	Gande, Gandil Gandike Gandois (Надрав.)	Pýgant Algande Napragande Nergande.

По Бец. gant-Streit. Скорѣе слѣдуетъ производить отъ корня лит. gand—устрашать, пугать.

Основа vil.

	Bùtvils Gèdvils		
Витовтъ в. кн. Радзивилъ кн.	Gèndvils Moñtvils, Muñtvils Moñstvils Nàrvils, Narvìls Ràdvils, Redvils Sùrvils, Survìla Tóutvils Váitvils Váiszvils	Wiltaute	Nawelle Powyle (Судов.) Prestowylle Reyghewille Raytwille Teutewil Wissewille

Значеніе основы, по Беценбергеру—vela-«gut», vilti-Hoffnung. Значеніе ея повидимому давно изгладилось. Въ одной мною записанной литовской сказкѣ найденышъ называется radvýlas; отсюда можно бы заключить, что—výlas суфиксъ прилагательный съ перестановкой тѣхъ же звуковъ, что и въ русскомъ оконч. прил.—ливый и съ нѣсколько инымъ оттѣнкомъ значенія, указывающимъ качество. Въ такомъ случаѣ Bùtvils значило бы: домовитый, Tóutvils и Vý(l)tauts—народный, Moñtvils—зажиточный и т. д.

Основа tort.

Žàstorts	Gastart

Значеніе темно.

Основа mil.

Mìlvids (Miléika)	Jómils	Milagids Milgede, Miligede Milegiez	Munthemil

Значеніе: mil—любить (Бец.).

Жмудскія крестьянскія фамиліи.		Древне-прусскія личныя имена.

Основа gélâ, gaila.

————	Bugáila	Dangil (не Daugil-ли?)
Гелгудъ, двор.	Daugéla и Daúgils	Clausigail, Klausigail
Ягелло, вел. кн.	Mingéla	Claussigol.
Мингайло, кн.	Dimgáila	
	Nergéla	
	Rimgáila	Ringel
	Sungáila	Sangele
	Skisgéla, Skisgáila	Waigal, Waygal, Waygalle
	Razgáila	Woysgail

По книжнымъ даннымъ, gelà значитъ—слава; указаніе это мною еще не провѣрено; кельтское gala имѣетъ то же самое значеніе. Въ утвердительномъ случаѣ gelà было бы то же самое, что и славянское—славъ.

Основа daug.

Daugnóras	Váidaugs		
(новообразованіе)			Preydowe
Dóuksza			Nadowe
Dóubars		Dabore	
Daugéla, Dáugils		Dogel	
Daúkonts			
Dáukints, Daukintis			
Daugìntis		Daukinte	

Значеніе: daug—много.

Основа bars.

Dóubars	Dabore
	Wissebar

Значеніе: ссыпать (хлѣбъ).

Основа rim, ram.

Rimgáila	(Bãltrims, Baltrìms)	Rìngel
(Rĩmkus)	Bùtrims, Butrĩms	Romotis
(Riméika)	Kõntrims, Kontrìms	Romecko
(Rimsza)	Mażrìms, Moizrìms	Romeyke
	Moñtrims.	Romicke.

Значеніе основы, по Беценбергеру, râma-«mild». Тема происходитъ отъ глагола rimti—покоиться. Значеніе глагола и производныхъ отъ сказаннаго корня ram связано съ народными поэтическими и религіозными (миѳическими) представленіями лит. племени. (Ср. церк.-слав. коити, упокой).

Жмудскія крестьянскія фамиліи.		Древне-прусскія личныя имена.	
		Основа **but**.	
Bùtvils, Butvils	Gimbuts	Bute, Buteko	Arbute, Genebuth
Bútauts	Jàsbuts	Bautau, Beutaw	Nabute, Naybutte
Butgìnis	Jasbùtis	Butil	Prexboto,
Bùtrims	Narbuts	Butilabes	Iboto, Ibute, Ibuthe
Bú(t)konts	Vàsbuts		Queybuth
Bùdriks	Eibùtis	Budrick (Шальв.).	Reÿnboto
	Preibis,—очевидное сокращеніе др.-прусск.		Praybutz, Preiboto
			Praybuth
			Steinbuthe, Strambote
			Temperbute, Twirbut
			Wissebut, Tungerbututh [1])

[1]) (Единственный случай уменьшительнаго окончанія при двуосновномъ имени). Веценбергеръ совершенно вѣрно производитъ эту тему отъ buta-«Haus». Замѣчательно при этомъ, что на русской Литвѣ и Жмуди, а равно у Латышей, въ числѣ многихъ обычныхъ названій дома, жилища, слова buts не существуетъ. (Въ Маріампольск. у. и нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ встрѣчается bǘda въ названіяхъ урочищъ; по латышски buhdiña — хатка, будка). Въ остаткахъ древне-прусскаго языка слова, образованныя отъ buts—домъ, многочисленны. У прусскихъ литовцевъ buts самое обычное названіе дома.

Основа **vain**.

(Vainéikis)	Gir̃dvainis	Waynothe
(Váinius)	Tãrvainis	Waynigede (Шальв).
(Vainiútis)	Keñtvainis	
	Dóvainis	
	(?) Ũvainis	

Значеніе основы: война. Слово, очевидно, въ весьма отдаленное время, позаимствовано изъ языковъ славянскихъ. Доказательствомъ стариннаго военнаго быта Жмуди могутъ служить еще слѣдующія, записанныя въ 5 волостяхъ на «Поморьѣ», преимущественно одноосновныя крестьянскія фамиліи: Bráuklis (отъ brùkle лит. brauklýs—палица), Karéiva (воинъ), Kaustèklis (отъ гл. káuti—«бьющій»), Kóunas (отъ kòva лит. kovà—битва), Lìngis, Lingvènis [Ленгвель, Лингвеній, вел. кн.—отъ linga—праща (лат.)], Mèczis (мечь), Puszkórius вм. Puczkórius (стрѣлокъ; отъ pùčka—ружье). Помимо сего, приведенныя выше фамиліи на gin, gint.

V.

При обстоятельной разработкѣ предмета настоящаго очерка и при изслѣдованіи также и не крестьянскихъ двуосновныхъ именъ, сохранившихся на Литвѣ въ дворянскихъ фамиліяхъ и въ литовской исторіи, и сличеніи ихъ съ древнепрусскими, выяснится не только извѣстное число дальнѣйшихъ общихъ основъ или темъ, но и еще нагляднѣе,—тѣснѣйшая связь между обѣими группами именъ. Здѣсь же, для ближайшей цѣли сего сочиненія, приводу еще болѣе примѣчательныя, изъ записанныхъ мною въ названныхъ выше 5 волостяхъ «Поморья», крестьянскихъ фамилій вообще не принадлежащихъ къ древнимъ двуосновнымъ именамъ. Онѣ безъ сомнѣнія вполнѣ заслуживаютъ также вниманія ученыхъ; такъ какъ по всѣмъ признакамъ, образовались въ весьма отдаленное время, и многія опять часто совпадаютъ съ древнепрусскими именами. Съ другой же стороны въ этомъ моемъ спискѣ найдется лишь небольшое число фамилій общихъ у Жмудиновъ съ Литовцами; настолько эти имена типичны сами по себѣ. Г. Беценбергеръ въ приведенномъ сочиненіи «Die Bildung der altpreuss. Personennamen» выставляетъ, какъ общее непреложное положеніе относительно древнихъ именъ личныхъ у Индусовъ, Иранцевъ, Грековъ, Кельтовъ, Славянъ, Германцевъ—что имена эти, по существу своему, были **всегда**, по своему происхожденію д в у о с н о в н ы я; но только путемъ сокращеній превращались въ кажущіяся одноосновныя или однотемныя. Это же положеніе Беценбергеръ находитъ вполнѣ примѣнимымътакже и къ народамъ «балтійскимъ», т. е. литовскимъ. Мнѣ кажется, что такое сужденіе содержитъ крупную недомолвку. Отъ сказанныхъ индоевропейскихъ народовъ, кромѣ Пруссовъ, до насъ дошли древнія имена преимущественно, если не исключительно лишь свободнаго военнаго класса. Потому то существенною ихъ особенностью, являются и громкія коренныя значенія, указывающія на славу, богатство, войну, силу, остроту чувствъ и проч. Это имена эпическія по своему характеру и вовсе не соотвѣтственны классу простолюдиновъ, пахарей и пастуховъ — будь они свободными или рабами, все равно. Этотъ народный слой какъ въ наше время, такъ и въ древности, уже въ силу окружающихъ его бытовыхъ условій, долженъ былъ довольствоваться менѣе громкими именами, согласными съ его образомъ жизни. Имена простѣйшія Пруссовъ, жившихъ древнимъ бытомъ еще въ исходѣ среднихъ вѣковъ, записанныя въ большомъ числѣ, и могутъ служить тому доказательствомъ, а общее соотвѣтствіе этимъ именамъ жмудскихъ, крестьянскихъ составляетъ дальнѣйшее того подтвержденіе.

Простѣйшія жмудскія крестьянскія фамиліи, записанныя въ волостяхъ: Кретингенской, Корцянской, Дорбянской, Салантовской и Плунгянской, Тельшевскаго уѣзда:

'Abaris
Abàrtis
Abrùtis
Adéika
Albùżis
Al'k(auckas)
'Alimas
'Almins
Al'żderis
Alséika
El'séika
'Amaris
Anùżis
Andrékus
Apéikis
Armólis
'Arys
Astréika
Aúszra
Badáuka
Bàlans
Bal̃sis
Baltmìszkis
Baltràkis
Baltúnas
Baltùpis
Bànys
Bā̃rkus
Bā̃rikus (онъ же Bartoszus = Бартошъ)
Barsteiga
Bavétis
Báużis
Benétis
Berènis
Bèrczus (тоже Bertulis=Варѳоломей)
Bèrnis, Bèrnius
Biczùlis
Birżènis
Bóitis
Bráuklis
Brèzgis
Briñcius
Brazdéikis
Brůżis
Brósas
Bugáila
Bùczn̆ys
Bugìnis
Bùmblis
Bùntins
Búivens
Bùrvis
Bùtkus
Bùdrys
Bùdriks
Cziuñka
Cziùta, Cziùtis
Cvìkis
Cviklis
Dąméika
Damùlis
Daráczus
Dàrgis
Dèrgintis
Dýglis
Dìburis
Dómarks
Dóvainis
Dóvlys
Dóviots
Drèinis
Drìmba
Druñgils, Druñgìla
Druskìnis
Dzindzilèts
Éidimts, Eidìmts
Eiduks
Einà
Einikis
Eirószus
Eisolys
Eitùtis
Ermùtis
Gàbolis
Galáveis
Gal'diks
Gáubis
Gáuczis
Gardènis
Girdènis
Gìntols
Gariónis
Garbìnis
Gáusas
Gavénis
Gaudèszus
Gèdrys
Gedráitis
Gedrìms
Gelżìnis
Gibē̇ża
Gìga
Gýniots
Gýdra
Gìntols
Gýra
Gàgelis
Gòga
Gòmas
Gràbis
Gráuslis
Gréivis
Grikpédis
Grìksztas
Gróbsztas
Gromális
Grúinis
Gruñdulis
Gùdas
Gùntols
Gùstis
Gvil̃dis
'Ilakis
'Ilakínis
Ilgìnis
'Intas
'Jzdelis
Jàksztis
Jàsis
Jatùzis
Jáugelis
Jáutags
Jáutàkis
Jogùtis
Jokùts
Jómils
Judéikis
Júcis
Jùndulis
Jundzìla
Juñdzils
Jurgìla
Jùrkszas
Jùrczus
Jutrìńca
Kamósza
Kaléda
Kàniava
Karéiva
Kaspùtis
Kazràgis
Kàżdailis
Káubris
Kausteklis
Keitis
Kèkis
Kel̃psza
Keñtra
Keñtvainis
Kèrbedzis
Kerpis
Kèris
Kibel̃ksztis
Kìdiks
Kláiszis
Kiñczus
Kir̃klis
Klóva
Knéita
Knéża
Kniczìta
Kniúipis
Kniúkszta
Kócius
Koñczus
Kóunas
Kóusa
Krìpas
Kùkszta
Kumszlýtis
Kūńgis
Kunéika
Kvèkszas
Labżìntis
Lagójus
Laúzis
Láukys
Lèba, Lèbus

Leliùga
Lèñkas
Lenkùtis
Leńkinis
Lenstùtis
Lygùtis
Lidéikis
Liléika
Liléikis
Liñgis
Lèngvins
Lingvènis
Liútkus
Lòbys
Lùbis
Lùkszas
Maczèrnis
Màrgis
Margétis
Mażéika
Mèczis
Medùtis
Mẽmkus
Mèszkis
Meżinis
Medéikis
Medèksza
Midéika
Mikszta
Milószus
Miltàkis
Minéika
Minùtis
Moñczys
Motùzas
Naréika
Narkszis
Nořkus
Narúiszis
Pabrẽża
Pagiréikis
Pànumis
Paliùlis
Paréiga
Pátra
Pèl'dis
Pèkus
Pèrkoma
Pikturna
Piktúiża
Pìtelis
Plàtakis
Pléikis
Plèszkis
Pócius
Pòksas
Preibis
Puléikis
Punéikis
Pùplesis
Pùrtags
Pùtvins
Puszkórius
Ragáinis
Rajùns, Rójus
Raibùzis
Ráiszis
Raiszùtis
Raliùga
Ramúnas
Rèpszas
Rimùtis
Ripális
Riúibis
Rùbis
Rúikis
Rúiszis
Rudélis
Rùdgalvis
Rumbùtis
Rupéika
Rùpszas
Rúsis
Rùtis
Saúsdargis
Saúsdraus
Sausdravà
Sausèris
(Sáusys —древнее названіе мѣсяца января)
Sakóutis
Simáitis
Sýmis
Simùtis
Siáuris (? не тоже ли что и sziáurys—сѣверъ).
Selénis
Serafins (серафимъ).
Serpùtis
Siúrblis
Seréitis
Skabéikis
Skaliszis
Skèrsys
Skéivis
Skrìkis
Smliñgis
Sódys
Spañnis
Spèrius
Stìrblys
Stìriks
Stripìnis
Stóukus
Stróupa
Stùbrys
Sùdimts
Sudìmts
Sukùtis
Szemiots, Szèmeta
Szakìnis
Szàpalis
Szatéikis
Szèszkus
Szerùns
Szìbolis
Szidéikis
Szìlas
Szìlgalis
Szirpága
Szleínis
Szlèpetis
Szòrys
Szpũgis
Szúiszelis
Szvéistris
Szvèl'nis
Szvèris
Taúgins
Taujènis
Táuragis
Tautá(vicze)
Tènys
Tìlviks
Toléikis
Triúikis
Trioszis
Tùbens
Tùl'gis
Tumélis
Tupẽza
Tverionis
Ulba
Untùlis
Uřnikis
Ùvainis
Ùzouts
Váidongs
Váinius
Vainiùtis
Váitils, Vaitìla
Vainéikis
Valùzis
Vambùtis
Vàżbys
Vàszkis
Vař'kalis
Vař'kojis
Varnèlis
Varpèlis
Vasèris (февраль)
Vengális
Výniots
Vìbris
Výczis
Váiczus
Vèrkys
Virkétis
Vírszìls
Virkùtis
Vìtas
Vìtkus
Viczulis
Vìlkas
Vóiczus
Volòńczus
Vòszkils
Vìńcza
Vindòszus
Żalímas
Żéimis, Żeĩvis
Żýgus
Żióbris, Żiúbris
Żóulis, Żóvszis
Żuĩpa, Zútas
Żvìlis, Żvíñklis
Zviñglis

Этотъ перечень примѣчательнѣйшихъ простѣйшихъ фамилій Жмудскаго

Поморья, будучи весьма мало схожимъ по составу съ именными списками собственно литовскихъ мѣстностей, въ свою очередь представляетъ много стариннаго. Въ немъ оказываются, какъ уже объяснено выше, разныя наименованія воина; далѣе имена литовскихъ князей Герденя (Girdènis) и Лингвеня или Лингвенія (Lingvènis), а также ятвяжскаго князя Юндила или Юндзила (Jundzìla, Juñdzils); имена произведенныя отъ древнелитовскихъ названій мѣсяцевъ: января (sáusys), февраля (vasèris), марта (kòvos menů—«мѣсяцъ брани», въ имени Кбunas); извѣстное число именъ, сходныхъ съ дворянскими старинными фамиліями, особенно на—éika—éikis: Daméika, Rupéika и др., фамилія Jáutags, повидимому тождественная съ именемъ дружинника, названнаго въ договорѣ Игоря съ Греками—«Явтягъ» и составляющая простую перестановку звуковъ слова «Ятвягъ». (Съ весьма обыкновенною литовско-жмудскою фамиліею Jáutakis первую мудрено смѣшать, такъ какъ при этомъ оставался бы невразумительнымъ переходъ согласной k въ g и кромѣ того приходилось бы допустить поглащеніе звука i въ окончаніи — is, чего въ жмудскомъ нарѣчіи, при всей краткости выговора—не бываетъ). При такомъ характерѣ настоящаго перечня, онъ представляетъ также и много соотвѣтствій списку древнепрусскихъ именъ проф. Пирсона. Объемъ настоящаго очерка обязываетъ меня устранять изъ него всѣ частности, а также и всѣ простѣйшія сходства только по корнямъ и окончаніямъ, встрѣчающимся также и въ верхнелитовскомъ нарѣчіи. Поэтому останавливаюсь на однѣхъ главнѣйшихъ морфологическихъ особенностяхъ двухъ группъ именъ, указывающихъ на непосредственную связь Жмудскаго Поморья съ древними Пруссами.

VI.

Частицы и окончанія, несвойственныя живому литовскому языку, по обоимъ его нарѣчіямъ:

Жмудскія крестьянскія фамиліи.	Древне-прусскія личныя имена.
Окончаніе ìla—ils.	
Drungìla, Druñgils	Keytil
Jundzìla, Juñdzils	Nautil, Sambil, Stintil
Jurgìla	Wosil, Waissil, Waysil
Virszils	Windil (Шальв.)
Vaitìla, Váitils	Юндилъ, Ятвяжск. кн.

Значеніе окончанія: усиленіе качества. Jundila—значитъ: возмутитель, отъ глагола jùdinti, приводить въ движеніе.

Жмудскія крестьянскія фамиліи.	Древне-прусскія личныя имена.

Окончаніе—v i n s—vènis.

Lèngvins, Lingvènis Pútvins	Gaudewins, Gauwina Pelwyn, Sudowin

Значеніе окончанія темно.

Окончаніе o l s.

Gìntols, Gùntols,	Diwols, Diwil, Diwile

Значеніе окончанія, судя по однородному лат. окончанію, указываетъ на страдательность. Gíntols—защищаемый (отъ глагола gìnti — защищать). Не только íla—ils, но и ols въ славянской транскрипціи воспроизводится черезъ—илло (Гинтилло, Виршилло и пр.).

Окончаніе è s z u s.

Gaudèszus	Gaudesse, Pogresse, Preydesse (1299 г.) Preidesse, Sangawisse, Wargasse.

Значеніе окончанія темно. Правописаніе прусскихъ именъ указываетъ на тоже самое удареніе, что и въ жмудскихъ.

Окончаніе è t a—i o t s.

Dóviots Gýniots Szèmeta и Szèmiots Výniots	Anijot, Anyote, Astiote, Blyoth, Byot, Genote, Ganothe, Kalioth, Naudiota, Nariothe, Walgioth, Schaywoth, Waynothe
Каріятъ, кн. лит. Минятъ, двор.	Kariothe Meynote, Minaute

Наличность полнаго окончанія—eta и сокращ. iots объясняетъ русскую транскрипцію, всегда на ятъ—ята.

Окончаніе i m t s.

Éidimts и Eidìmts Sûdimts и Sudimts	Gedympthe Sanimte, Sorimpte.

Жмудскія крестьянскія фамиліи.	Древне-прусскія личныя имена.

Приставка ja—, jo—.

Játauts, Jógmius	
Jómils	
Jómonts, Jómunts	
Jógauds	Jagaude, Jogaude.
Jóskouds	
Ягелло, вел. кн.	

Приставка al'.

'Al'mins, Al'minis	Aldegut, Algende, Alwarinus
'Al'monts	Alwarnus
Ольгердъ, в. кн.	Algarde

Приставка al' происходитъ отъ мѣстоименія àlas, весь (восточно-лит. говоръ).

Ю. П. Кузнецовъ.

ОТДѢЛЪ II.

Свадьба въ подгородныхъ волостяхъ Сольвычегодскаго уѣзда.

ОТЪ РЕДАКТОРА.

Въ концѣ прошлаго года я сталъ просматривать Архивъ Г. Общ., дабы воспользоваться для Живой Старины старыми этнографическими матеріалами. Бумаги нашего Архива каталогизованы по губерніямъ. Я рѣшилъ начать пересмотръ съ сѣвера Европейской Россіи. Благодаря или совершенному отсутствію дворянскаго землевладѣнія или относительно малому числу дворянъ и чиновниковъ, послѣднихъ благодаря громаднымъ разстояніямъ, бездорожью и слабой заботливости высшей администраціи, въ теченіе многихъ десятилѣтій, о нашемъ запущенномъ сѣверѣ, здѣсь крестьянское населеніе сохранило наиболѣе старины и самобытной цѣльности, наименѣе приниженное, всегда пользовалось наибольшею свободою и самоуправленіемъ.

Началъ я мой обзоръ рукописей о сѣверныхъ губерніяхъ съ Вологодской, каюсь, чисто по особенному къ ней, непобѣдимому разсудкомъ, чувству привязанности и пристрастію, какъ родинѣ моего отца, дѣда и прадѣдовъ и слѣдовательно, хотя и заочно только знакомой, но съ дѣтства, всякому дорогой прародинѣ своей.

Изъ вологодскихъ матеріаловъ по этнографіи самыми лучшими оказались сообщенія членовъ-сотрудниковъ Общества Н. А. Иваницкаго и Н. Г. Ордина. Сообщенія перваго, долго Отдѣленіемъ не издаваемыя, вошли наконецъ въ прекрасный Сборникъ «Матеріалы по этнографіи Вологодской губерніи», напечатанные въ Трудахъ Этнографическаго Отдѣленія И. М. Общ. Люб. естествозн. 1890 г. Между болѣе или менѣе обширными и интересными рукописями Н. Г. Ордина, сколько извѣстно, еще не обнародованными, особеннаго вниманія заслуживаетъ доставленная въ Общество въ 1883 г. статья подъ заглавіемъ «Свадьба въ подгородныхъ волостяхъ Сольвычегодскаго уѣзда». Вотъ небольшое введеніе автора:

«При поверхностномъ наблюденіи легко можно прійти къ заключенію, что въ свадебной обрядности пригородныхъ крестьянъ Сольвычегодскаго уѣзда преобладаетъ заносный элементъ, но это не вполнѣ вѣрно. Въ свадебныхъ пѣсняхъ дѣйствительно есть заимствованія, есть и чисто мѣстныя, хотя ихъ и немного. Въ обрядовой сторонѣ, въ обстановкѣ, въ повѣрьяхъ, суевѣрьяхъ, наговорахъ и т. п. есть не мало самобытнаго, мѣстнаго Въ настоящіе очерки войдутъ оба элемента — мѣстный и заносный—и читателю легко будетъ отличить заносное отъ мѣстнаго.

«Намѣреваясь представить въ своихъ очеркахъ полную картину мѣстной крестьянской свадьбы со всѣми обрядами, обычаями, пѣснями, причитаніями, приговорами, отговорами, наговорами и т. п., я начну съ сватовства».

Въ слѣдъ за тѣмъ авторъ и начинаетъ свой первый очеркъ: сватовство. Обладая несомнѣннымъ художественнымъ дарованіемъ, авторъ прибѣгъ къ необыкновенному въ такихъ описаніяхъ пріему. Онъ прямо вводитъ насъ внутрь крестьянской семьи и живо, мастерски знакомитъ съ отцемъ и матерью будущаго жениха, единственнаго ихъ сына, наконецъ съ самимъ женихомъ, судьба котораго сильно заинтересовываетъ читателя. Передъ нами являются живыя, дѣйствительныя лица, простыя, суровыя, полныя предразсудковъ и грубыхъ привычекъ, но честные и цѣльные люди, привлекательные своимъ здравымъ умомъ, добрымъ сердцемъ и крѣпкою волею. Далѣе авторъ знакомитъ насъ не только съ обрядами и обычаями сватовства и другихъ актовъ сѣверно-русской свадьбы, но и съ внутреннею жизнью, умственнымъ и нравственнымъ обликомъ, съ настоящею живою рѣчью и съ характерами крестьянъ Сольвычегодскихъ, постепенно развертываетъ передъ глазами читателя стародавній свадебный ритуалъ съ живыми, прямо выхваченными изъ дѣйствительности, лицами, играющими ту или другую роль въ этомъ ритуалѣ. Передъ нами выступаютъ двѣ полныя комизма деревенскія свахи-вдовицы, отецъ, мать невѣсты, сама невѣста, уже знакомая намъ изъ бесѣдъ жениха съ его отцемъ и матерью, живой, расторопный и рѣчистый дружко, наконецъ передъ нами развертывается цѣлое драматическое представленіе въ нѣсколько актовъ съ обширною сценою, съ перемѣною мѣстъ дѣйствія, въ домахъ, передъ домомъ невѣсты, на дорогѣ (поѣзда), съ чередованіемъ монологовъ, діалоговъ и хоровъ, съ пѣніемъ и пляскою, съ элементами эпическими, лирическими и драматическими, причемъ высоколирическіе и драматическіе моменты изрѣдка смѣняются элементомъ комическимъ. Вообще нельзя не признать, что русская свадьба была явленіемъ всенароднымъ не только до к. XVII в., еще въ XVIII в. не только въ семьяхъ купеческихъ и подьяческихъ, но и въ значительной части дворянскихъ семей внутри Россіи праздновалась по старинѣ, и этому свадебному чину нельзя отказать въ характерѣ глубоко-поэтическомъ и высоко-художественномъ. Тѣмъ же характеромъ запечатлѣны были и другіе важные акты семейной русской жизни отъ колыбели до могилы. Пусть было много грубаго, жестокаго и суроваго въ этомъ бытѣ, но — таковъ уже родъ людской, — и въ этомъ быту было не мало доброй, честной простоты, глубины и нѣжности чувства, высокаго героизма и самопожертвованія, и русская жизнь древняя и старая была озарена и согрѣта чистою поэзіею, проникнута художественнымъ духомъ. Правда она была исполнена суевѣрія, но и суевѣрье, по вѣрному замѣчанью Гете, есть поэзія повседневной жизни. Народный языкъ и народная словесность, памятники древней и старинной нашей архитектуры, музыки, даже живописи (хотя въ гораздо меньшей степени) живо говорятъ намъ, какъ много было въ древней и старой Руси истинно художественнаго творчества, глубокой и разнообразной поэзіи. На романо-германскомъ западѣ рѣзкое бытовое раздѣленіе народовъ на различныя сословія и классы произошло гораздо раньше, чѣмъ у насъ; раньше, чѣмъ у насъ стала скудѣть и падать народная устная словесность и раньше явилась поэзія личная, письменная, но если она дала и въ средніе вѣка и въ новое время великихъ поэтовъ и высокія поэтическія созданія, то главною причиною тутъ было не болѣе раннее и рѣзкое раздѣленіе романо-германскихъ народовъ на сословія и классы, а сохраненіе народами въ своемъ языкѣ, бытѣ и устной словесности богатыхъ родниковъ поэзіи и художественнаго творчества. Славянскіе же языки, а въ ихъ числѣ и русскій, устная словесность и бытъ народовъ славянскихъ, русскаго между прочимъ, въ отношеніи поэтическаго разнообразія и художественнаго творчества ни мало не уступаютъ ни романскимъ, ни германскимъ языкамъ и народамъ. Главное же видимое и всѣмъ бросающееся въ глаза различіе нашего славянскаго міра отъ романо-германскаго заключается въ богатствѣ запада и въ бѣдности нашего востока капиталами и культурою; она же — также въ своемъ родѣ капиталъ — вѣками накопленный умственный трудъ прежнихъ поколѣній. Но не забудемъ, что лѣтъ 600—700 назадъ романо-германскій міръ былъ также бѣденъ и

капиталами и культурою не только сравнительно съ древнею Грецiею и Римомъ, но и съ Египтомъ и другими древними государствами Востока.

Переходя снова къ статьѣ достопочтеннаго члена-сотрудника Н. Г. Ордина, можно безошибочно кажется замѣтить, что въ ряду многочисленныхъ описанiй великорусскихъ свадебъ—помѣщенныхъ въ трудѣ Терещенка «Бытъ русскаго народа», Пермскомъ Сборникѣ, въ другихъ провинцiальныхъ сборникахъ и въ разныхъ памятныхъ книжкахъ, губернскихъ и епархiальныхъ вѣдомостяхъ, въ прежнихъ изданiяхъ И. Р. Г. Общ., между прочимъ и въ Живой Старинѣ—нижеслѣдующая статья г. Ордина принадлежитъ къ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ въ этомъ родѣ.

ОЧЕРКЪ I.

Сватовство.

Вечеръ. На дворѣ стучитъ морозъ. Посреди крестьянской избы ярко горитъ лучина. У лучины, на толстомъ обрубкѣ сидитъ ещё крѣпкiй старикъ и чинитъ старый сапогъ. У входныхъ дверей, на голбцѣ, сидитъ старуха за пряжкой, дремлетъ и, по временамъ, всхрапываетъ. Вдругъ, какъ изъ пушки выпалилъ,—стукнулъ злющiй морозъ. Только что всхрапнувшая старуха, съ испугу, полетѣла было съ голбца; но, къ счастiю, схватилась руками за полати, повисѣла минутку на рукахъ и спустилась на полъ... Старикъ флегматически повернулъ голову къ старухѣ и сказалъ: экъ тя сиесла не легкая, ажно меня спужала! Не бось и топерь будешь баить, штё вздремалось?

— Я малехонько, Степанычь.

— Малехонько, а носомъ гудетъ, штё твоя заспяная мельничя.

— Ну, Степанычь, штё еще здумаешь, твоя баба стала мельничей, на шестой десятокъ человѣкомъ слывучи!

— А во какъ! мельнича безустанно мелетъ, сколько не подсыпай, ты тожи безъ устали болтаешь, штё бы не попало на твой языкъ, отъ тово-то и выходитъ настояшшая мельнича.

Баба вздохнула, не нашлась, что отвѣчать и полѣзала снова на голбецъ, а мужъ принялся опять за сапогъ.

Наступила пауза, которая впрочемъ скоро была прервана старухой, едва снова не сорвавшейся съ голбца, подъ влiянiемъ дремоты.

— Господи, Iисусе Христе, штё евто опять было обнесло,—ворчала старуха.

— Баба, ты штё разлеталась, али молодыя крылья пробуешь? — трунилъ старикъ.

— По неволи полетишь, коли голову обноситъ, да серьчё шшемитъ!

— О чемъ евто у тя, примѣромъ будучи сказать, серьчо-то шшемитъ?

— Сама не знаю, Степанычь, жизни ни рада, ни весь куды-бы дѣвалась, а серьчо чуетъ не ладное!

— Ну, баба, — сказалъ старикъ шутливо, — если не будетъ легче, то тебя испортили

— И сама знаю, Степанычь, штё тосковать не чѣмъ, слава тѣ Господи, хлѣбъ-соль есь, за штями къ сусиду не ходимъ, да совладать не смогу съ собой!

Старикъ сплюнулъ и сказалъ съ сердцемъ:

— Тфу ты, дурная, у ней тольки и на умѣ, штё въ брюхо лизётъ, а достальное

все—плюнь да разотри... Недаромъ въ писаніи сказано, у бабы волосъ дологъ, да умъ коротокъ...

— Ну, ужъ и въ писаніи.

— Да, въ писаніи...

— А то какой старый дуракъ съ пьяна сбухалъ...

Старикъ захохоталъ и сказалъ шутливо:

— Лучше-бы ты дѣло смѣкала, а то сидитъ на голбчѣ, да носомъ ершей ловитъ.

— Ершъ, знамо дѣло, рыба, ни нечисть какая, о какомъ-же задильѣ говорить-то, сердешный?

— А Петрованъ-отъ ни задилье, надо и объ ёмъ подумать.

— О какомъ Петрованѣ?

— Какъ о какомъ, а у тебя парня-то не Петрухой штё-ли зовутъ, ну, баба, ты совсѣмъ здурила, коли не врешь, то правда, его знашь или вовсе очумѣла.

— Какъ не знать своего голубчика,—сказала старуха.

— Ну, коли знашь, такъ и домѣкай дѣло. Домѣкаешь-ли, штё Петрованъ-отъ у насъ сажень безъ шти верховъ!

— Нечево сказать, не обидѣлъ Господь Богъ ни ростомъ, ни дородствомъ.

— Топерь домѣкнула?

— Домѣкнуть-то домѣкнула, только не втолковалась, родимый.

— Эхъ ты, баба, езовый лобъ!—вскричалъ грозно Яковъ Степановичъ.

Старуха испуганно повернулась на мѣстѣ и поспѣшила сказать:

— Чуетъ мое серьчо, штё въ другорѣть напрокурдилъ молодякъ.

— Нехотя напрокурдишь, коли своей бабы нѣтъ.

— Домѣкнулась, домѣкнулась, батюшко Яковъ Степанычь, домѣкнулась, родимый,—затараторила старуха и начала проворно слѣзать съ голбца.

— Слава тѣ Господи, растреслась таки,—сказалъ старикъ.

Между тѣмъ, старуха подошла къ мужу, стала возлѣ него. Глаза ея блистали радостью, на морщинистыхъ губахъ играла улыбка.

— Штё заухмылялась, ай любо?

— Какъ не любо, Степанычь! какъ не любо, родимый, кто своему дѣтишшу ворогъ? кто не пожелаетъ кровному добра и благодати...

— Ну ужъ съ благодатью-то потише: неровенъ часъ, а то отъ вашей сестры такую благодать получишь, штё упаси Господи...

— Все-же слѣдствуетъ законъ христіанскій соблюсти, родное чадо подъ златъ вѣнечь поставить...

— Знамо дѣло надо, такъ нечево ухмылятьча-то, а надо въ доброй, во благой часъ, съ Богомъ, да со Христомъ дѣло зачинать.

— Я-бы давно зачала, да...

— Да штёжъ?

— Товарчу подходяшшаго подъ рукой нѣтути.

— Какъ нѣтъ?

— Нѣтути, нѣтути, батюшко, и ни чуть близко.

— А у Ваньки Хрѣна?

— Дѣвка приглядна, да дородства нѣтъ, на горочкую смахиваетъ, плохая будётъ мужу работнича.

— А, у Ваньки Губы?

— Дородство есь, дѣвка слонъ слономъ, да приглядства нѣтъ.

— Вишь какая разборчива, будто горочкая бара...

— Какъ, батюшко, Яковъ Степанычь, не порадить кровному соколику!..

— Рази, при дородствѣ, красота бѣльмо въ глазу? Ну, у Миколки золотаря...

— У Миколки дѣвка стучитъ какъ слѣдъ, дивно и приглядство есь, да достатка нѣтъ.

— Глазишша-то у тебя, баба, попоськія: тебѣ всё мало, тебѣ все подай, все выложи.

— А, Петрованъ-то у нась рази отъ Бога чѣмъ обойденъ, отъ людей осрамленъ?

— Такъ-то такъ, да гдѣ дѣвку таку возьмешь?

— Такому парню, какъ Петрованъ-отъ, найдетча, можно въ дальнія спосылать.

— Въ дальнія, такъ въ дальнія, тольки надоть круто; а то парень совсѣмъ избалуетча, у нево ростъ-отъ великъ, а умъ-отъ коротокъ ошшо...

Сквозь зубы робко старуха сказала:

— Поспрашать-бы!

Старикъ отложилъ въ сторону сапогъ, поднялъ голову, посмотрѣлъ пристально на старуху и спросилъ:

— О чомъ спрошать-то?

— Да объ невѣстѣ.

— У кого?

— У Петруши.

Старикъ всталъ, брови его сдвинулись, и онъ спросилъ сурово:

— Въ умѣ-ли ты, старуха?

— Коли-бъ не въ умѣ была, то не радила-бы о дѣтишшѣ,—отвѣчала старуха, трясясь, какъ въ лихорадкѣ.

— Ты радить-то радій, да ухо держи востро, языку лишней воли не давай!

— Вѣть онъ у нась одинъ одинешенекъ, какъ синь порохъ въ глазу... — и слезы навернулись на глазахъ старухи.

— Такъ штё-жъ, штё одинъ?!

Наступила пауза, которую старикъ прервалъ вопросомъ:

— А тебя спрашали, какъ давали за меня?

— Нѣтъ!

— Меня также не спрошали.

— На то была воля родительськая, упокой Господи ихъ души...

— А, Петруха штё? Онъ рази вонъ изъ воли родительскіё?

— Борони Богъ, Степанычъ.

— А многоль годовъ какъ мы вѣнчѣлись?

— Двадцеть пятой пошелъ.

— Худо жили?

— Оборони мать Пресвятая Богородича, люди завидывали нашему житью.

— А перво мы знамые были?

— Гдѣ тамъ знамые!

— Ну, штё-жъ спрошать-то?

— Не сгубить-бы единова дѣтишша,—проговорила опять робко старуха.

— Чирей тѣ на языкъ! Рази мы не сжились—не слюбились?

— Какъ не сжились не слюбились, да мы люди досельныя, понѣ совсѣмъ не то штё было преже, нонѣ спрошать лучше!

— Ахъ ты, клюка старая, чертово кадило!—закричалъ старикъ и занесъ кулакъ.

Старуху на мгновеніе задѣло за живое. Она выпрямилась и, смотря смѣло въ глаза мужу, сказала:

— Бей, Степанычъ! коли есь охота; а я, родно дѣтишше жалѣючи, — все буду баить, штё лучше спрошать...

Старикъ пронизалъ глазами жену и сказалъ:

— Тфу ты, окаянная! Дватцеть годовъ не бивалъ и теперь не охота марать рукъ! Убирайся!

Старуха низко поклонилась мужу и сказала:

— Спасибо и на томъ, родименькой, штё пожалѣлъ свою старуху, — видно не совсѣмъ ешшё супротивила!

Старикъ видимо смягчился и сказалъ болѣе кротко:

— Коли кому какая судьба, то спроши не спрошай, а она свое возьметь! Спрошай сама, стара клюка, коли есь охота; а мнѣ объ евтомъ ни гу-гу!..

Старуха бухнула въ ноги мужу и начала причитать:

— Отечь ты нашъ, кормилечь, благодѣтель ты родной!

Въ эту минуту дверь отворилась и въ избу вошелъ, отряхая шапку, высокій, стройный и красивый парень. Старики сконфузились донельзя. Старуха, какъ могла, проворно вскочила на ноги и, ни съ того ни съ сего, начала подымать мужу шапку, будто подняла его на полу. Старикъ затѣялъ не пригодное для него дѣло: хотѣлъ поправить на головѣ жены сдѣришку и сбилъ ее совсѣмъ на бокъ.

Петръ сейчасъ-же подмѣтилъ замѣшательство своихъ родителей, и сталъ раздѣваться, какъ будто ничего не видалъ. Раздѣвшись, онъ бережно спряталъ на мѣсту свое платье и сѣлъ къ столу. Петръ инстинктивно догадался, что произошло между отцомъ и матерью:—Обо мнѣ судили старики, подумалъ онъ, и сердце его сильно забилось .. Мать подошла и сѣла на другомъ концѣ стола. Старикъ принялся убирать свои инструменты. Нѣсколько минутъ длилось молчаніе, наконецъ мать заговорила:

— Гдѣ побывалъ, Петруня?

— Къ ребятамъ ходилъ.

— Не къ подружкамъ-ли,—ввернулъ отецъ.

— Не лайся, старый: заѣлъ ты парня, совсѣмъ заѣлъ,—оборвала мать.

— А для-ча не женишь его? Жони, такъ не буду лаятся,—бухнулъ съ плеча старикъ.

Отъ словъ старика, старухѣ стало какъ-то неловко, и она завертѣлась на лавкѣ.

Петръ же покраснѣлъ до ушей,—у него сперлось въ груди дыханіе, потупившись, онъ сидѣлъ, какъ окаменѣлый.

— Какъ есь, обо мнѣ судили,—думалъ онъ.

— Штё закусила языкъ-то, ай не любимое слово,—продолжалъ старикъ.

— Мнѣ-то больно любо, Степанычь, а любо-ли Петрунѣ, не вѣдаю.

— А вотъ довѣдаемъ,—продолжалъ старикъ.

— Неча довѣдывать-то: не приставъ какой. Онъ самъ можетъ сказать,—вмѣшалась мать, и обратясь къ сыну, спросила:

— Петруня, а Петруня, любо тебѣ отчеськое слово, али нѣтъ?

— Коли тебѣ любо, мати любимая, то и мнѣ любо, горемышному.

— Стой, шалишь, паря! Отчево евто ты горемышнымъ сталъ, а?

Петръ сконфузился въ свою очередь и не нашелся что отвѣчать.

— Штё-жъ молчишь? говори!

Петръ продолжалъ молчать, у него только слезы навернулись на глазахъ.

— Али онѣмѣлъ, ай стыдъ, передъ отчемъ, ротъ разинуть? Вотъ онъ, а! Вай, коли нѣтъ стыда, чѣмъ ты обиженъ, отчево горемышнымъ сталъ? Чево не хватаетъ тѣ?—у старика вырвался экспромтъ:

Оболочки-ли какой,
Тонкой праздничной?
Ясьвъ-ли какихъ,
Сдобныхъ, медяныхъ?
Пива-ли хмѣльнова?
Вина-ли зеленово?

Говори!

Петръ молчалъ упорно, на лицѣ его выражалось полнѣйшее смущеніе.

— Коли молчишь, не хочешь самъ баить, такъ слушай отча! Онъ докѣкаетъ, чево-тѣ не хватаётъ! Не хватаётъ-тѣ подружки дорогой, жоны молодой, и я тѣ ее дамъ,—продолжалъ старикъ.

— Батюшко!—простоналъ Петръ, поникъ на столъ головою и зарыдалъ.

Брови старика сдвинулись, онъ подошелъ къ сыну, потрясъ, слегка, его за плечо и сказалъ, но такъ сказалъ, что въ словахъ звучали и оскорбленное самолюбіе и строгость и теплая любовь къ сыну:

— Батюшко! Домѣкаю я евто, батюшко. Говори, давно завелъ сударку?

Петръ всталъ и сказалъ съ достоинствомъ:

— Не сударка она моя, батюшко, а возлюбленнича.

— Возлюбленнича, а какъ-же ты могъ возлюбить-то безъ воли отчосьной? — спросилъ грозно старикъ.

Петръ упалъ на колѣни и сказалъ съ глубокой покорностью:

— Прости, родимый, серьчо не спрошалось у меня!

Мать, слѣдившая все время съ напряженнымъ вниманіемъ за сыномъ и мужемъ, подошла къ нимъ, стала гладить одной рукой сына по головѣ, а другой мужа по плечу, приговаривая:

— Штё евто вы, родные мои? Петруня, перестань! Степанычъ, сердешный, ладушка желанная, не рази сына, помилуй!..

— Помилуй, родимый,—простоналъ Петръ, цѣлуя руки отца.

Старикъ не выдержалъ... Крупная слеза скатилась на его щеку... Онъ проворно отеръ ее, вырвалъ у сына свою руку, оттранилъ слегка жену и отошелъ отъ нихъ, борчча: «Не рази! Пожалѣй! Серьчо самово не спрошалось! Лѣшіе вы евтакіе!..» Петръ было поползъ на колѣнахъ за отцомъ; но тотъ быстро повернулся и сказалъ:

— Петрованъ, евто чево? Встань!—Сынъ повиновался. Отецъ пристально посмотрѣлъ на Петра. Въ глазахъ его искрой блеснула нѣжнѣйшая любовь къ сыну, и онъ живо спросилъ:

— А, гдѣ ты поддѣлъ свою возлюбленничу-то?

Петръ подмѣтилъ блеснувшую, еще такъ недавно, въ глазахъ отца искру, поэтому отвѣчалъ смѣло:

— У Ваньки Хрѣна.

— Таньку-то? спросилъ съ изумленіемъ отецъ.—Барышню-то? Селявенку-то? Да она подъ снопомъ переломитча!..

Петръ выпрямился во весь ростъ, тряхнулъ русыми кудрями, засучилъ, по локоть, могучую руку, протянулъ ее передъ матерью и сказалъ съ гордостью:

— Смотри, мати, на пятерыхъ хватитъ! Я за Таню поработаю!

Старикъ внутренно любовался на своего богатыря сыночка; но его тѣшило сознаніе своей власти надъ нимъ, и онъ, притворно вскипятившись, поднялъ кулакъ и сказалъ:

— Кажись я поработаю надъ тобой, вотъ евтимъ, своевольникъ ты евтакой!

— Бей, батюшко, учи уму разуму, аль тиранъ и дарма, тольки не губи буйной головушки: не жить мнѣ безъ Тани!

— Отступись ты отъ спички:—краше найдемъ,—вмѣшалась мать.

— Грушка у Васьки Губы, во какой слонъ дѣвка,—добавилъ отецъ.

— Лучше голову снимите, родимые!—отвѣтилъ грустно Петръ и поникъ головою.

— Голову снимите! Палачи штоль какіе тѣ отечь да мать?—ворчалъ старикъ.

— Коли не хотите казнить, дайте жить, благословите Таню брать,—проговорилъ Петръ, поднявъ голову.

— Далась тѣ евта поджарая Таня!—началъ было отецъ; но сынъ прервалъ его, сказавъ:

— Таперь-то ты, батюшко, такъ баишь, а какъ узнашь ее, то и души въ ней не зачаешь и людямъ не нахвалишша.

— Ну, Петрованъ, видно судьба повелѣла: не устоялъ я, старый дуракъ, супротивъ тя! Промышляй сватовъ,—сказалъ взволнованнымъ голосомъ старикъ.

— Батюшко родимый! едва могъ произнести отъ сильнаго волненія Петръ и обнялъ своими могучими руками отца; началъ цѣловать его въ глаза, въ губы, въ щеки.

— Задушилъ, медвѣдь! Сказалъ тебѣ, промышляй сватовъ, такъ и промышляй. Маршъ! шутилъ отецъ, освобождаясь отъ объятій сына.

Петръ выпустилъ отца изъ объятій и, обратившись къ матери, спросилъ робко: а ты, мати, не перечишь?

— Нѣтъ, Петруня, нѣтъ родимый! отвѣчала мать.

Петръ упалъ на колѣни и, склонившись къ полу, сказалъ:

— Такъ благословите-жъ, родимые!

Отецъ осѣнилъ сына крестнымъ знаменіемъ, мать сдѣлала тоже. Петръ просіялъ, поцѣловалъ руки отца и матери, поднялся на ноги, снялъ съ гвоздя шубу, взялъ шапку, перекрестился и, одѣваясь на ходу, вышелъ изъ избы.

— Съ Богомъ,—сказалъ въ слѣдъ ему отецъ.

— Въ добрый часъ, со Христомъ, добавила мать.

— Ублажилъ таки пронырa, проговорилъ отецъ, когда вышелъ Петръ.

— Не Петрованъ ублажилъ тя, Степанычь, а Господь тѣ на серьчо положилъ,—подхватила жена.

— А можетъ Господь, сказалъ старикъ и замолчалъ.

Петръ вышелъ на улицу, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ въ правую сторону, посмотрѣлъ на окна одной изъ стоящихъ на противуположной сторонѣ улицы, избъ, замѣтивъ еще блестѣвшій въ ней огонекъ, направилъ туда свои шаги. Еще пожалуй можно: огонь горитъ, значитъ не спятъ, подумалъ онъ, взошелъ на крыльцо, снялъ шапку, набожно перекрестился, сказалъ: Влагослови Христосъ! и постучалъ, легонько, въ сѣнныя двери.

Черезъ минуту пронзительно заскрипѣли избяныя двери, и женскій голосъ спросилъ:

— Кто тамъ?

— Хрешшеный человѣкъ, отвѣчалъ весело Петръ.

— А кто хрешшеный-то? допрашивалъ голосъ.

— Ай, не узнала, Пантелѣевна, сусида?

— Ахти мнѣ, како затменіе нашло: взаправду вѣть не узнала! пищала хитрая баба, при первомъ словѣ узнавшая Петра по голосу и смекнувшая, въ чемъ дѣло.

Задвижка отодвинулась, двери отворились, и Петръ вошелъ въ сѣни. Баба широко растворила избяную дверь и сказала:

— Добро жаловать, дорогой гостинекъ!

Петръ согнулся крючкомъ, пролѣзъ въ двери, прошелъ подъ низкими, всегда располагаемыми у входа палатями, выпрямился во весь ростъ, помолился на образа, отвѣсилъ поклонъ другой толстой старухѣ, сидѣвшей за прялкой и спросилъ.

— Живетё здорово, чесныя вдовичи?

— Вашими молитвами да Божьей милостью, помаленьку, отвѣчали вдовицы. Пантелѣевна съ лаской положила свою руку на плечо Петра и сказала скороговоркой:

— Сюда на лавоцьку къ столику присядь-ко, соколикъ ясный!

Петръ сѣлъ на указанное мѣсто. Пантелѣевна помѣстилась около него. Петру было какъ-то неловко начинать разговоръ, и онъ молчалъ. Хитрыя бабы, чтобы дать Петру собраться съ духомъ, тоже молчали... Черезъ минуту Пантелѣевна ударила легонько по плечу Петра и сказала:

— Ну, штё добрый молодечь, висти ли изъ заморя принесъ, по дѣлу ли своему либо Государеву пожаловалъ, али сирыхъ вдовичь провѣдать?

— По дѣлу, Пантелѣевна, отвѣчалъ, покраснѣвъ по уши, Петръ.

— Гмъ, а какое евто дѣло приспѣлось, обчественное, аль свое? спросила Пантелѣевна.

— Свое домашнее, отвѣчалъ Петръ.

— Свое домашнее? Не здумалъ ли, соколикъ, гнѣздушко вить? спросила съ хитрой улыбкой Пантелѣевна.

— Нѣ...тъ? какъ-то неловко и смущенно отвѣтилъ Петръ и добавилъ:

— Батюшка и мати прошали побывать...

— Видно противъ воли хотятъ женить, подумала Пантелѣевна и спросила: Одну зовутъ?

— Вмѣстяхъ съ Панкратьевной.

— А, ковды?

— Сичасъ, коли можно.
— Для ча не можно! Панкратьевна, пойдемъ?
— Для ча не пойти, коли добрые люди зовутъ: отъ нихъ мы хлѣбъ ѣдимъ, отвѣчала Панкратьевна.
— Мы мигомъ свернемся, соколикъ, только пріоболокёмся малехонько, сказала Пантелѣевна, обращаясь къ Петру.
Петръ всталъ и сказалъ: милости просимъ!
— Придемъ, безпремѣнно, придемъ, отвѣчали въ одинъ голосъ старухи.
— Затѣмъ прошшайте, сказалъ Петръ, повертывая шапку въ рукахъ.
— Куда же евто спѣшишь, красно солнышко, я хотѣла самоварчикъ доспѣть, тараторила развеселившаяся, въ виду поживы, Пантелѣевна.
— Теперича увольте, въ другорѣдь, коли нибудь! отвѣчалъ Петръ и повернулся къ дверямъ.
— Видать, штё ретивое не терпитъ, сказала Понкратьевна и захохотала.
— Полно, Панкратьевна проговорилъ Петръ и, опять согнувшись въ крючекъ, пошелъ изъ избы.—Прошшайте, добавилъ онъ, отворяя дверь.
— Прошшай, прошшай, соколикъ! Мы слѣдомъ прибѣжимъ, тараторила Пантелѣевна, провожая Петра и свѣтя ему лучиной. Заперлась за ушедшимъ сѣнная дверь, и возвратившаяся въ избу Пантелѣевна весело сказала:
— Ну, кума, оболокайся скоряя: Господь наживу посылаетъ!
— А, чѣмъ знать, можетъ быть и не наживу?
— Какъ не наживу? Зачѣмъ старымъ чертямъ прошать насъ, колибъ не задумали скрутить евтово лоботряса Петруху?
— Хоша и такъ, но отъ евтихъ скаредовъ непорато поживишься, сказала Панкратьевна.
— Коли будутъ скаредничать, то мы и въ сторону, сказала Пантелѣевна.
— Тогды Васька Косолапый да Ванька хромой,—за полштофа на рыло высватаютъ евтимъ гадинамъ, только бы брюхо водишшей налить, сказала Панкратьевна.
— Шалишь, кума, не ладно рыць повела. Видно дѣло трудновато, не умѣ Васьки косолапово да Ваньки хромово; а то скареды къ нимъ-бы спосылали.
— Пожалуй, штё и такъ! Видать, надыть оболокатьча!
— Оболокайся, кума, скорешенько, и я буду.
Обѣ стали одѣваться.
— Кума, какъ мѣкаешь? Куды насъ спосылать станутъ?—спросила Пантелѣевна.
— Думала я, кума, да ничаво не придумала: близко Петрухѣ нѣтъ пары.
— Я тоже мѣкаю, вѣдь Петруха, почитай, первой женихъ по обчеству: всѣмъ вышелъ и ростомъ и дородствомъ и приглядствомъ, да и мошна не пустая.
— Такъ, кума, такъ!
— Видать, вдали заприметили богатенькую.
— А, можетъ въ городѣ, аль въ другой волости,—сказала Панкратьевна.
— Парень-то пеньтюхъ какой: лишняво слова не вымолвитъ, штёбъ не сказать, какая краля полюбилась?—продолжала Пантелѣевна.
— Такая дубина и есь: молотомъ бей, ничево не выбьешь, — сказала Панкратьевна.
— Я готова кума!
— И я!
— Такъ побѣжимъ, благословясь?
— Побѣжимъ.
— Благослови Христосъ!—сказали обѣ, перекрестились и вышли.
Въ избѣ Якова Степановича Некрасова былъ уже выметенъ полъ, поставленъ самоваръ, убрана лучина и, вмѣсто нея, на столѣ горѣла сальная свѣчка, въ деревянномъ подсвѣчникѣ. Старуха со старикомъ пріодѣлись. Петръ надѣлъ чистую кумачевую рубаху, причесался и сѣлъ къ столу. Старуха не отходила отъ окна, съ той

стороны, откуда должны были показаться свахи. Заслышавъ шаги идущихъ людей, она проворно подошла къ двери, и стала крестить, нашептывая:

Съ Богомъ подходитё!
Со Христомъ входитё!
Младу княгиню приведитё
Доброму молодчу
Князю молодому!
Добромъ, счастьемъ надѣлитё,
Бѣдой, горемъ обдѣлитё!

Кончивъ нашептываніе, старуха подошла къ столу, сняла пальцами нагаръ, подула самоваръ и сѣла у печки.

— Баба, ты штё тамъ стряпала?—спросилъ старикъ.

— Ничево, Яковъ Степанычъ! Ничево, сердешный: у насъ своя бабья стрепня.

— Смотри, я чертовшины не потерплю; а отъ твоей стрепни такъ и подаетъ гѣшакомъ,—сказалъ старикъ.

— Штёй-то, евто, ты, Степанычь? Избавь меня мати Пресвятая Богородича отъ евтаково великово грѣха! Я все робли, благословесь, съ Божіимъ да со Христовымъ именёмъ.

— Врешь, старая клюка!—кипятился старикъ.

— Покарай меня мати Пресвятая Богородича! Порази Антипа зубной, коли я вру.

— А ну, говори, штё пухтала [1])? спросилъ маловѣрный старикъ.

Старуха бойко и смѣло прочитала въ слухъ уже извѣстный намъ наговоръ.

Старикъ прослушалъ съ большимъ вниманіемъ старуху и сказалъ:

— Ну, тутъ нечисти нѣтъ! Смотряй баба, штёбы и напредь не было!

— Не будетъ, Степанычь, не будетъ, родимый! Вѣрно слово, не будетъ!—бормотала старуха.

Дверь отворилась, и вошли свахи. Онѣ помолились образамъ, отвѣсили всѣмъ по низкому поклону и сказали на распѣвъ:

Слава сему дому благодатному
Хозеину ево тороватому!
Злато серебро,
Тебѣ князь молодой!
Златъ вѣнечь,
Съ княгиней молодой.
Доброй хозяюшкѣ,
Княгия матушкѣ
Красный зеленый виноградъ!

Старикъ отвѣчалъ за всѣхъ:

— Спасибо на добромъ словѣ, на желаніи, желанные гости.

— А, не супротивные?—спросили свахи.

Старуха поспѣшила отвѣчать:

Какъ хлѣбъ желанные,
Какъ пиво лакомые,
Какъ вино скусные!

— Благодарствуемъ на привѣтѣ, на рѣчи душевной!

— Гдѣ мы гости желанные, гости лакомые, пріятные, тамъ серьче наше, тамъ умъ нашъ работникъ, смѣтка слуга,—отвѣчали свахи.

— Евтакихъ гостей, отвѣчала старуха:

Мы шолкомъ, бархатомъ даримъ,
Зеленымъ виномъ поимъ!

---

[1]) Шептать, наговаривать что либо таинственное.

— Просимъ жаловать на первое мѣсто, во святъ уголъ. — Свахи переговорили глазами, раздѣлись, оправились; важно прошли и сѣли за столъ; — какъ-то особенно зауживались и старались принять глубокомысленный видъ.

Между тѣмъ, старуха стала ставить на столъ чайный приборъ и положила связку сушекъ. Петръ поднялъ, какъ перышко, ведерный самоваръ и поставилъ его на столъ. Скоро въ избѣ все смолкло, и слышалось только одно, громкое, втягиваніе горячаго чаю въ ротъ... Пили, пили свахи и заутирались, пили, пили старикъ со старухой и тоже заутирались;—вотъ и Петръ провелъ могучей рукой по раскраснѣвшемуся лицу и сказалъ:

— Шабашъ!

— И я сытъ,—проговорилъ старикъ.

— А я съ гостями ошшо выпью по чашечкѣ,—затрещала старуха.

— Пейте на доброе здоровье,—отвѣчалъ старикъ, отходя отъ стола.

— Штёй-то, евто ты Ивановна? Мы вочепно довольны!

— Полноте, сердешныя: чай не вино, отъ нево не охмѣлѣетё.

— Такъ-то такъ, да все-же довольно-бы,—жеманились свахи.

— Душа мѣру знаётъ! Кушайте ео здравье! — сказала старуха, подвигая свахамъ чашки. Свахи выпили. Старуха проворно налила другія. Свахи пожеманились и выпили.

Старику надоѣло смотрѣть на это чрезмѣрное чаепитіе, и онъ сказалъ:

— Ну, старуха, ты дѣло улаживай, а я маленько прилягу. А вы у меня, сороки шшебетуньи, смотри, штёбъ во всемъ порядокъ и приличка была, а то у меня не ровенъ часъ и на сухомъ съѣдитё... Разумѣй дѣло, а языку лишней воли не давай.

— Штей то, евто ты, Яковъ Степанычь! впервые намъ, штё-ли?—сказала обидчиво Пантелѣевна.

— Впервые, не впервые, а ты, сорока, разумѣй, штё мой сынъ не бобыль, а я не ледашшій!

— Какъ не разумѣть, батюшко, Яковъ Степанычь!

— Мотри! У меня по заправѣ и спасибо,—сказалъ старикъ.

— Штё ты, штё ты, Христосъ съ тобой, батюшко, Яковъ Степанычь,—отвѣчала Пантелѣевна.

— Ну, тото-же, пробормоталъ Яковъ и влѣзъ на печь. Петръ послѣдовалъ примѣру отца и полѣзъ на полати.

— Отдохните, отдохните, родимые: ковды время подойдетъ, мы скажемъ,—пробормотала Прасковья.

— Ладно, робьте свою дѣль, а коли доспѣетъ, скажите, — отозвался съ печи старикъ.

Вскорѣ на печи раздались носовыя трели старика, а на полатахъ густой храпъ Петра. Старухи какъ будто обрадовались этимъ звукамъ: онѣ то совѣтовались тихонько, то громко спорили, то разводили руками, жестикулировали и, далеко за полночь, кончили. Хозяйка накрыла бѣлой скатертью столъ, положила на него ковригу хлѣба, поставила на хлѣбъ солонку, а полштофъ съ водкой и рюмку на окно. Затеплила передъ образами свѣчу и стала будить.

— Отстань баба, лѣшакъ тѣ побери!—бранился со сна старикъ.

— Ахти, мнѣ не ладно!—воскрикнула Панкратьевна.

— Штё не ладно-то?—спросила Пантелѣевна.

— Какъ штё? При евтаномъ дѣлѣ, лѣшака помянуть!

— Пустое, кума: у меня отговорець имѣетьча,—отвѣчала Пантелѣевна.

— Такъ чатай-же, мати, пока не окрпило слово,—сказала хозяйка.

— Сичасъ, матушка, Прасковья Ивановна, сичасъ,—и Пантелѣевна зачитала:

«Слово, ты, поганое,	Ты прахомъ распадись!
Слово бранное,	Ты вѣтромъ разнесись!

Не вреди дому благодатному,
Ево хозеину тороватому,
Кнезю молодому,
Матушкѣ родной,
Кнежнѣ молодой!
Ты прахомъ распадись, распадись!
Ты витромъ разнесись, разнесись
По дебрямъ, по горамъ,
По крутымъ берегамъ,
По темнымъ борамъ,
По синимъ морямъ».
Аминь.

Аминь, повторили хозяйка, Панкратьевна и старикъ на печи. Черезъ минуту старикъ слѣзъ съ печки и почесывался... Мать разбудила Петра, и онъ слѣзъ съ палатей. Прасковья поставила на столъ двѣ рюмки, налила водкой и, обратившись къ свахамъ, сказала:

— Выкушайте во здравьё, свашеньки просужія!

Свахи взяли по рюмочкѣ и, поклонившись низко Якову, сказали:

— Съ начатіемъ дѣла, князя родной батюшко!

Яковъ поклонился и отвѣчалъ:

Благодарствуемъ на проздравленіи,
Свашеньки говорливыя,
Разумныя, схвадчивыя (находчивыя)
Голубки сизокрылыя,
Пташечки добровѣшшія!

Свахи поклонились Прасковьѣ и проговорили:

— Съ начатіемъ дѣла, князя родная матушка!

Прасковья отвѣчала тоже, что и мужъ.

Обратились свахи съ поклономъ къ Петру и сказали—съ начатіемъ дѣла:

Молодечь удалой
Кнезь молодой!
Тѣ благодать, да миръ,
Да свадебный пиръ;
Да со кнегиней молодой,
Да со чарской красотой!
Да любовь да совѣтъ,
Да на много лѣтъ.
Да злато, серебро,
Да всякое добро!
Аминь.

Петръ отвѣчалъ тоже, что и отецъ съ матерью. Аминь! произнесъ громко хозяинъ. Аминь! повторили присутствующіе и сѣли по лавкамъ. Посидѣвъ нѣсколько мгновеній, всѣ встали и помолились образамъ. Свахи сказали: благословите на выходъ.

— Съ Богомъ,—сказалъ старикъ.

— Со Христомъ, добавила мать. Свахи поклонились низко и вышли. Хозяйка стала свѣтить, крестила путь и приговаривала:

Съ Богомъ выходитё,
Добрыя висти приноситё
Отъ кнегини молодой
Съ чарскою красотой!

Въ сѣняхъ свахи наткнулись на обыкновенную деревянную ступу, въ которой толкутъ конопляное сѣмя, поставленную хозяйкой.

— Штё евто? На пути ступица стоитъ, видать, перечить хочетъ?

Пантелѣевна проворно откатила ступу и проговорила:

— Какъ ступу скоро свернула, такъ-бы у невѣсты отечь столь скоро съ мѣста свернулся, какъ ступа не упиралася, такъ-бы и онъ не упирался.

Когда свахи вышли, хозяйка заперла двери, и всѣ улеглись спать.

Свахи только что вышли за ворота, какъ начали точить свои языки на счетъ Некрасовыхъ. Онѣ разобрали ихъ по косточкамъ, и особенно возмущало ихъ то, что имъ поднесли только по одной рюмкѣ водки.

— Ишь скареди! Сунули по единой да и языкомъ закусить заставили, — кипятилась толстая Панкратьевна.

— Да и бутылку-то по горлышко налили, а по другой не соблаговолили, скареди, такъ скареди и есь,—продолжала Панкратьевна.

— А самъ-отъ, старый сычь, таперича, поди, такъ натянулся, штё свиньей рюхаеть, —сказала Пантелѣевна.

— Пожалуй не безъ тово, — злобно откликнулась Панкратьевна, и обѣ вошли въ свою избу.

Раздѣвшись, онѣ не легли спать, а до бѣла свѣта просудили. прорядили, стараясь предугадать, какіе подарки онѣ получать отъ той и другой стороны. Совсѣмъ разсвѣло. День былъ праздничный... Вотъ въ городѣ загудѣли колокола, призывая народъ къ обѣднѣ. Свахи наши были разодѣты въ пухъ и прахъ... На ихъ жирныхъ тѣлесахъ красовались пунцовыя штофныя юбки, на головахъ блестѣли шитыя золотомъ моркатки [1]). Моркатку покрывали пестрые платки, спускавшіеся ниже колѣнъ; дешевой парчи коротенькія душегрѣйки охватывали талью; на шеѣ виднѣлись крупныя бусы; башмаки были съ мѣдными подковками, и онѣ важно расхаживали по избѣ, постукивая каблуками. У крыльца стояла запряженная въ пошевни бурая лошадка. Свахи вышли и усѣлись въ пошевни. Пантелѣевна взяла въ руки возжи, хлопнула ими по лошади, и двѣ кумы пустились въ путь. Въ городѣ у Покровской церкви остановили лошадь. Свахи вышли, отстояли обѣдню, и пустились опять въ путь; но не долгій, а въ ту деревню, гдѣ жилъ Ванька Хрѣнъ.

Иванъ Петровичъ Палоподовъ былъ не то, чтобы очень богатый, а зажиточный крестьянинъ. Онъ, придя отъ обѣдни, сидѣлъ за чаемъ съ семьей. Семья его состояла изъ жены Татьяны Андреевны, взрослой дочери Тани, подростка Анны и двухъ погодковъ сыновей.

Свахи подъѣхали къ избѣ Ваньки съ той стороны, откуда ихъ нельзя было замѣтить. Онѣ тихонько вошли на крыльцо и въ сѣни и вдругъ широко растворили избяную дверь. Вошли, оставивъ дверь не запертую. Быстро подошли къ печкѣ, открыли заслонку, сдвинули тихонько съ мѣста столъ съ самоваромъ, и все это продѣлывали для того, чтобъ хозяинъ меньше сопротивлялся и скорѣе на все согласился.

Затѣмъ свахи помолились иконамъ, поклонились на всѣ четыре стороны, а хозяину отвѣсили поклонъ на особицу и сказали:

— Благодать, всяко добро и здравье Ивану Петровичу, съ праздникомъ!

— Благодарствуемъ, Пантелѣевна, благодарствуемъ, Панкратьевна, отвѣчалъ хозяинъ.

Свахи поклонились хозяйкѣ и дѣтямъ, проговоривъ:

— Съ праздникомъ, хозяюшка съ кровныими дѣтушками!

— Благодарствуемъ, отозвались всѣ.

— Просимъ покорно къ столику въ нашу купцанью... Жона, потшуй! Сторонись мальё! сказалъ хозяинъ.

Дѣти дали мѣсто. Свахи помѣстились за столомъ; хозяйка подала имъ по чашкѣ чаю. Прихлебывая чай, Пантелѣевна заговорила:

— Гдѣ былъ у обидни, Иванъ Петровичъ?

— Въ селѣ, отвѣчалъ хозяинъ.

— А отечь Андрей нонѣча въ своемъ видѣ?

— Ничево себѣ, отвѣчалъ хозяинъ.

— На лошадкѣ ѣздилъ? спросила Панкратьевна.

— Отъ чево и не ѣздить, коли у меня ихъ три, сказалъ Иванъ.

— Такъ-съ, протянула Панкратьевна.

— Вы во штё, сороки бѣлобокія, неча окалачивать языкомъ: мѣкаемъ мы, какія

[1]) Головной уборъ въ родѣ кокошника.

птахами [1]) залетѣли въ наши хоромы;—байте-ко лутше, отъ ково сватовствомъ подъѣжжаете?

— Вотъ ужъ ты, Иванъ Петровичъ, и уразумѣлъ! Анъ не свахать, затараторила Пантелѣевна.

— А зачѣмъ, евто, избу-то выступили, дверь не затворили? Зачѣмъ печь оступили, заслонку открыли? Чѣмъ столъ помѣшалъ, съ мѣста сдвинули? спрашивалъ хозяинъ.

— Ужъ ты, Иванъ Петровичъ, больно вразумливъ: сичасъ догадался, а мы совсѣмъ не ради сватовства зашли!

— Пошто̀ врать-то? сказалъ хозяинъ.

— А, можетъ и въ гости, Петровичъ, вставила хозяйка.

— И не въ гости, отозвалась Панкратьевна.

— Такъ зачѣмъ же васъ принесло!

— А затѣмъ, што̀ у васъ есь товаръ, а у насъ купечь, поспѣшила сказать Пантелѣевна

При этихъ словахъ хозяйская дочь Таня, опромѣтью выскочила изъ за стола, отворила западню и юркнула въ голбецъ...

— Почуяла поджарая, сказалъ отецъ и захохоталъ.

— Ну, ужъ и поджарая! возразила мать,—а што̀ толку, коли дѣвка оденъ, да съ худой личиной?

— У насъ Таня краля, какъ есь краля, такой красоты и въ городу не найдешь, и работаетъ-то, што̀ твой парень ломитъ.

— Ишь затрещала! Што̀ дочи-то сахаръ, ай отъ слова розвалитча? ворчалъ отецъ.

— Хоша и не розвалитча; а отъ таково непригодново слова все же стыдъ дѣвкѣ, сказала мать.

Тутъ вмѣшалась Пантелѣевна и сказала:

— Колибъ у тебя, Иванъ Петровичъ, былъ плохой товаръ, то не нашлось-бы на нево купча, а то нашелся купечь, да еще во какой!

— Такой, сякой, сухой, немазаный, вареный, непеченый, острилъ хозяинъ.

— Не такой и не сякой, а богатый, пребогатый, тороватый, претороватый, злата, серебра, шелку, бархату, уйма [2])! Палаты бояросьскія, удобья княжеськія, лошадушки рѣзвыя, коровушки кормленыя, овечьки романосьскія, свинки холеныя, батюшко, Иванъ Петровичъ, трещала Пантелѣевна.

— Вижу, Пантелѣевна, ты врать-то не дура: откуда у насъ взялся такой? Изъ Моськвы-ли пожаловалъ, аль изъ Кіева подкатилъ? спросилъ хозяинъ.

— Штѣй-то, евто, ты, Иванъ Петровичъ? Во всю жись я во врунькяхъ не бывала, обижалась сваха.

— Бай, лутше правды не знавала, сострилъ старикъ и покатился со смѣху.

— Я то правды не знавала? вспылила обидчивая Пантелѣевна и вскочила на ноги.

— Што̀, Пантелѣевна, аль прямо въ глазъ трафилъ? продолжалъ шутить Иванъ.

— Не трафить тѣ въ глазъ, Петровичъ: ты ѣзжалъ да не видѣлъ, смотрилъ да не заприметилъ, слушалъ да недослушалъ, какъ мой купечь передъ тобой стаивалъ, умныя рѣчи баивалъ, въ хороводахъ красовался, дѣвоньками величался! Ты самъ имъ любовался, умнымъ рѣчамъ диковался. Во онъ, во мой купечь каковъ! сказала Пантелѣевна и подперла бока руками.

Иванъ догадался, о комъ идетъ рѣчь, но ради приличія и обычая еще немного покуражился.

— Ктожъ-бы, евто, былъ такой? Право не въ домёкъ! бормоталъ онъ, почесываясь.

---

[1]) По мѣстному выраженію: «ташки», «ташицы».
[2]) Очень много.

— Ужъ не въ домекъ-ли, батюшко Иванъ Петровичъ? Поди, самъ давно домекнулъ, штё окроми Петрухи кулика, въ волости нѣкому быть такимъ красавчёмъ—удалымъ, сказала Панкратьевна.

— Такъ вотъ съ коей стороны прилетѣли пташки? протянулъ Иванъ и сдѣлалъ видъ, что задумался .. Наступила пауза.

— Милости намъ штёль сожидать, аль оглобли поворачивать? — спросила Пантелѣевна.

— Для меня всё едино, штё сами знаете, спрошайте мати!—отвѣчалъ Иванъ.

— По моему, Иванъ Петровичъ, сказалъ: наши гости, просимъ жаловать, да и въ сторону, Петруня какъ есь женихъ подходящій.

— Инъ быть по твоему! сказалъ отецъ.

Въ эту минуту легкій крикъ раздался въ голбцѣ. Старикъ топнулъ въ полъ ногою и крикнулъ:

— Цыцъ, гадина подпольная! Твоимъ ричамъ тутъ нетути мѣста! Докелеча я живъ, нѣтъ тутотка ничьёй воли, окромя моей! кипятился онъ.

Въ простотѣ душевной онъ и не подозрѣвалъ, что дочь его вскрикнула не отъ горя, а отъ прилива радости. Взобравшись на лѣстницу, ведущую изъ голбца, она слышала все, что говорилось въ избѣ и не выдержала, услыхавъ сообразное съ ея желаніями рѣшеніе отца. Приди этому отцу, такому-же самодуру въ семейныхъ дѣлахъ, какъ и большинство мѣстныхъ крестьянъ,—на мысль, что дочь его радуется, а не печалится, онъ грубо выгналъ бы вонъ свахъ и задалъ бы потасовку матери за то, что не усмотрѣла за дочерью, а послѣдней за то, что смѣла полюбить безъ его вѣдома. Кромѣ того, онъ, до конца жизни, мучилъ-бы обѣихъ упреками.

Печальный исконный обычай, перешедшій сюда, по всей вѣроятности, отъ крѣпостниковъ,—женить молодежь не спрашивая, любы онѣ другъ другу или нѣтъ— былъ причиною, у мѣстныхъ крестьянъ, притомъ въ громадномъ большинствѣ,—возникновенія своеобразнаго вида отношеній супруговъ между собою. Въ основѣ этихъ отношеній лежатъ не чувство и симпатія, а необходимость и привычка. Такъ мужъ сознавая, что ему необходима жена, какъ предметъ удовлетворенія чувственности и самка, какъ хозяйка и работница,—беретъ, не разбирая, какую укажутъ ему родители. Хотя сплошь да и рядомъ такія жены не по вкусу мужьямъ; но они смотрятъ на этихъ женъ, какъ на неизбѣжную судьбу и крайнюю необходимость и мало по малу привыкаютъ къ нимъ, такъ что не только изрѣдка жалѣютъ, но и ласкаютъ ихъ. Дѣвушка, сознавая, что конечная цѣль въ жизни ея замужество,—выходитъ не только за нелюбимаго, но никогда невиданнаго ею человѣка,—вразумленная отцовскихъ кулакомъ, что для нея выбора не можетъ быть.

Нерѣдко, съ первыхъ дней замужества, бѣдняжка приходитъ къ убѣжденію, что мужнинъ кулакъ не милостивѣе отцовскаго, и она рабски подчиняется волѣ мужа и начинаетъ видѣть въ немъ свою неизбѣжную судьбу, поддержку семьи, особь, доставляющую ей беззапретное физическое наслажденіе и, мало по малу, до того привыкаетъ къ мужу, что не только начинаетъ терпѣть его, но ухаживаетъ за нимъ, холитъ и ласкаетъ.

Несмотря на всю безъотрадность мѣстныхъ условій брака, попадаются семьи, которыя живутъ припѣваючи и при этихъ условіяхъ, и такія, гдѣ мужъ и жена живутъ душа въ душу. Къ сожалѣнію, много проглядываетъ и возмутительныхъ, раздирающихъ душу примѣровъ, и я въ послѣдствіи поговорю объ нихъ, а теперь буду продолжать свой разсказъ.

— Мальё, вонъ по сусидямъ! крикнулъ суровый хозяинъ.

Мелюзга высыпала вонъ изъ избы. Старикъ подошелъ къ столу, ударилъ объ него кулакомъ и строго сказалъ:

Я не купечь, продажная душа, не подкупной чиновникъ, не кулакъ бездушный, а простой русскій человѣкъ!.. Штё скажу я, и быть тому, мое слово крѣпко, безповоротно, мнѣ не перечить, со мной не торговатьча. Уразумѣли?

— Уразумѣли, батюшко, Иванъ Петровичъ.

— Ну, топерича слушай!

— Послушаемъ, послушаемъ, батюшко, Иванъ Петровичъ, вашихъ ричей княжеськихъ, отвѣчали свахи, низко кланяясь

— Перво, смотричамъ быть въ будушшее Воскресенье, слышали?

— Слышали, батюшко, Иванъ Петровичъ.

— Смотри, слушай обоима, а то мимо носа пролетитъ. Второ: шедесятъ рублёвъ деньгима, лошадь, корова, петь овечь, пара поросятъ, пошевни, сбруня коньская, агличкая рубаха, плисовы штаны, сапоги съ отворотами, зипунъ синяго тонкаго сукна; тряпье для невѣсты мати снарядитъ, изъ хозяйственнаго кое штё дамъ, а дальше, штё потребуетьча, увидимъ.—Вотъ и вся недолга, уразумѣли?

— Уразумѣли, батюшко, Иванъ Петровичъ;—и свахи поклонились ниже обыкновеннаго, изъ уваженія къ щедрому приданому.

— Вамъ не по новости, сами видитё, штё я даю свою дѣтишше, не какъ ледашшій хрестьяпишко, слѣдственно больше языкъ точить не дляча. Уразумѣли?

— Уразумѣли, сердешный,—отвѣчали свахи.

— А продары вамъ промышлитъ жона.

— Не сумлѣвайтесь, не обижду, не возьму таково грѣха на душу, — поспѣшила сказать Татьяна Андреевна.

Лица свахъ просіяли, и онѣ, отвѣсивъ хозяйкѣ поклоны на особицу, сказали:

— Благодарствуемъ, кнегини матушка родная, хозеюшка тороватая.

— Теперича, гости желанные, просимъ не гнушатьча нашей трапезой убогой,— сказалъ Иванъ.

— Не убогой—княжеськой
Со яствыма,
Со сахарныма,
Съ пивомъ хмѣльнымъ,
Съ виномъ зеленымъ.—

Отозвались свахи.

— Въ присловьи-то такъ, а у насъ иначе, штё Богъ послалъ,—сказалъ старикъ, и добавилъ, обратившись къ женѣ:

— Собери-ка, мати, на столъ.

Хозяйка покрыла столъ бѣлой скатертью, положила ложки по числу обѣдающихъ, у каждой ложки по половинѣ нарѣзаннаго ломтиками ярушника, по крупяной, картофельной и сырной шаногѣ, поставила на столъ яшный пирогъ съ сайдой (рыба), собрала семью, и всѣ усѣлись за столъ.

Невѣста не даромъ была прозвана барышней: это была высокая, стройная блондинка, съ природной граціей, съ мягкими манерами,—съ лицомъ не поддѣльной бѣлизны и съ умными голубыми глазами. Живой румянецъ игралъ на ея полненькихъ щекахъ; ноги и руки были маленькія...

— Ишь какую кралю подцѣпилъ лоботресъ-отъ,—думала Пантелѣевна, посматривая съ искоса на пригожую Таню, вылазившую изъ голбца.

— Ну-ка, старуха, пошевеливайся, подай-ка намъ по рюмочкѣ!—сказалъ весело старикъ.

Старуха достала изъ шкафчика бутылку съ водкой, рюмку и подала на столъ.

Старикъ налилъ рюмку и, подавая Пантелѣевнѣ, сказалъ:

— Кушай-ко во здравье, Пантелѣевна!

Пантелѣевна взяла рюмку, встала на ноги и сказала:

— Съ начатіемъ дѣла молодой кнегини Татьяны Ивановны, родной батюшко,— внуцятыма тебѣ красоватьча. Съ начатіемъ дѣла молодой кнегинѣ родна матушка,— съ внучатыма тебѣ тѣшиться.

Да всему дѣлу конечь,
Да кнегинѣ молодой,
Да златъ вѣнечь,
Да со ладушкой милой

Да многи лѣта,
Да совѣтъ на вѣки,
Да сребра злата
Да полны сумки!
Аминь.

Пантелѣевна залпомъ выпила рюмку и передала ее хозяину, который, ее наполнивъ, снова передалъ Панкратьевнѣ. Панкратьевна тоже поздравила всѣхъ съ началіемъ дѣла, но присловья не сказала, по неумѣлости. Потомъ хозяинъ налилъ себѣ, поблагодарилъ свахъ за поздравленія и пожеланія, поднесъ женѣ, тоже поблагодарившей свахъ и налилъ рюмку дочери. Таня отнѣкивалась, отецъ настаивалъ, и дочь должна была выпить рюмку.

— Дура дѣвка, ешшо отнѣкиваетьча, да ужимаетьчя,—ешшо кабы женихъ то былъ ледашшій, а то молодечь молодчемъ, богатырь красавечь, а коли лешша дастъ, такъ тольки ногами задрыгаешь,—шутилъ отецъ, принимаясь за пирогъ.

Послѣ пирога поданы были щи съ говядиной, жареная свѣжая рыба и наконецъ «розгониха» [1]), въ чашкѣ прѣсное молоко, что всегда у мѣстныхъ крестьянъ показываетъ конецъ обѣда, почему и называется розгонихой, такъ какъ, покончивши съ молокомъ, всѣ вылѣзаютъ изъ за стола.

Обѣдъ кончился. Свахи поблагодарили за угощеніе, распростились съ хозяевами и отправились домой.

Плотно покушавъ, наши свахи, какъ только выѣхали за деревню, такъ и задремали.

Добравшись домой, свахи поспѣшили сообщить радостныя вѣсти Якову Степанычу и другимъ. Старикъ не ожидалъ за дочерью Ваньки Хрѣна такого богатаго приданаго, а потому развеселился и обѣщалъ свахамъ богатые дары, если только онъ довѣдается, что онѣ не наврали. Мать тоже была довольна вѣстями, а о Петрѣ и говорить нечего.

Свахи ушли. Семья легла спать; но старшіе мечтали долго о будущихъ благахъ и заснули только предъ разсвѣтомъ. Старикъ,—рѣшившись послать дядю довѣдать— правду-ли говорили свахи,—тоже заснулъ.

На другой день дядя Кузьмичь былъ отправленъ развѣдчикомъ и чуть не напортилъ дѣло. По дорогѣ къ Хрѣну, Кузьмичь зашелъ въ кабачекъ, выпилъ шкаликъ, да у Хрѣна нѣсколько рюмокъ и давай хвалить жениха, давай упрекать Ивана Петровича, что для такого жениха, какъ Петръ, приданое Тани да и сама Татьяна не стоятъ ничего.

Разсвирѣпѣлъ суровый Хрѣнъ и, въ свою очередь, давай толкать Кузьмича вонъ изъ избы. Вмѣшательство жены и дочери едва утишило гнѣвъ старика и Кузьмичь удалился, получивъ отъ Хрѣна обѣщаніе дать все, что было сказано. Получивъ это извѣстіе, Яковъ Степановичъ порѣшилъ ѣхать на смотрини въ Воскресенье.

Ванька Хрѣнъ, тоже ради обычая, посылалъ довѣреннаго человѣка поразвѣдать о достаткахъ, характерѣ и житьѣ жениха и получа удовлетворительные свѣдѣнія, порѣшилъ принять въ Воскресенье жениха.

ОЧЕРКЪ II.

Смотричи.

Семьи Некрасова и Паломодова издавна гостились между собою, и хорошо знали другъ друга; но ради прежняго обычая для богатыхъ и современной моды для всѣхъ, они затѣяли смотричи, обрядъ умѣстный только для незнакомыхъ другъ другу семей.

[1]) Коровье прѣсное молоко, оно называется потому, что этимъ блюдомъ заканчивается столъ.

Петру же и Танѣ, недѣля, предшествовавшая смотричамъ, показалась чуть не за цѣлый годъ. Оба они ныли и старались коротать время мечтой и работой.

Наконецъ настало желаемое Воскресенье: Петръ всталъ очень рано и сталъ одѣваться. Онъ надѣлъ англійскаго кумачу рубаху, касторовый жилетъ, драповыя шаровары, тонкаго сукна поддевку, крытую тонкимъ, синимъ сукномъ, овчинную шубу и котиковую шапку.

Только что Петръ кончилъ свой туалетъ, какъ въ городѣ прозвучалъ три раза соборный колоколъ... Подхватили другія церкви и широкими волнами понесся, по сумрачному простору выси, утренній благовѣстъ...

Отецъ Петра съ его крестнымъ, онъ же и сватъ,—усѣлись въ однѣ сани; мать съ сыномъ въ другія и поѣхали въ церковь. Отстоявъ обѣдню, наши поѣзжане направились въ деревню, гдѣ жилъ Хрѣнъ.

Разумѣется тамъ гостей ждали; но, несмотря на это, крестный, войдя въ избу съ поѣзжанами и, поклонившись вмѣстѣ съ ними хозяевамъ, нашелъ нужнымъ спросить: ждали гостей, али нѣтъ? и получилъ въ отвѣтъ:

— Не ждали.

— А любы-ли нежданные гости?—спросилъ крестный

— Любы, милости просимъ, милости просимъ!—сказалъ Иванъ Петровичъ.

— Ну, коли мы любы тѣ, такъ твори и самъ, штёбъ былъ любъ намъ,—сказалъ крестный.

— А штё творить я долженъ?—спросилъ Иванъ Петровичъ.

— Прикажи вывести изъ кути кнегиню молодую. Молодаго князя Петра Яковлевича родной батюшко да родна матушка да кнезь молодой просятъ объ евтомъ. Самъ Петръ Яковлевичъ и они хотятъ на неё подивоватьча, въ ясны очи насмотритча,—проговорилъ крестный.

— За евтимъ не постоимъ, евто недорогово стоитъ. Эй, Пахомовна! Выводи сюда Танюху!—сказалъ Иванъ Петровичъ.

Кутная занавѣса приподнялась, и Пахомовна вывела за руку Таню, свою крестницу, одѣтую въ полушолковый, яркихъ цвѣтовъ, сарафанъ, въ коленкоровую рубашку, со множествомъ бусъ, съ широкимъ, шерстянымъ со стеклярусомъ поясомъ по тальѣ, съ платкомъ въ рукѣ и съ алой лентой въ косѣ.

— Кому, эвто, кнегиня молодая занадобилась? Кому она приглянулась?—спросила крестная.

— Кнезю молодому Петру Яковлевичу она занадобилась, ему она приглянулася,—отвѣчалъ сватъ.

— Охъ ты, сватушко говорливый, разумникъ ты злой, зачѣмъ сомушшаешь своими словами красну дѣвичу? Не слушай ты непригодныхъ этихъ словъ, кнегиня молодая: разлучатъ они тя съ отчомъ, съ матерью...

Таня повернулась и пошла было въ куть; но Петръ быстро подошелъ, взялъ Таню за руку, поставилъ около себя и сказалъ:

— Родимый кнегине батюшко, родимая кнегине матушка, вы меня не браните, а лутше со кнегиней молодой благословите!

— Своевольникъ, какъ есь своевольникъ, какъ злюшшій коршунъ впивается въ голубку, такъ и онъ впился въ Танюху и ничего съ нимъ не подѣлаёшь, видать быть ужь благословить!—сказалъ Иванъ Петровичъ и, подойдя къ жениху и невѣстѣ, перекрестилъ, по три раза, обоихъ.

Родная и крестная матери сдѣлали тоже.

Послѣ этого, Петръ усѣлся съ Таней за столъ; къ нему подсѣлъ его отецъ, и они начали шептаться на ушко. Черезъ минуту Некрасовъ сказалъ:

— Ну, сватушко Иванъ Петровичъ, о чомъ раньше говорено было, топерь пожалуй-ко половину денегъ!

Иванъ Петровичъ пошелъ въ куть, вынесъ оттуда на тарелкѣ кошелекъ съ деньгами и подалъ жениху. Петръ взялъ кошелекъ, пересчиталъ деньги, положилъ его

въ карманъ, поблагодарилъ Богомъ даннаго батюшку и попросилъ у него тарелки. На тарелку, вынувъ изъ-за-пазухи, положилъ Петръ кусокъ ситцу на сарафанъ, фунтъ пряниковъ, полъ-фунта закусочекъ (конфектъ), кусокъ мыла и подалъ Танѣ, сказавъ:

— Не побрезгай принять, Татьяна Ивановна!

Таня приняла подарки и поблагодарила Петра. Жениха отдарилъ братъ Тани полотенцемъ и кускомъ-же леточной матеріи.

— Топерь, чесная кумпанія и закусить можнò! Эй, хозяйка, поворачивайся!— сказалъ громко Иванъ Петровичъ.

Столъ былъ накрытъ и, согласно обычаю, поданъ обѣдъ изъ трехъ простыхъ блюдъ (щей съ говядиной, жареной рыбы и молока). Хозяинъ подчивалъ всѣхъ водкой. Не пила одна Таня, она немогла выносить водки. За обѣдомъ только женихъ съ невѣстой изрѣдка перешептывались, а остальные ѣли и пили, перекидываясь койкогда словами, такъ какъ предполагалось, что семьи еще не ознакомились вполнѣ. Послѣ обѣда гости распростились съ хозяевами и отправились домой, чтобъ приготовляться черезъ три дня къ сватанью.

ОЧЕРКЪ III.

Баня передъ сватаньемъ.

I. У жениха.

Наступилъ канунъ сватанья. У Некрасовыхъ показался сперва легкой струйкой, а потомъ повалилъ столбомъ дымъ изъ банной трубы,—это топили баню для жениха. Къ вечеру истопилась баня. Петръ взялъ бѣлье, мыло и отправился мыться одинъ. Пока онъ мылся, отецъ сидѣлъ въ избѣ и толковалъ съ сватомъ.

— Ты знашь, дѣдя Антонъ, штё Петрованъ-отъ у меня одиночка, какъ спича во глазу?

— Какъ не знать, батюшко, Яковъ Степанычь.

— Коли знашъ евто, то знай и то, штё у меня ужъ нōровъ такой: женить, такъ женить, пировать такъ пировать. Такъ запирую, штё не тольки тебѣ старому филину, но кажинному въ носъ броситьча! Такъ запирую, штё всё сдивуютьча,— старый кощей Митюха съ зависти ноги протянёгъ да горочькая чиновничья кошка, съ мисячь облизыватьча станетъ... Во какъ запирую!

— Рази ты, Яковъ Степанычъ, думаешь и начальниковъ звать?

— Думалъ бы я, Кондратьичь, звать евту выскочку уредника, да больно носъ деретъ передъ нашимъ братомъ. Есь у меня въ знакомствѣ и важные господа, хошь въ примѣръ евтотъ баринъ, штё кажинный годъ въ Христоськую утреню по черкви лешимъ реветъ, знашь?

— Какъ не знать Яковъ Степанычь.

— Баринъ душевный, пріятель, да руки-то у нево не справедливы: какъ нальетъ зенки те, они у него и зазудятча листь ко всякому рылу... Есь у меня и другіе знакомые изъ чиновниковъ, да народъ отъ евтотъ больно тоже мерзлявъ во хмѣлю: натянетьча да и полизётъ то къ бабамъ, то къ дѣвкамъ съ чоловками. Къ лѣшаку евтихъ чиновниковъ, безъ нихъ прошше,—сказалъ хозяинъ.

— Знамо дѣло прошше, Яковъ Степанычь.

— А вошшё, дѣдя Кондратьичь, за 10-ть за 20-ть верстъ гони, а добывай дружка, да таково дружка, штобъ умомъ разводилъ, какъ баръ уценый, а ричью правилъ, какъ горохомъ сыпалъ. Трешника не пожалѣю, а загоняетъ супротивника, за пятишиной не постою...

— Ладно, ладно, Яковъ Степанычь, я сичасъ-же отправлятьча буду.

— Отправляйся, отправляйся съ Богомъ, со Христомъ, тольки на дорожку рюмочку пропусти!

— Благодарствуй, Яковъ Степанычь! сказалъ Кондратьичь.

Старикъ вынулъ изъ шкафика завѣтную бутылочку, налилъ и подалъ свату рюмочку. Тотъ выпилъ и кряхнулъ.

— Ну, дѣдя Антонъ, была не была, знай, покряхтывай! Валяй другую! сказалъ расходившійся Яковъ.

Антонъ выпилъ другую, поблагодарилъ, опять кряхнулъ и на этотъ разъ погладилъ, отъ удовольствія, бороду—такъ ему было сладко.

— Затѣмъ до увиданія, Яковъ Степанычь!

— До увиданія, до увиданія! Могри, штёбъ рано утре былъ дружка, а то голову съ плечь снимешъ.

— Не сумлѣвайся, Яковъ Степанычь; все доправлю въ исправности! сказалъ Антонъ и вышелъ изъ избы.

Хозяйка между тѣмъ собрала самоварчикъ и стала дожидать Петруню. Въ здѣшней мѣстности женихъ моется безъ пѣсенъ, безъ приговоровъ, безъ обрядовъ и безъ всего тому подобнаго, какъ обыкновенный смертный. У невѣсты, не только мытье въ банѣ, но и топка ея сопровождаются массой обрядностей, пѣсенъ и, какъ увидимъ впослѣдствіи, даже нѣкоторыми гадкими предразсудками; но таковъ обычай, и крестьяне крѣпко держатся его. Кромѣ хозяевъ, въ избѣ суетились двѣ стряпухи, изъ родственницъ,—занимаясь приготовленіями къ завтрешнему дню. Петръ пришелъ изъ бани и сѣлъ за столъ. Хозяйка стала поить его и мужа чаемъ. Послѣ чая она собрала ужинъ. Поужинавъ, Яковъ и Петръ сейчасъ легли спать, такъ какъ имъ приходилось утромъ рано вставать, цѣлый день много хлопотать, и всю слѣдующую ночь не спать. По той-же причинѣ, оставивъ распоряжаться одну изъ своихъ родственницъ, которая могла отдохнуть во время сватанья, хозяйка сама улеглась спать. Хозяева спали, а приготовленія шли своимъ чередомъ до самаго утра, чуть, чуть не до первыхъ гостей.

II. У невѣсты.

Въ день сватанья, раннимъ утромъ, приглашенныя отцомъ и матерью Тани, ея подруги, стали собираться къ ней. Первою пришла излюбленница Тани, ближайшая ея подруга Катя Верховцева и стала наблюдать за сборомъ дѣвицъ. Когда собрались всѣ дѣвицы, Катя помѣстила ихъ въ куть, гдѣ онѣ, стоя на ногахъ пропѣли нѣсколько пѣсенъ, а Таня громко плакала, покачиваясь, по обычаю, изъ стороны въ сторону. Затѣмъ начали просить разрѣшенія у отца и матери Тани затопить баню, выражая свою просьбу пѣсней:

Благослови, родимый батюшко,
Истопить парну банюшку,
Во послѣдней мнѣ помытьча, попаритча,
Во русой косѣ, во дѣвичьей красотѣ.
Вы, подружки, подруженьки,
Да мои сизы голубушки!
Да, истопитё мнѣ парну банюшку,
Мнѣ помытьча, попаритча
Вы подружки, подруженьки,
Вы сводитё меня въ парну банюшку,
Да, вы помойтё меня, попартё.

Баня истопилась. Ловкая Катя проводила всѣхъ изъ ней и пошла за Таней. Улучивъ минуту, Таня ушла тайкомъ съ Катей въ баню, гдѣ Таня проворно раздѣ-

лась и влѣзла на полокъ, а Катя стала поддавать пару. Таня отъ сильнаго жару едва могла дышать на полкѣ. Съ нея покатился потъ ручьемъ, и она стала обтирать его чистой тряпочкой... Тряпочка скоро намокла. Таня выжала изъ нея влагу въ принесенный съ собой небольшой пузырекъ и опять стала обтирать свой потъ. Опять тряпочка выжата въ пузырекъ, и это продолжалось до тѣхъ поръ, пока треть пузырька не наполнилась пòтомъ Тани. Покончивъ съ пòтомъ, Таня пришла въ избу и употребляла всѣ усилія, чтобъ не догадались, что она была въ банѣ. Пузырекъ съ пòтомъ Таня подала отцу, проговоривъ по обычаю: храни, не выливай! Иванъ взялъ пузырекъ съ потомъ, подошелъ къ шкафу и разлилъ потъ въ два стакана. Одинъ стаканъ взяла Таня, подала отцу и сказала: смотри не выливай, а жениху подавай! Отецъ взялъ стаканъ, накрылъ его блюдцемъ и поставилъ въ шкафъ, чтобъ, впослѣдствіи, подлить пòту въ вино, которымъ будутъ угощать жениха. Другой стаканъ съ потомъ Таня передала матери, со словами: не выливай, а жениху подавай! Мать тоже спрятала потъ дочери, чтобъ, впослѣдствіи, вмѣстѣ съ масломъ, подмѣшать его въ пироги, которыми будутъ угощать жениха. Какъ не отвратиленъ этотъ обрядъ, но, въ силу обычая, онъ удерживается до сихъ поръ и собственно для того, чтобъ, угощенный потомъ, женихъ лучше жилъ съ своей будущей женой [1]). Живой и энергичной Катѣ приходилось часто бывать на свадьбахъ, почему она до тонкости изучила всѣ порядки и распоряжалась бойко.

Покончивъ тайный обрядъ съ потомъ, она пришла и заявила невѣстѣ, что баня готова. Невѣста взяла чистое бѣлье, бѣлила и румяна. Катя, съ другой подругой, подхватили ее подъ руки и подвели къ отцу. Таня упала ему въ ноги и просила его благословить ее идти въ парную банюшку мыться. Въ этотъ моментъ дѣвицы запѣли:

Благослови, родимый батюшко,
Во парной банѣ вымытьча,
Во послѣдней во русой косѣ,
Во дѣвичьей крàсотѣ.

Отецъ отвѣчалъ: съ Богомъ, наше дитятко! съ Богомъ, милое! Послѣ отца Таню подвели къ матери, которая отвѣчала тоже, что и отецъ. Потомъ подводили ее къ братьямъ и сестрамъ, которыя отвѣчали ей словами: съ Богомъ, наша милая сестрича! Наконецъ эта церемонія кончилась, и Таню подъ руки повели подруги въ баню. Таня, для соблюденія обычая, заголосила, что было мочи и стала разскачиваться изъ стороны въ сторону. Вошли въ предъ-банникъ. Таня раздѣлась и юркнула въ баню, за ней послѣдовали близкія ея подружки, а остальныя, остановившись у входа, запѣли:

Ужъ вы вой пси, подруженьки,
Ужъ вы вой пси, сизы голубушки!
Вы возьмитё дубовыя ведра,
Да сходитё на Дунай на рику,
Почерпнитё ключевыя воды,
Да полейте крутую гору,
Да крутую гору Усольськую,
Штёбъ моему суженому,
Ни зойдти бы до насъ не доѣхать,
Да ко мнѣ не пріѣхать!
Да вы, подружки, подруженьки,
Засѣките три зàсѣки те [1])!
Да первýю-то зàсѣку,
Середь поля чистаго,
Да другую-то зàсѣку,
Середь дороги широкія,
Третью-то зàсѣку,
Середь поля дубоваго.

Мытье невѣсты заняло немало времени. Первая пѣсня кончилась и зазвучала другая:

---

[1]) «Штёбъ къ бабѣ доброй былъ», какъ говорятъ простолюдины.
[1]) «Засѣка»—нѣсколько сосенъ положенныхъ поперегъ дороги; онѣ устраиваются или парнями, которымъ извѣстно дурное, (похабное) поведеніе невѣсты, или по просьбѣ самой невѣсты ея подругами, чтобъ немилый женихъ догадался о мнимо-дурномъ ея поведеніи и отказался отъ сватовства.

Во сырѣ борѣ,
Ячмень молочу!
Выше сыра дуба,
Солома летитъ.
Съ тирема на тиремъ,
Красну дѣвичу ведутъ,
Татьяну Ивановну.—
Лѣсничи крутыя,
Чёботы кривыя;
Ножки ломятча,
Прѳсятъ коня̆.
Коня̆ батюшково.
Батюшковъ конь,
Не ступилъ, не пошелъ,
Головы не занесъ
И меня младую не повезъ.

Катя съ другой подружкой кончили мытье Тани и подали ей бѣлила и румяна; потомъ, пріотворивъ немного входную дверь, сказала: проходитё кому чередъ,—впаривать бѣлила да румена! Нѣсколько подружекъ, болѣе близкихъ Танѣ, вошли въ баню и раздѣлись...

Таня, несмотря на то, что безъ бѣлилъ и румянъ была гораздо лучше, по обычаю, набѣлилась свинцовыми бѣлилами и нарумянилась сандальной настойкой съ квасцами, до нельзя. Подружки ея сдѣлали тоже и до такой степени поддавали пару, что жаръ сталъ едва выносимъ. Дѣлалось это для того, чтобъ бѣлила и румяна лучше и скорѣе впарились въ лице. Остальныя подружки входили въ баню по очереди и, не раздѣваясь, бѣлились и румянились. Подружки одѣли Таню, одѣлись сами, собрали бѣлье, бѣлила и румяна и всѣ вышли. Въ благодарность за мытье; Таня сдѣлала три поклона подружкамъ и отвѣсила прощальный поклонъ банѣ. Ее опять повели подружки подъ руки; она закрыла лицо платкомъ и заплакала по прежнему, а подруги запѣли:

Послѣ моево быванньеча,
Послѣ моево умыванньеча,
Разступись, парна банюшка,
По единому бревешечку.
Разсыплись, каменка,
По единому камешку.
Спасибо вамъ, спасибо,
Ужъ вы подружки подруженьки,
Ужъ вы подружки, сизыя голубушки,
Истопили мнѣ-ка парну банюшку!
Во послидней меня вымыли,
Во послидней меня выпарили!
Охъ ти мнѣ да угорѣлося...
Со угару со великово,
Буйна головушка болитъ,
Ретиво серчо захватываетъ!
Ты, родимый сподарь батюшко,
Охъ ти мнѣ, да угорѣлося,
Да испить захотѣлося!
Я не прошу у тя, батюшко,
Ни злата, ни серебра;
Да прошу у тя, батюшко
Испить вина да зеленово.
Отлей мое ретивое серчо,
Да напой моихъ подруженекъ,
Да напой моихъ сизыхъ голубушекъ,
Да во послиднiё виномъ зѐленымъ.
Да ты, родимый сподарь баткшко,
Буде жаль тебѣ вина зеленово?
Дакъ принеси пива пьяново.
Да буде жаль пива пьяново?
Дакъ принеси квасу едрёнова.
Да буде жаль квасу едрёнова?
Дакъ принеси воды холоднiя.
Да буде жаль воды холоднiя?
Дакъ принеси воды болотнiя.
Да буде жаль воды болотнiя?
Дакъ принеси воды смолёвыя.

Подъ звуки этой пѣсни, Таню тихо подвели къ крыльцу, на которомъ стоялъ уже Иванъ съ полштофомъ водки и стаканомъ въ рукахъ, а мать съ ендовой пива. У крыльца Таня остановилась. Отецъ и мать спустились съ лѣстницы. Отецъ налилъ полный стаканъ водки и поднесъ Танѣ. Она прикушала и передала подругамъ. Тѣ выпили. Отецъ налилъ другой стаканъ, подалъ дочери. Она опять прикушала и передала подругамъ. Когда всѣ подруги были угощены водкой, мать стала угощать ихъ пивомъ. По окончаніи угощенія отецъ съ матерью стали подниматься по лѣстницѣ. Таня съ подружками пошли за ними, и подружки запѣли:

Спасибо тебѣ, родимый батюшко
Во послѣдній поилъ меня,
Красну дѣвичу, батюшко
Не пожалѣлъ ты,
Родимой батюшко,
Вина зеленово,
Да поилъ меня,
Родимой батюшко,
Виномъ зѐленымъ.
Да спасибо тѣ,
Родимая матушка,
Стретила меня, красну дѣвичу,
Во послидній пивомъ пьянымъ,
Поили моихъ подружеаекъ,
Поили моихъ сизыхъ голубушекъ;
Пропусти меня, родимой батюшко,
Во послидній, во высокъ тиремъ.
Да пропусти меня, родимая матушка,
Во послидній, во свѣтлую горничу,
Да пропусти, родимая сестрича,
Въ куть за занавѣсу.

Когда вошли въ избу, Таня хотѣла войти въ кутный уголъ, но младшая сестра не стала пускать ее, и подруги запѣли:

Родимая моя сестрича,
Евто у тя перво не было,
Евто у тя перво не водилося.
Штё евто солучилося?
Пропусти меня,
Въ куть за занавѣсу,
За злодійку з а б е р ч á т у ю (или брусчатую)
Меня-то молодешеньку
Со русой косой
Да съ дѣвичьей красотой.

По окончаніи пѣсни сестра сказала: иди, родимая сестрица, съ Богомъ. Таня ушла, упала на лавку и заплакала на этотъ разъ не по обычаю: бѣдняжкѣ взгрустнулость передъ послѣднимъ заплетаніемъ косы, по дѣвичьи. Подружки стали уговаривать ее не плакать, взяли подъ руки, усадили на лавкѣ, гдѣ по обычаю заплакала громао она. Катя взяла гребень и стала чесать голову Танѣ, прочія подружки запѣли:

Во послѣдній коса чешетьча,
Во послидній коса заплетаетьча,
Ты насмотрись, моя русá коса,
Да наглядися, дивья крáсота,
На высокъ дворъ батюшковъ,
Да на высокій тиремъ матушкинъ,
На сестричины окошечка,
Да на полѝ, да полѝ чистыя,
Да на лугá, да лугà зелéныя,
Да на травы̀, травы́ шелкóвыя.
Да опушшу я свою русу̀ косу,
Да дивью крáсоту.
Да нолетай, моя русà коса,
Да дивья крáсота,
Да по темнымъ по лѣсамъ,
Да по зыбучіимъ болотамъ,
Да буде сядётъ моя крáсота
На березу, на бѣлую—
Тутъ житье мнѣ будетъ бѣдное.
Да буде сядетъ моя крáсота,
Да на осину, на горькую—
Дакъ житье будетъ горе горькое.
Да буде сядетъ моя крáсота
На ель, на мохнатую—
Тутъ житье будетъ богáтое.

Катя въ это время заплела косу Танѣ, и та перестала плакать. Наступилъ небольшой роздыхъ...

Дѣвушкамъ дали поѣсть, а мать Тани угостила ихъ пивомъ. Въ куть, между тѣмъ, принесли сундуки съ имѣніемъ. Дѣвушки, выйдя изъ-за-стола, отправились снова въ куть для укладыванія приданаго. Запѣли пѣсню: «Запросватала меня матушка» и начали укатывать всѣ вещи.

Послѣ укатыванія, вещи были выворочены на правую сторону, при помощи невѣсты уложены въ сундуки и дѣвушки веселой гурьбою разошлись по домамъ до вечера.

Предъ наступленіемъ вечера, братишки Тани побѣжали вторично приглашать дѣвушекъ къ невѣстѣ. Одѣвшись въ лучшія платья, подружки опять собрались въ

куть къ невѣстѣ, которая сидѣла тамъ, на положенной на лавкѣ подушкѣ. Ноги Тани стояли на разостланномъ на полу сѣнѣ, одѣта она была какъ на смотрицахъ, лицо закрыто ситцевымъ платкомъ. Дѣвушки застали её покачивающейся изъ стороны въ сторону и ревущей, что̀ было мочи. Когда собрались подруги, началось опѣваніе невѣсты. Дѣвушки пѣли:

Я сижу-ли бѣдна̀, бѣднича,
На кручинной на лавоцкѣ,
Да подъ кутнымъ окошечкомъ.
— открою я,
— слизяно полотенышко,
— пониже ясныхъ очей!
— я зведу очи ясныя,
— по высокому тирему;
— поишшу-ли роду плимени...
— узрѣла во очи̂, усмо̀трѣла,
— своего родимаго батюшка.
— позовемъ его по имяни
— извеличаемъ по извоченью (по отчеству),
Ты, Иванъ да Петровичь,
Изволь ко мнѣ дойти, до̀ступить,
Да ко мнѣ въ куть за зана̀вѣсу,
— за брусчатую грядочку
— за слизя̀ную зана̀вѣсу,
Да слизя̀ныхъ писенъ слушати,
— великаго горя мыкати.
— неу бойся, родимый батюшко,
— не змія сижу я лютая,
— не шипича колючая,
— не крапива жугучая:
— я сижу бѣдна̀, бѣднича,
— запросватана дѣвича.
— не можно тебя дождатися,
— не можно наглядѣтися,
— не можно тебя разжало̀бити:
— у тя серьчо-то серьчо каменное:
— не убойся, родимый батюшко,
— моево великово горя.
— мое-то велико горе
— мнѣ не сдавна привязалося,
— со недилю, поры врймечка,
— мнѣ отъ свата лукавово,
— отъ души ево вилавыя.

Во время этой пѣсни, отецъ невѣсты сидѣлъ на лавкѣ; при послѣднихъ же словахъ ея, онъ отперъ ящикъ, досталъ оттуда нѣсколько серебряныхъ монетъ, для подарка дочери, который она будетъ хранить въ продолженіи всей жизни на память, какъ отцовское благословеніе, и пошелъ въ куть.

Заслышавъ шаги его, дѣвушки запѣли:

Вотъ идетъ родимый батюшко,
Ко мнѣ въ куть за занавѣсу,
Да за брусча̀тую грядочку,
Да за берча̀тую зана̀вѣсу.

Когда Иванъ вошелъ въ куть, Катя шепнула закрытой Танѣ, что пришелъ отецъ. Таня встала, упала отцу въ ноги и, уже непритворно, зарыдала. Иванъ сталъ уговаривать дочь не плакать и поднялъ ее съ полу. Вставши на ноги, Таня кинулась къ отцу, обвила руками его шею, склонила голову на грудь и горько заплакала. У Ивана тоже не одна горячая слеза выкатилась изъ глазъ, и онъ бережно усадилъ дочь на прежнее мѣсто, сунулъ ей въ руку деньги и вышелъ изъ кути, а дѣвушки запѣли:

Спасибо тебѣ, спа̀сибо,
Родимый батюшко,
Да тебѣ на златѣ, сѐребрѣ,
— на чесно̀мъ приношеньичѣ
— на сладкіихъ гостинечкахъ!
— возьму твои гостиньчики,
— во правую рученьку;
— положу твои гостиньчики,
— въ коробейку, на дёнышко...
Да увезу твои гостинчики,
— на чужу̀ дальню сторону,
— на чужу̀ да незнакомую.
— какъ придетъ да весна красная,
— разольетьча вода вёшная,
— кукушки роскукуютьча;
— я млада да разгарююся,
— я млада да растоскуюся—
— отопру я коробеечку,

— посмотрю я на гостинчики,
— будто родимой батюшко,
— съ тобой повидалася,
— будто на тебя наглядѣлася,
— съ тобой, родимой батюшко, наговорилася.

Дакъ не будотъ у меня шшемить ретиво серьчо,
Да не будетъ болеть моя буйна головушка.

Этой-же пѣснею опѣли родную мать и другихъ наличныхъ родственниковъ, сперва болѣе близкихъ, а тамъ и дальнихъ.

Крестную-же мать Тани опѣли, послѣ родной матери, такой пѣснею:

Похожу-ли я по тирему,
Да поишшу-ли роду плимени,
— взвела я очи, усмо́трѣла
— свою родиму хресну матушку,
— назовемъ её по имени,
— извеличаемъ по извоченью.
— ты изволь дойти, до́ступить,
— ко мнѣ во куть, за занавѣсу,
— за брусчатую грядочку.
— ты на слизя̀но сватаньё,
— слизенныхъ пѣсенъ слушати,
— велика горя мыкати.
— мое-то велико̀ горе
— не сдавна привязалося,
— со недилю, поры вримечка,
— отъ свата лукававо́,
— отъ души ево вилавыя [1]).
— научи-ка, хрёсна матушка,
Да съ чужи̇мъ, чуже́ниномъ,
— съ дальнимъ, дальне́ниномъ,
— научи-ка, хресна матушка,
— ко Божьей черкви ѣхати?
— поучи-ко, хресна матушка,
— которой ноженькой на паперетъ
— въ черьковъ вступи̇ти?
— поучи-ко, хресна матушка,
— которой рученькой напередь
— перекрести̇тися?
— поучи-ко, хресна матушка,
— которому Спаситєлю да впередь поклонится?
— поучи-ко, хресна матушка,
— какъ мнѣ златъ винечь приня̇ти?
— поучи-ко, хресна матушка,
— Законъ Божій возде́ржати?

Пѣсня кончилась. Крестная, въ благодарность, подала Танѣ деньги и морхатку. Таня приняла подарки, но морхатку бросила, сказавъ съ сердцемъ: убирайте её! Подружки убираютъ морхатку и затягиваютъ общую для всѣхъ пѣсню, въ благодарность, вставляя соотвѣтствующія имена:

Списибо тебѣ, спа́сибо—и т. д. такого же содержанія, какою опѣвали отца, только перемѣняя имена опѣваемыхъ.

По окончаніи этихъ пѣсней начинается опѣваніе дѣвицъ. Начали съ Кати, и когда ее опѣли, Таня подарила ей ситцу на нарукавники, алую ленту въ косу и кусокъ душистаго мыла. Каждая изъ опѣтыхъ дѣвицъ получила отъ Тани подарокъ; для тѣхъ, которыя были къ ней поближе, подарки были получше, а дальнимъ похуже. Опѣвали-же дѣвушекъ не прежнею пѣсней, какъ отца съ матерью и другихъ, а особою, подходящею къ этому обряду, вотъ она:

Красота̀-ли, моя кра̀сота,
Да красота́-ли красная дѣвича,
— свѣтъ!
— мнѣ кому краса̀ оставити,
— на ково ея покинути?
— я оставлю дивью кра̀соту,
— своей любимой подруженькѣ
Да приближенной сосидушкѣ.
— ешшё тутъ моей кра́сотѣ
— не мѣсто, не мѣстечько,
— небольшое красова̀ньичо:
— она дитя на возрастѣ,
— ее скоро замужъ выдадутъ—
— потеряётъ дивью красоту!

[1]) Вилавый—льстивый, лукавый, непостоянный.

Да мы съ тобой ешше, голубушка,
— жили, были, красовалися,
— добры люди дивовалися.
— ужъ мы другъ безъ друга,
— ступени не ступывали,
— хлѣба соли не кушвали.
— мы съ тобой, ешшё, голубушка,
— ходили въ лѣсъ по ягодки,
— во сырой боръ по рыжички.
Да подъ окошечкомъ скликалися,
— на ростаночкахъ сждалися.
— намъ теперь, сиза голубушка,
— приходитъ ростанюшка.
— намъ ростатьча не хочетьча,
— разойтись не подумати.
— я тебѣ, сиза голубушка,
— я тебѣ сиза, позавидую,
— твоему росту дороднеству.

Надю и Настю, также Сашу и Матрену, изъ которыхъ у первыхъ не было отца, а у послѣднихъ матери, опѣвали пѣсней такого содержанія:

Я тебѣ въ томъ, подруженька,
Не позавидую,
Твоему житью красо́ванью:
Да ты живешъ, не красуешша
Безъ родимыя матушки (если нѣтъ матери)
Безъ родимово батюшки (если нѣтъ отца).
Да у злодѣйки у мачихи,
Да по чужимъ полямъ,
Да по чужимъ людямъ.
Кажная молодая жона
Да въ глаза да насмѣялася.
Да кажная вѣточка въ глаза настегалася,
Да кажная шшепочка да на ребро становилася.

Слѣдуя строго обычаю, Катя распорядилась, чтобъ, послѣ взрослыхъ дѣвицъ, опѣвали недорослей. Недорослей опѣвали такъ:

Красота́-ли, моя кра́сота;
Красота̀-ли кра̀сна дѣвичья!
Да мнѣ кому краса́ оставити?
— на ково ее покинути?
— я оставлю свою дивью красоту
— своей любимой подруженькѣ.
— ближайшей соседушкѣ.
— ешшё тутъ моей кра́сотѣ
Да не мѣсто, не мѣстечько,
— не большое красованьичо:
— она дитя умомъ слабешенька,
— малымъ, глупымъ глупешенька!
— она дитя выдётъ на улочку,
— заиграетьча съ малыми ребятками,
— потеряе̇тъ дивью кра́соту.

Дошла очередь опѣвать вдоваго дядю Тани и дѣвушки затянули:

Да ты пожилой, доброй молодечь
Вдовечь посидѣловечь!
Каково тебѣ икалося,
Да съ вѣнчѣльной жоной ростало:я?
Была первая жона вѣнчѣльная,
Была первая умная да разумная,
Да отча-то умново,
Да матери разумныя...
Каково нынѣ живешь, красу̇ешша,
Съ молодой жоной?
Даритъ-ли тя молода жона да жалуетъ
Словами ласковыми,
Поклонами низкими?

Затѣмъ раздались грустныя мотивы опѣванія вдовой тетки:

Похожу-ли я по тирему,
Поишшу-ли роду плимени!
Да ешшё я не безродная,
— ешшо я не безплименная:
— есь у меня во тиремѣ,
— назовемъ ее съ-поимени,
Да звеличаемъ по-извоченью:
— ты изволь дойти, до̀ступить,
— ко мнѣ въ куть за занавѣсу,
— за брусча́тую грядочку,
— за слизя̇ную зана́вѣсу,
— слизя̇ныхъ писенъ слушати,

Да со мной вилика горя мыкати,
— ты, любимая тетушка,
— ты такая-же бѣдна бѣднича,
— кукушка горегорькая,
— вдова благочестивая...
— ты живешь не красуешша,
— ты вдовича вдовая,
— ты вдовіёшъ, вдовушка!
— много лѣтъ, много зимонекъ;
— сопроводила мила ладушка
— во мать во сыру землю,
— во злодійку гробову доску,
— со попами да со дьяконами,
— со свѣчами воскояровыми.
— ты повѣрь, моя тетушка,
Ты повѣрь, моя любезная,
Каково тебѣ икалося?
Съ милой ладой розставалося?
Да не болѣла-ли буйна головушка,
Не шшепало-ли ретиво серьчо?
Да не дрожали-ль рѣзвы ноженьки?
— не опускались-ли бѣлы рученьки?
— не мутились-ли ясны оченьки?
— не катились-ли горючія слезы?
— каково тебѣ безъ милой ладушки,
— жить да красова́тися?
— тебѣ кажная молодая жона
— во глаза насмѣялася.
Да кажная вѣточка во глаза настегалася.
— кажная шшепочка на ребро становилася.
— какъ тебѣ, любимая тетушка,
— было съ милой ладой раставатися,
— такъ и мнѣ бѣдной бѣдничѣ,
— запросватанной красной дѣвичѣ,
— со отчёмъ да со матерью,
— толь-же чяжко роставатися,
— на чужу дальню сторону удалятися,
— къ чужо́му чужёнину,
— къ дальнему дальнёнину.
— болитъ у меня буйна головушка
— у бѣдной бѣдничи,
— у запросватанной красной дѣвичи!
— шшыплетъ ретиво серьчо,
— дрожатъ рѣзвы ноженьки,
— опускаются бѣлы рученьки...
— спасибо́ тѣ, спа́сибо,
— любима моя тетушка,
— на златѣ на се́ребрѣ,
— на чесномъ приношеньичѣ.
— твоя трудная динёшка:
— нажила ты сама динёшку
— нѣту мила у тя ладушки,
— некому дать тебѣ динёшекъ.

Наконецъ кончилось опѣваніе, и хозяева собрали ужинъ. Близкихъ и богатыхъ подругъ Таниныхъ усадили за передніе столы, въ передній уголъ; а бѣдныхъ и дальнихъ за задніе—на остальныя мѣста за столомъ. Подали щи съ говядиной, потомъ жареную треску и молоко, но до кушанья никто не дотрогивался, пока женщины въ кути не пропѣли впередъ стольной пѣсни:

Да ужъ вы, подружьки, подруженьки,
— подруженьки мои,
— сизыя голубушки!
— моя перва сиза голубушка (которая сидитъ въ переднемъ углу).
— садилася свыше всѣхъ.
Да клонила головушку пониже всѣхъ...
— да ты попѣйко, поѣшь-ко,
— моя сизая голубушка,
— моево соли хлиба во послиднiё,
— моя соль хлибъ великая и т. д.
другой и третьей подружкѣ.

При послѣднихъ словахъ пѣсни, Таня поклонилась сидѣвшимъ за столомъ подружкамъ, которыя, вставъ на ноги, въ свою очередь, отвѣсили Танѣ сряду три поклона, затѣмъ сѣли и стали ужинать. Во время ужина Таня и ея отецъ угощали подружекъ водкой и пивомъ. Богатыя подружки степенились, т. е. ничего не ѣли и не пили, потому что на нихъ изъ толпы зрителей и съ палатей смотрѣли женихи, бѣдныя-же ѣли во весь ротъ и усердно пили пиво, а водку только прикушивали, такъ какъ дѣвушки вообще не пьютъ водки при зрителяхъ. По окончаніи ужина, всѣ вышли изъ за стола, поблагодарили Таню и ея родителей за угощеніе и ушли въ куть за занавѣсу, вмѣстѣ съ невѣстой... Катя взяла гребень и стала чесать голову Танѣ, а дѣвушки запѣли:

Да во послѣдніе коса чешетьча,
— во послѣдніе заплетаетьча...
— разчапалася крушича [1])
— во саду передъ яблоней...
— расплакалася красна дѣвича
— въ тирему, передъ батюшкой,
— высокомъ передъ матушкой:
— ужъ, Богъ судья тебѣ, матушка,
— ужъ, Богъ судья тебѣ, родимая:
— молоду замужъ запросватала
— молоду молодешеньку,
— зелену зеленешеньку..
— во саду крушича
— разчвѣла да не завязалася.
— ты родимая матушка
Меня рано замужъ выдала,
Молодымъ молодешеньку,
Зеленымъ зеленешеньку,
Да недорослую травоньку,
Да недозрѣлую ягодку.
Не дозрить будетъ ягодкѣ...
Во саду крушича
Обронила чвѣтъ аленькой...
Я, красна дѣвича,
Потеряла свою дивью красоту:
— единымъ часкомъ,
Да единой минуточкой!
Во послѣдніе коса заплетаетьча,
Да коса на двое разложилася,
Подъ морхатку снарядилася
Да вкругъ головки обвилася:
Поглядѣла я на маковку,
Обвила свою головушку.
Да ты остаешша, родима матушка,
Во своемъ дому да въ высокомъ тирему;
Да станешь, родимая матушка,
Жить да красоватися.
Да снаряжаешь меня, матушка,
— на чужу дальню сторону,
— во чужу не знакомую,
— чужому чужѣнину,
— къ дальнему дальнѣнину;
— въ большу семью, несовѣтливу,
— въ большу семью, несужитливу:
— ко свекру журливому,
— ко свекровки бранливой,
— къ диверьямъ собаковатымъ,
— милой ладѣ срамливой [2]).
— наложила на меня матушка
— печель да заботушку,
— злу, велику, невзгодушку:
— стану жить не красоватися.

Только что кончилась эта пѣсня, какъ избяныя двери распахнулись и не могли пробиться, ребятишки закричали во всё горло: «колокольчи, колокольчи! Женихъ идетъ!» Часть зрителей кинулась на улицу, а остальная стала таращить глаза на браваго дружку, подлетѣвшаго на однихъ каблукахъ къ окну...

ОЧЕРКЪ V.

Отъѣздъ князя молодаго (жениха) къ сватанію.

Въ день сватанія Петръ всталъ ранѣе обыкновеннаго. Мать его уже суетилась въ кути. Петръ умылся, помолился усердно иконамъ, поздоровался съ матерью и одѣлся въ лучшее свое платье (какъ на смотрѣчи) и сказалъ:

— Я припасу самоваръ, пріѣдётъ, дружка, чайкомъ-бы попоить?

— Я ужъ домекала объ евтомъ, дитятко.

— Штёй-то Кондратьичь позамѣшкался?

— Не печелуйся, дитятко, къ свѣту пригонитъ онъ, мужикъ просужой.

Петръ сталъ ходить по избѣ, по временамъ прислушивался и смотрѣлъ то въ то, то въ другое окно. Послышались колокольчики... Петръ припалъ къ окну. Кондратьевичъ съ дружкой подкатилъ къ крыльцу. Петръ повеселѣлъ. Въ нѣсколько прыжковъ, удалой дружка былъ въ избѣ. Онъ былъ одѣтъ, почти также, какъ и Петръ, только, поверхъ поддѣвки, черезъ правое плечо, былъ перекинутъ цвѣтной платокъ.

---

[1]) Должно быть, грушевое дерево.
[2]) Не красивой.

— Молодому кнезю, Петру Яковлевичу, шчастливо жить, здоровымъ быть, молоду кнегиню брать, съ ней златъ вѣнечь пріять! — сказалъ бойко дружка, поклонился и протянулъ Петру руку.

Петръ пожалъ ему руку и сказалъ:

— Благодарствуемъ на добромъ словѣ, на пожеланіи, просимъ, храбрый дружка, Григорій Стёпанычь, жаловать, просимъ за столъ садитьча...

Хозяйка вынесла изъ кути самоваръ и поставила на столъ.

— Кнезя родной матушкѣ, доброй хозяюшкѣ, сердечный привѣтъ, душевное пожеланіе: на молодыхъ радоватьча, на внучатъ тѣшитьча,—сказалъ дружка,—кланясь низко.

Мать отвѣчала:

— Благодарствуемъ на ласковомъ словѣ, на добромъ пожеланіи, соколъ ясный, дружка храбрый, Григорій Степанычь, просимъ за столъ пожаловать, чайкомъ отогритьча!

Старикъ проснулся и проворно слѣзъ съ печки. Дружка отвѣсилъ и ему чуть не земной поклонъ и сказалъ:

— Кнезя молодаго родному батюшкѣ, Якову Степановичу, долго жить, здорову быть, добра наживать, молодыхъ отъ вѣньча принимать, ясьвыми мидяныма угошшать, въ своемъ домѣ благодатномъ.

Старику видимо понравилась бойкая рѣчь дружки... Онъ осмотрѣлъ его съ ногъ до головы и привѣтливо сказалъ:

— Спасибо на всемъ, дружкѣ храброму, разумному, разудалому, Григорію Степановичу!.. Тебѣ ладомъ дѣло справить, отъ всѣхъ похвалы получить, а отъ меня старика богатыя дары, просимъ за столъ.

Вошелъ въ избу Кондратьевичъ.. Старикъ ласково потрепалъ его по плечу и шепнулъ на ухо: ну, Антоша, сослужилъ ты мнѣ службу, кажись вѣкъ не забуду твоей прислуги, большое спасибо тѣ, просимъ за столъ...

— Не стоитъ безпокоитьча, Яковъ Степанычь: не начёмъ благодарить-то, не вись какая и служба-то была,—отвѣчалъ Антонъ.

— Замолчи старый воркунъ и пробирайся за столъ,—сказалъ весело хозяинъ и пошелъ умываться... Вскорѣ всѣ принялись за чай.

Въ деревнѣ узнали о пріѣздѣ дружки.

Двери отворились; вошла старая, престарая дѣвка, поклонилась и, охая, взлѣзла на печку... За старухой вошла другая, третья, четвертая, появились старики, парни, ребятишки, и все это лѣзло на печку и на полати; скоро печка и полати набились биткомъ. Появились молодицы и мужчины всѣхъ возрастовъ. Скоро у входа и яблоку негдѣ было упасть.

Хозяева съ дружкой и Антономъ пили чай...

Молодицы разобрали дружку по косточкамъ и порѣшили, что онъ, хотя и красивъ, но не говорливъ, пьетъ чай и слова не промолвитъ. Старухи на печкѣ тяжело вздыхали, вспоминая свою молодость. Старая, престарая дѣвка дремала и видѣла во снѣ, что выходитъ замужъ и вдругъ, съ несвойственной ей живостью, обняла и чмокнула близь сидѣвшую старуху, прошамкавъ: «любушка мой дорогой».

— Съ ума сошла, лишачиха ты,—проворчала съ сердцемь старуха и грубо оттолкнула дремавшую.

Опытные старики сейчасъ догадались о причинѣ молчанія дружки: «это онъ припоминалъ наговоры, заговоры, и видно, что дружка, человѣкъ не опытный»... Они старались увѣрить другъ друга, что такого дружки, какой у нихъ былъ на свадьбѣ, теперь ужъ не найти: етово загонялъ-бы какъ воронъ малово цыпленка... Время шло; вотъ и самоваръ убрали. Послышались съ разныхъ сторонъ звонки, и приглашенные гости начали входить въ избу... Протиснувшись сквозь толпу, гости молились на иконы, здоровались съ хозяевами, кланялись зрителямъ и садились въ плотную, гдѣ-нибудь, на лавкѣ.

Скоро сѣсть было негдѣ, и вновь прибывшіе гости принуждены были стоять впереди зрителей. Было уже за полдень... Хозяева съ близкими пріятелями и дружкой порядкомъ закусили въ кути. Петръ, не желавшій нарушать обычая въ день сватанія, опять пошелъ въ баню. Мать накрыла столъ домашней работы скатертью, положила на рединѣ, одинъ на другой, три хлѣба, поставила сверху солонку съ солью, съ одной стороны хлѣбовъ — ендову съ пивомъ, съ другой — полштофъ водки и рюмку, передъ хлѣбомъ-же двѣ тарелки, одну съ рыбнымъ пирогомъ (преимущественно съ треской), другую съ тремя мучными пирогами, положенными такъ, что два лежали рядомъ, а одинъ на верху. Хозяинъ зажегъ свѣчи передъ иконами. Окатившись три раза водой, Петръ вышелъ изъ бани, окинулъ взоромъ избу и, замѣтивъ, что всѣ гости собрались, шепнулъ объ этомъ сидѣвшему за столомъ дружкѣ.

Дружка оправился, помолился иконамъ, поклонился на всѣ четыре стороны, вышелъ на середину избы, топнулъ ногой, пустилъ по избѣ одну дробь каблуками, пустилъ другую и какъ-то особенно ловко, па однихъ каблукахъ, подлетѣлъ къ Якову и спросилъ:—«Ктобъ намъ свято проговорилъ? Сами скажете, али намъ прикажете?»

— Съ Богомъ, сами скажете, отвѣчалъ Яковъ.

Дружка началъ, заложивши въ карманъ руки, ухарски ходить по избѣ, на однихъ каблукахъ, перепрыгивать съ одной ноги на другую и зачиталъ:

«Во имя Отча и Сына и Святаго Духа.
Господи Іисусе Христе,
Боже, помилуй мя!
Стану я, человѣкъ Божій,
На рѣзвыя ноги,
Святымъ образамъ помолюсь,
Хозяина въ домѣ спрошусь:
Имѣетча-ли въ семъ домѣ благодатномъ
Батюшко родимой, матушка родная?
Всели въ добромъ здравіи пребываетё?

(Со стороны въ отвѣтъ: всѣ здоровы!)

И заводите-ли вы чесный бракъ
На сей день Господень?

(Отвѣтъ: заводимъ.)

Какъ сѣрыя утки,
Бѣлыя лебеди,
Сизыя голуби
Съ тѣхъ рѣкъ и озеръ
На синія моря,
На приточныя мѣста
Слетаютча со всѣхъ сторонъ,
Званыя и жданыя,
Полюбовныя гости съѣжжались,
Какъ ясны соколы слетались.
И всё ли въ вашемъ домѣ благодатномъ
Исправно?
Затеплены ли у святыхъ образовъ
Свѣчи воскояровыя?
И поставлены ли столы бѣлодубовыя?
И на столахъ бѣлодубовыхъ
Набраны ли скатерти шолковыя?
Хлѣбы ситнія
И калачи бѣлыя,
Ясьва сахарныя,
Питья мидяныя,
И все ли исправно
И все ли готово?»

— Все исправно и все готово, отвѣчалъ Яковъ.

«И снаряжаите ли свое чадо милое,
Голубя сизово,
Лебедя бѣлово,
Сокола ясново,
Кнезя молодово новобрачново,
И садите вы ево
За столы бѣлодубовыя,
За скатерти шолковыя,
За ясьва сахарныя,
За питья мидяныя,
Во передній уголъ,
На бѣлодубовую лавочку,

На кунью шубочку,
Собольи лапки,
Подъ св. образа,
Свѣчи воскояровыя,
На почтенное мѣсто,
Гдѣ ево на сей день Господень
Богъ почтилъ?
Имѣетьча ли у вашего князя молодово,
Тысячкой большой человѣкъ,
Сваха вѣжливая,
Большіе бояра,
Среднія меньшія,
И всѣ поѣжжана?
И всѣ ли исправны
И всѣ ли готовы?»

— Всѣ исправны и готовы всѣ, отвѣчалъ хозяинъ.

«Извольте вы ихъ садить,
За теже столы бѣлодубовыя..
Подлѣ князя молодово,
По правую сторону,
Садите хресново батюшку,
По лѣву, хресну матушку...
И всѣхъ чесныхъ гостей, полюбовныхъ,
Изволите садить по чинамъ
И по мѣстамъ почтеннымъ,
Кому подлѣ ково подлежитъ.
И садите вы ихъ,
Ни по уму ни по разуму,
Ни по платью чвѣтному;
Но садите ихъ,
По роду да по плимени.
Кто родомъ поближе,
Того садите повыше,
А кто родомъ подалѣ,
Того садите къ кути поближе...
А вы, полюбовныя гости, садитеся,
На нашего хозяина
Не гнѣвайтесь, не сердитеся:
Всѣхъ васъ въ передній уголъ не посадить.
Хлѣбъ соль ясьва и угошшеньё
Всѣмъ будётъ одно!

Когда кончилъ дружка свою рѣчь, Яковъ съ женой подвели Петра къ столу и сказали въ одинъ голосъ:

— Садись, наше дитятко милое, садись, Христосъ съ тобой, въ доброй да во святой часъ.

Петръ сѣлъ за столъ. Возлѣ него, по правую сторону, Яковъ и Татьяна разрядили гостей мужескаго пола, по порядку, какъ указывалъ дружка; по лѣвую-же сторону разсадили женскій полъ, тоже по-порядку, указываемому дружкой. Когда всѣ усѣлись, дружка спросилъ Якова:

— Штё, сами будете подносить, али намъ прикажете?

— Вамъ приказываемъ,—отвѣчалъ Яковъ.

Дружка взялъ въ руки подносъ, поставилъ на него двѣ рюмки и сталъ обносить водкой всѣхъ гостей, по порядку: сперва мужескій полъ, а потомъ женскій. Каждый изъ гостей выпивалъ по одной рюмкѣ, считая долгомъ немножко поломаться передъ питьемъ, отчего угощеніе заняло не мало времени.

Когда всѣ гости были обнесены водкой, дружка возвратилъ подносъ Якову и обратился къ нему и Татьянѣ съ просьбой назначить дружкой другого, болѣе способнаго, чѣмъ онъ:

«Батюшко родимой, матушка родная,
И вы, наряжаете меня,
Передоѣзжимъ дружкой!...
Я человѣкъ незнаюшшій и неумѣюшшій,
На ногу не вёртокъ,
На ухо не чутокъ,
Голосомъ не свѣтелъ,
Ричью не отвѣтенъ:
Могу проговоритча и прошибитча,
И своя братья будутъ осуждать...
Извольте выбрать,
Изъ своево княжеськово поѣзда,
Дружка иново, молодово,
Который волосомъ порусяя,
На ухо почутчая,
На ножку повертчая,
Голосомъ посвѣтляя,
Разумомъ повострѣе,
Ричью поумнѣе,
И будетъ всему браку
И поѣзду миляя.

Яковъ и Татьяна отвѣчали въ одинъ голосъ:

— Мы вашей милостью довольны.

Получивши такой отвѣтъ, дружка началъ опять просить ихъ назначить ему молодое подружье, выражаясь такъ:

Батюшко родимой, матушка родная!
Когда вы нажили меня
Передоѣзжимъ дружкой,
Дайте мнѣ молодое подружье хорошое,
Ростомъ меня повыше,
Умомъ подороже,
На ухо почутчае,
На ножку повёртчае,
Волосомъ порусѣе,
Разумомъ повострѣе...
Въ чемъ я прошибусь и проговорюсь
Могъ-бы онъ на ножку ступить,
Подъ бочекъ подтолкнуть,
На ушко шепнуть,
На умъ, на разумъ поучить».

— Выбирай себѣ самъ по уму, по разуму, кого знаешь,—отвѣчали хозяева, и дружка подлетѣлъ къ одному изъ недальнихъ за столомъ, раньше выбранному, молодому парню, со словами:

— Я тебя прошу къ себѣ въ помощь.

— Я согласенъ,—отвѣчалъ парень, вышелъ изъ-за стола и сталъ посреди избы, рядомъ съ дружкой. Дружка началъ ходить по избѣ, поддружье пошелъ рядомъ съ нимъ и безпрестанно толкалъ дружка локтемъ, понуждая къ рѣчи. Наконецъ, обратившись къ сидящимъ за столомъ, дружка заговорилъ:

Князь молодой,
Тысячкой большой человѣкъ,
Князевая сваха,
Большіе бояра,
Средніе, меньшіе
И весь княжеськой молодечкой поѣздъ!
Прикажете мнѣ
Передоѣзжему дружкѣ,
Съ молодымъ подружьемъ,
Вытти, выступить,
Изъ сей свѣтличи
На новыя сини,
На моста калиновыя,
На высокое крылечько,
На широкую уличу
Посмотрѣть удалыхъ добрыхъ коней,
Изладить, исправить,
На путь поставить,
Какъ систь да ѣхать?»

— Съ Богомъ! отвѣчали поѣзжане.

Дружка съ подружьемъ вышли на дворъ, осмотрѣли подробно лошадей, сани, збрую и всё...

— А каки, паря, комани (кони, лошади) повезутъ евту рыжую животинку-то спросилъ дружка у своего подружья.

— Каку евто животинку? спросилъ въ свою очередь подружье..

— А штё сѣннымъ возомъ ввалилась-то въ избу, сказалъ дружка.

Подружье захохоталъ и отвѣчалъ:

— Сваху-то Панкратьевну? Вонъ ента савраска, и онъ указалъ на лошадь.— Дружка смѣрилъ глазами лошадь и сказалъ:

— Ей не выбѣжать съ эфтимъ овиномъ-то.

— И не выбѣжитъ, такъ не бѣда, отвѣчалъ подружье.

— Да она задёржитъ, а эфто неладно, сказалъ дружка.

— Поштё задёржитъ? Пошелъ, да и только, ковды нибудь пріидётъ и она, сказалъ подружье.

— И то правда! пойдемъ въ избу, согласился дружка.

Оба вошли въ избу и стали вмѣстѣ докладывать поѣзжанамъ, что они все осмотрѣли, все исправно, все приготовили и отвѣсили низкій поклонъ сидящимъ за столомъ. Затѣмъ дружка обратился къ Якову и Татьянѣ со словами:

Ходилъ я, передоѣзжій дружка,
Съ молодымъ подружьемъ,
По двору широкому,
У князя молодово,
Въ стойлахъ стоялыхъ,
Во дворахъ, конюшникахъ
Ворота иззатворены,
Замки изнавѣшены,
Запоры закладены,
Караулы приставлены.
Входилъ я въ свѣтлую свѣтличу,
Золотыя ключи бралъ,
Висячія замки отпиралъ,
Булатныя запоры вынималъ,
Караулы тверды раступалъ,
И входилъ я въ стойла стоялыя,
Во дворы, конюшни,
Узрѣлъ, усмотрѣлъ,
Удалыхъ добрыхъ коней —
Въ руки ихъ бралъ,
По крутымъ бедрамъ потрепалъ,
По уму, по разуму выбиралъ.
Накладывалъ на нихъ
Уздичи тесмянныя,
Седѣлечька черкаськія,
Хомуты астраханьськія,
Шлеи строченыя,
Гужи шелковыя,
Вожжи гарусьныя.
Изъ тѣхъ дворовъ конюшенныхъ,
Выдергивалъ санки-скочки, пошевеночки,
Во тѣ санки завертывалъ
Заверточки пеньковыя,
Оглобельки кленовыя,
Дужки вязовыя,
Запрягалъ добрыхъ коней,
Къ дугамъ навязывалъ
Колокольчики пѣвки,
Ремешечки крѣпки.
На тѣ санки-скочки, пошевеночки,
Накладывалъ полсти драгоченныя,
Медвѣжія черныя, одѣяла теплыя.
И всё изладилъ я, исправилъ,—
На путь дороженьку поставилъ,
Какъ систь да ѣхать.—

— Всё готово! Милости просимъ.
Переведя духъ, онъ продолжалъ:

Батюшко родимый,
Матушка родная,
Извольте къ бѣлодубовымъ
Столамъ приступить,
Хлѣбъ-соль возвеличать
И чесныхъ гостей
На ноги поднять?..

Яковъ и Татьяна, по окончаніи послѣдней рѣчи, подошли къ столу. Дружка попросилъ ихъ сѣсть за столъ, на то мѣсто, подъ божницу, гдѣ сидѣло ихъ чадо милое. Гости встали на ноги, а дружка продолжалъ:

Батюшко родимой,
Матушка родная,
Извольте садитча
За столы бѣлодубовыя,
За скатерти шелковыя,
За ясьва сахарныя,
За питья медяныя.—
Въ передній уголъ,
На бѣлодубовыя лавочки,
Собольи лапочки,
Подъ св. образа,
Подъ свѣчи воскояровыя,
На почтенное мѣсто,
Гдѣ ваше чадо милое
Князь молодой сидѣлъ
И гдѣ васъ, на сей день Господень,
Богъ почтилъ.—

При послѣднихъ словахъ Петръ подвинулся, и отецъ съ матерью сѣли на его мѣсто. Черезъ минуту дружка опять обратился къ нимъ со словами:

«Сидятъ ли онѣ за столами,
За ясьвами сахарными,
За питьями мидяными,
Въ переднемъ уголкѣ,
На бѣлодубовой лавочкѣ,
На куньей шубочкѣ,
Собольей лапочкѣ,
Подъ св. образами,

Подъ свѣчами воскояровыми,
На томъ почтенномъ мѣстѣ,
Гдѣ ихъ, на сей день Господень,
Богъ почтилъ?
И чѣмъ вы будете
Своево чада милово,
Голубя сизово,
Лебедя бѣлово,
Сокола ясново,
Кнезя молодово благословляти
И чѣмъ надѣляти?
Куничами али лисичами,
Заморскими звирьми,
Атласомъ или бархатомъ,
Скатнымъ жемчугомъ,
Хлѣбомъ-ли солью,
Или св. образомъ?
Извольте вы вставать
На свои рѣзвыя ноги
И брать св. образъ,
Въ бѣлыя руки,
Затеплить свѣчу воскояровую,
Выходить изъ столовъ бѣлодубовыхъ,
На широкую уличу.
Благословляйте свое чадо милое,
Голубя сизово,
Лебедя бѣлово,
Сокола ясново,
Кнезя молодово новобрачново
Въ путь дорогу ѣхать,
По кнегиню молодую,
Взеть ее за правую руку,
За бѣлыя персты,
За златыя персьни;
И выводить ее на новыя сини
На высокое крыльчо,
На широкую уличу.
Садить въ санки-скочки-пошевеночки,
Ко св. черкви божіей привезть,
Подъ златъ вѣнечь поставить,
Законъ божій принять,
Заповѣдь Господню исполнить,
Руса коса расплести,
На двѣ заплести,
Чесной жоной назвать,
Къ себѣ въ домъ привести».

Отецъ, мать и Петръ встали и вышли изъ-за стола. Яковъ взялъ икону, прилѣпилъ къ ней свѣчу и благословилъ сына, послѣ него благословила мать. Затѣмъ Петръ пошелъ одѣваться къ вѣнцу, а дружка обратился къ хозяевамъ съ новой рѣчью:

«Когда вы благословили,
Свое чадо милое,
Голубя сизово,
Лебедя бѣлово.
Сокола ясново,
Кнезя молодово новобрачново,
По кнегиню молодую новобрачную ѣхать,
Извольте вы садитьча,
За тѣже столы бѣлодубовыя,
Въ передній уголокъ,
На бѣлодубовыя лавочки,
Подъ св. образъ,
Свѣчи воскояровыя,
На то почтенное мѣсто
Гдѣ и прежъ сидѣли».

Яковъ и Татьяна снова сѣли за столъ, дружка приказалъ имъ сидѣть тамъ, пока поѣздъ не выѣдетъ изъ деревни. Поѣзжане стали одѣваться, а дружка обратился къ зрителямъ съ такою рѣчью:

Кутяна [1]), полотяна [2]), запечана [3]),
Молодыя молодичи,
Бѣлыя лебедичи,
Сизыя голубчи,
Старыя и малыя ребятка,
Благословите голубя сизово,
Лебедя бѣлово,
Сокола ясново,
Нашего кнезя молодово,
Въ путь дорогу ѣхать,
По кнегиню молодую,
Взеть ее за правую руку,
За бѣлыя персты,
За златыя перстни,
И выводить на новыя сини,
На моста калиновыя,

[1]) Зрители кутнаго угла.
[2]) Зрители, которыя находились на палатяхъ.
[3]) Зрители, сидѣвшіе на печкѣ.

На высокое крылечько,
На широкую уличу,
И садить въ санки-скочки-пошевеночки,
Ко св. божіей черкви привезти,
Подъ златъ вѣнечь встать,
Законъ божій принять,
Заповѣдь Господню исполнить,
Руса коса расплести
На двѣ заплести,
Чесной жоной назвать,
Къ себѣ въ домъ привести».

Въ отвѣтъ на эту рѣчь со всѣхъ сторонъ раздалось: «съ Богомъ»! Вошелъ совсѣмъ одѣтый Петръ. Онъ подошелъ къ отцу и слился съ нимъ въ горячій, задушевный поцѣлуй... У сына выкатилась горячая слеза, и упала на морщинистое лицо отца, у котораго тоже закапали слезы. Отъ отца Петръ перешелъ къ матери; слезы ихъ смѣшались, въ долгомъ-же поцѣлуѣ слились души. Высвободившись изъ объятій матери, Петръ набожно взглянулъ на иконы, перекрестился и пошелъ изъ избы. Правыя руки отца и матери поднялись и стали творить крестное знаменіе въ слѣдъ уходившему сыну; уста же посылали благословенія. По просьбѣ дружки, начали выходить и гости. На дворѣ дружка спрашивалъ и приказывалъ:

Кнезь молодой
Тысячкой большой человѣкъ,
Кнезева сваха,
Большіе бояра,
Средніе, меньшіе,
Весь кнежеській молодечкой поѣздъ,
Всѣ ли вы вышли
Отъ кнезя молодаго новобрачново
Изъ высоково терема
На широкую улицу?
Извольте вы садитьча
На своихъ добрыхъ коней,
Въ санки-скочки-пошевеночки,
Всѣ по своимъ мѣстамъ,
Какъ соловьи по гнѣздамъ.

Когда всѣ усѣлись, въ томъ же порядкѣ, какъ за столомъ, дружка спросилъ:

«Всѣ ли вы изсили по конямъ,
Всѣ ли по санямъ?
И по своимъ мѣстамъ
Какъ соловьи по гнѣздамъ?»

Получивши утвердительный отвѣтъ:« всѣ по конямъ, всѣ по санямъ» (а лѣтомъ по сѣдламъ), дружка предложилъ другой вопросъ:

«Вы сами изволите напередь ѣхать,
Путь дорогу править,
Или мнѣ прикажете?
Кто на стричу попадетъ
Или бракъ съ бракомъ съѣдетча,
Какъ прикажете поступить:
Въ сторону ѣхать
Или полудороги давать?»

На этотъ вопросъ поѣзжане отвѣчали:—«Если бракъ съ бракомъ съѣдетча, то полъдороги давать, а простому въ тылъ подавать». Послѣ такого отвѣта, дружка обратился къ зрителямъ съ просьбой:

Міръ—народъ старые,
Усатые, бородаты,
Холосты не женаты,
Бѣлы—кудреваты,
Молодчи вожеваты,
Стрѣльчи борчи,
Кулачные бойчи,
Удалые добры молодчи,
Благословите нашего кнезя,
Ѣхать въ путь дорогу,
По кнегиню молодую,
Взеть ее за правую руку,
За бѣлыя персты
За златыя пирстни,
Выводить на новыя сини,
На моста калиновые
На высокое крылечько,
На широкую уличу.

Садись въ санки скочки пошевеночки,
Ко святой черкви привезти,
Подъ златъ вѣнечь встать,
Законъ Божій принять,
Заповѣдь Господню исполнить,
Руса коса расплести
На двѣ заплести,
Чесной жоной назвать,
Къ себѣ въ домъ привести».

Зрители отвѣтили: «Съ Богомъ! въ добрый да во святой часъ»!

— Благодарствуйте, сказалъ дружка, отвѣсивъ низкій поклонъ зрителямъ и, чтобъ чего съ поѣздомъ не приключилось, онъ обошелъ поѣздъ три раза, начитывая:

«Во имя Отча и Сына и Св. Духа. Аминь. Стану я, дружка храбрый, благословесь, пойду перекрестесь, изъ избы дверьми, изъ двора воротами, на широкую улицу, въ чистое поле. Въ чистомъ полѣ стоитъ храмъ божій, святая черковь. Зайду я, дружка, храбрый передоѣжжій, во храмъ божій, во святую черковь. Въ етомъ храмѣ Божьемъ, во святой черквѣ стоитъ престолъ. На томъ престолѣ сидитъ пресвятая Богородича, дёржитъ въ рукахъ золотое блюдо, на томъ золотомъ блюдѣ серебряна риза монашеська, стальной топоръ, хрустальныя ножничи, дёржитъ двѣнадчеть чѣпей, 12 замковъ, 12 ключовъ, золото копьё. Я дружка передоѣжжій, съ кнеземъ молодымъ новобрачнымъ, со всѣмъ бракомъ, со всѣмъ поѣздомъ, съ добрыма команима, [1]) съ добрыма команичами [2]) помолюсь и поклонюсь Пресвятой Богородичѣ, и Ты, пресвятая Богородича, спаси, сохрани меня, дружка передоѣжжаго, со кнеземъ молодымъ новобрачнымъ, со всѣмъ бракомъ, со всѣмъ поѣздомъ, съ добрыма команима, съ добрыма команичами. Пресвятая Богородича накладываетъ на меня, передоѣжжаго дружка, на кнезя молодово новобрачново, на весь бракъ и поѣздъ и на добрыхъ команей и на добрыхъ команичь, серебряну ризу монашеську стальнымъ топоромъ подрубаетъ, хрустальныма ножичима остригаетъ, и закопаетъ меня, дружка передоѣжжаго, кнезя молодово новобрачново и весь бракъ и весь поѣздъ, золотымъ копьемъ въ землю въ шесть саженъ въ глуботу, поставитъ въ тритчеть саженъ тынъ въ высоту, запретъ она, пресвятая Богородича, меня, передоѣжжаго дружка кнезя молодово новобрачново, весь бракъ и весь поѣздъ съ добрыма команима съ добрыма команичами, запритъ на 12 замковъ, на 12-ть ключовъ, покинетъ евти ключи на золотое блюдо, да понесетъ Пресвятая Богородича къ Окіяну морю. Придетъ къ Окіяну морю Пресвятая Богородича, броситъ въ Окіянъ море ети ключи. Въ окіянъ морѣ есь рыба шшука... Прибѣжитъ. золѣзные зубы, булатные шшеки, слуданы глаза, мидной лобъ, схвати̂тъ и сглотитъ евти ключи, унесетъ и покинетъ подъ булатный камень, и никому же евтыё шшуки съ моря не изловить. Не взеть никому евтихъ ключовъ подъ булатнымъ камнемъ, не найти также меня, дружка передоѣжжов, молодово кнезя новобрачново, со всѣмъ бракомъ, со всѣмъ поѣздомъ, съ добрыма команима, съ добрыма команичима, не испортить, не обурочить ни кому, ни колдуну, ни колдуничѣ, ни еретикамъ, ни еретичамъ, ни дѣвкамъ простоволосымъ, ни бабамъ долговолосымъ, столько имъ битьча надъ булатнымъ камнемъ, сколько не побитьча, не разбить, не расколоть, также надо мной, дружкой храбрымъ, передоѣжжимъ, кнеземъ молодымъ новобрачнымъ, всѣмъ бракомъ, всѣмъ поѣздомъ, добрыма команима, добрыма команичами, урочливымъ, прикосьливымъ золѣзная спича въ горло, дрисвянный камень въ зубы, овсяная мякина въ глазъ; какъ золѣзныя спичи имъ въ горло не проглотить, дрисвяннаго камня въ зубахъ не покусать, овсяной мякины въ глазу не пзсыпать, меня, дружка, не испортить не обурочить, аминь. Тѣмъ словомъ кои слова переговорилъ, коего слова нѣтъ, будь мое слово во всѣхъ словъ напередь, будьте мои слова крѣпки, митки и памятливы; вы мои слова ключъ да замокъ и въ семъ заговорѣ замокъ въ ротѣ, а ключь въ морѣ».

При послѣднихъ словахъ заговора, дружка съ подружьемъ быстро и ловко вскочили въ сани, Григорій ударилъ по лошади и пустился во весь духъ, а поѣздъ за нимъ.

---

[1]) Комани—кони, лошади.
[2]) Команичи—кобылицы.

Скоро встрѣтился прохожій и отвѣсилъ низкій поклонъ поѣзду, а дружка продолжалъ:

Міръ-народъ старые,
Усатые, бородаты,
Холосты не женаты,
Бѣлы кудреваты,
Молодчи вожеваты,
Стрѣльчи борчи,
Кулачные бойчи,
Удалые добры молодчи,
Благословляйте нашево князя
Молодово новобрачново.

ОЧЕРКЪ VI.

Сватанье.

Среди ночнаго мрака, какъ какое нибудь фантастическое чудовище, извивается по лугамъ и полямъ, ныряетъ по ухабамъ, виляетъ по раскатамъ, звонитъ, шумитъ, скрыпитъ жениховъ поѣздъ молодецкій, и наконецъ влетаетъ въ одну, другую деревню и останавливается у избы Хрѣна. Лихой дружка съ подружьемъ выскочили изъ саней, и Григорій обратился къ поѣзжанамъ съ такою рѣчью:

Благословите меня,
Передоѣжжово дружка,
Съ молодымъ подружьемъ,
Подъѣхать ко кнегинину двору,
Къ широкому, терему высокому,
Войти въ свѣтлыя свѣтличи,
Въ новые горничи,
Съ умильною ричью,
Съ ласковымъ словомъ,
Съ низкимъ поклономъ,
Прикажите челобитье справить,
Челомъ ударить,
Низкой поклонъ воздать,
Про кнегинино здоровье спросить
И що свое разсказать
И всѣмъ путь дорогу указать.

Поѣзжане отвѣчали:
— Идите съ Богомъ.
Дружка обратился къ зрителямъ:

Я, дружка передоѣжжій, ѣхалъ
По чистымъ полямъ,
По быстрымъ рѣкамъ,
По большимъ дорогамъ...
Попадаетъ мнѣ встричу
Старый и малый...
Я, дружка храбрый, просилъ:
Благословите меня,
Храброво дружку передоѣжжово
И путь дорогу укажитё
И высокъ теремъ покажитё?
Они меня благословляли,
Путь дорогу указали;
Но кнегинина двора
И высоково терема не указали!
И сказали мнѣ:
Поѣзжай ты, дружка,
Не по широкимъ уличамъ,
Не по мелкимъ тропамъ,
Не по частымъ слидамъ,
По большимъ по дорогамъ,
Заѣдешь ты
Въ большое село въ деревню,
На кончѣ деревни
Стоитъ высокъ теремъ;
У высоково терема
На широкой уличѣ
Стоитъ глазѣющихъ
Толпа людей,
Старыхъ и малыхъ,
Усатыхъ и бородатыхъ...
Я подъѣхалъ, дружка,
Къ высокому терему.
Увидѣлъ много людей,
Старыхъ и малыхъ,
Усатыхъ бородатыхъ...
Я у васъ хочу спросити,
Не сказочку сказати,
Не загадочку загадати,
Не писенку хочу вамъ спити...

Я у васъ хочу спросити:
Та-ли кнегини широкая улка?
Тотъ-ли высокъ теремъ?
Вы мнѣ скажитё, не утаитё:
Тотъ ли высокъ тиремъ?
И тѣ-ли хрустальныя ворота?
Повторяетъ:
Тотъ-ли высокъ тиремъ?
Тѣ-ли хрустальны ворота?
Я въ здѣшнемъ селеньи не бывалъ...

Зрители отвѣчали: «тотъ, тотъ»!

— Вѣрно-ли молодчи? спросилъ дружка и получилъ въ отвѣтъ:

— Вѣрно, вѣрно!

Григорій продолжалъ:

Благодарю васъ покорно!
Вы сушшую правду мнѣ объявили,
Меня не озапанули,
Кнежьнинъ дворъ сказали,
Ворота показали.
Вотъ вамъ за то поклонъ
До сырой земли.
Здравія желаю, молодчи!!

Дружка съ подружьемъ стали со всѣми здороваться и отвѣшивать низкіе поклоны, послѣ чего Григорій сказалъ:

— Разступитесь честные господа, добрые молодцы, пропустите меня ко высокому крылечку кнегини молодой.

Зрители разступились, и Григорій съ подружьемъ пошли по крыльцу, начитывая:

Не самъ собою сюда пріѣхалъ,
Не нахально, не навально,
Не самовольно званъ;
А послалъ меня кнезь молодой новобрачный
Домъ ее отыскать
И дорогу велѣлъ узнать.
Ежели тотъ ее самый дворъ,
Разступитесь вы на двѣ стороны,
Пропустите меня, передоѣжжово дружку,
Съ молодымъ подружьемъ,
Къ ея высокому тирему,
Ко крыльчу билодубовому.

Подымаясь на лѣстницу, онъ спрашивалъ:

У кнегини молодые новобрачные
Испоставлены ли у дверей придвернички,
У воротъ приворотнички?
Стоятъ ли каравулы крѣпки?
И наказано ли вамъ,
Какъ заслышите наши колокольчики пивки
И меня, передоѣжжово дружка,
Приказано ли вамъ замки висячи
И запоры булатны вынимать,
И ворота хрустальны отпирать
И стричать меня, передоѣжжово дружка,
Съ молодымъ подружьемъ,
Отъ кнезя молодова новобрачново,
Съ ласковымъ словомъ,
Съ низкимъ поклономъ?
И вы, молодчи удалые,
У дверей придвернички,
У воротъ приворотнички
Прикажите мнѣ,
Передоѣжжему дружкѣ,
Съ молодымъ подружьемъ,
Съ широкой улички
Сходить, подыматча
По лисинкѣ калиновой,
На крылечко дубово,
Къ воротамъ хрустальнымъ,
Іисусову молитву сотворить
И свято проговорить?

Потомъ: сами скажете или мнѣ прикажете?

Невѣстинъ дружка (по мѣстному сторожъ), изъ-за запертыхъ дверей имъ отвѣчалъ:

— Мы вамъ приказываемъ съ широкой улицы на лисинку подниматься, Іисусову молитву творить, свято говорить.

Григорій прочиталъ Отче нашъ, затѣмъ, постучавъ въ двери, сказалъ:

Миръ вамъ!
Мы пріѣхали къ вамъ!
Здравствуйте господа!
Мы пріѣхали сюда
Погулять повеселитьча,
Съ вами познакомитьча,
Кнегинѣ передобрачной разъ-
есниться.

Потомъ прочиталъ: Во имя Отча и Сына и Св. Духа... «Аминь»,отвѣчали изъ-за дверей. Григорій заговорилъ:

Вамъ спасибо на аминѣ,
На вѣжливомъ словѣ,
На ласковомъ привѣтѣ!
Голосъ твой слышу,
По имени назвать не знаю,
Извиличать не умію!..
Я не самъ собою сюда заѣхалъ,
Не нахально, не самовольно
Названъ по приказу ево,
Голубя сизово, лебедя бѣлово,
Кнезя молодово новобрачново.
Выходилъ я, отъ кнезя молодово,
Изъ высокаго тирема
На шировую уличу.
Садился я на своево доброво коня,
Въ санки-скочки-пошевеночки,
И благословлялъ меня кнезь
Молодой, новобрачной,
Попередь ѣхать,
Путь дорогу править
И кнегини вашей дворъ отыскать
И низкой поклонъ ей воздать!
Не указалъ онъ мнѣ не пути не
дороги,
Не пѣшеходной тропинки.
Ѣздилъ я, передоѣжжій дружка,
Съ молодымъ подружьемъ,
По лузьямъ по борамъ,
По чистымъ полямъ,
По зеленымъ лугамъ,
По сіонскимъ горамъ...
И не путемъ и не дорогою;
Скакалъ мой добрый конь,
Съ горы на гору,
Съ холмы на холму...
Темныя лѣса хвостомъ устилалъ,
Мелкія тычины промежъ ноги пу-
скалъ.
Доскакалъ мой добрый конь
Къ синему морю, до бѣлаго озера...
Ни ково не вижу не конново ни
пѣшово;
Только и вижу,
Штё на бѣломъ озерѣ
Сидятъ гуси, лебеди
И сѣрыя утки...
И спросилъ я гусей и лебедей
И сѣрыхъ утокъ,
Вы скажитё, не утаитё,
Гдѣ кнегининъ дворъ стоитъ?
Гдѣ ее высокъ тиремъ
И широки новы ворота?
И они сказали, натакали,
Гуси, лебеди отвѣчали,
На путь дорогу указали:
Поѣжжай ты, передоѣжжый дружка
Съ молодымъ подружьемъ,
По быстрымъ рикамъ,
По чистымъ полямъ,
По большимъ дорогамъ.
Попадутча тебѣ встричу
Старый и малый.
Ты, храбрый дружка,
У старово, у малово спроси.
Тебя старый и малый натакаютъ
И путь дорогу укажутъ.
Я дружка-храбрый,
Ѣхалъ, поѣхалъ,
До чистово поля доѣхалъ,
Попадаетъ мнѣ на встричу
Старый и малый...
Я, у старово и малово,
Храбрый дружка, спросилъ:
Скажитё, мнѣ не солгитё,
Гдѣ кнегининъ высокъ тиремъ
стоитъ?
Хотя мнѣ гуси, и лебеди сказали
И путь дорогу указали
Но я, храбрый дружка,
Гусямъ и лебедямъ не повѣрилъ.
Старые и малые,
Я хочу у васъ спросить
Вы скажитё, не утаитё не солгитё,
Сушшей правдой меня надѣлите,
На путь дорогу меня натакайтё.
Старый и малый
Мнѣ сказали,
Путь дорогу указали:

Поѣзжжай ты, храбрый дружка,
Попадетъ тебѣ большое село, деревня.
Въ томъ большомъ селѣ,
На кончѣ диревни,
Стоитъ дворъ, какъ тиремъ,
Изба, какъ городъ.
На уличу пріѣхалъ...
Увидѣлъ стоитъ много
Старыхъ и малыхъ,
Усатыхъ, бородатыхъ,
Молодыхъ не жонатыхъ
Они мнѣ, дружкѣ храброму, сказали
И кнегини молодой домъ указали.

Когда изъ-за дверей послышался вопросъ:
— Откуда ѣхалъ? Куда пріѣхалъ?
Григорій отвѣчалъ:

Я, передоѣжжій дружка,
Съ молодымъ подружьемъ,
Ѣхалъ чистымъ полемъ,
По зеленымъ лугамъ,
И подъѣхалъ къ синему морю,
Къ бѣлому озеру,
Во зеленый лугъ
И тутъ увидѣлъ, стоитъ крестовъ дубъ.
И доѣхалъ я, передоѣжжій дружка,
Съ молодымъ подружьемъ,
Подъ тотъ сырой дубъ,
Сходилъ я съ своихъ санковъ-скочковъ,
Обошелъ его вокругъ.
Крикнулъ, гаркнулъ соловьинымъ посвистомъ,
Молодечкимъ голосомъ...
Изъ подъ тово дуба
Выскочила кунича и лисича,
Слидъ проложили и тропу пробили;
И дала мнѣ кунича слидочикъ...
А не та кунка,
Которая по лѣсамъ ходитъ,
А та кунка, которая
Въ высокомъ тиремѣ сидитъ
На решетчатомъ стулѣ,
Шьетъ шолковую ширинку
Нашему кнезю
Молодому новобрачному.
И поѣхалъ я по тому слѣдочку,
По чистому полю,
По зеленымъ лугамъ...
И довелъ меня тотъ слидочикъ
До широкой уличи,
И на той широкой уличи
Стоятъ добры молодчи.
И спросилъ ихъ, добрыхъ молодчовъ:
Тотъ-ли кнегининъ дворъ стоитъ
И тотъ-ли высокъ тиремъ?
Они мнѣ сказали, натакали
И ворота указали.
И пришелъ я къ тѣмъ воротамъ,
Палъ куній слѣдъ подъ воротину,
Изъ двора не вышелъ.
И вы куній слидъ отведитё
Либо ворота отопритё.

— Кто поетъ?.. Комаръ али муха?—спросилъ невидимый придверникъ.
Послѣдовалъ отвѣтъ Григорія:

Я не комаръ—не муха,
Таковой-же человѣкъ
Отъ Святово Духа,
А вы куній слидъ отведитё
Либо ворота отопритё!

За дверью сказалъ голосъ:
— Слидъ хоть до воротъ дошелъ, да подъ кутнёе окошечко ушелъ.
На это Григорій отвѣчалъ:

Нашъ кнезь молодой новобрачной,
Мышёвыми тропами не бѣгаетъ,
Собачьимъ лазьёмъ не лазитъ,
А прямо ко кнегининымъ
Воротамъ приступаетъ
И слидомъ кнегинины ворота вышибаетъ.
Куній слидъ отведи
Либо ворота отопри!

Невидимка сказалъ:
— Была у насъ кунича да въ лѣсъ ушла!

Григорій отвѣчалъ:

Я не песъ, не сука,
По куньему слиду не хожу.
Куньяво слиду не дослижаю
И куничи не стрѣляю.
Кнезю молодому на шубу не принасаю
И къ вамъ на дѣвишникъ не поставляю.
У нашево кнезя
Шуба лисья,
Воротникъ соболій,
Шапка боброва,
Кушакъ шолковой!
Вы одначе меня, доброво дружка, пропуститё
Во свѣтлую свѣтличу погритча.
Я, храбрый дружка, ѣхалъ,
Переходы большіе,
Переѣзды частые.
Доѣхалъ до чистово поля...
Въ чистомъ полѣ огороды худые,
Заборы частые,
Заворотничи тугіе,
Не могъ отворить
Своево доброво коня стегнулъ...
Мой добрый конь
За заборъ перескочилъ,
Копытча заломилъ,
Подкову затупилъ.
Ѣхалъ, поѣхалъ...
Буйнымъ витромъ поддувало,
Меня морозомъ подтыкало.
Глаза слипались,
Губы смерзались,
Вы, удалые
Добры молодчи!
Ворота отопритё
Меня, храброво дружка,
Погритча пропуститё.

За дверью отвѣчали:
— У нашей кнегини горнича не топлена, холодна, и вамъ, храбрый дружка, не согрѣтьча...
Григорій возразилъ:

У васъ горнича
Топорами рублена,
Мохомъ перекладена,
Буйными витрами не поддуваетъ.
Глаза мои не сольнутча,
Губы мои не смерзнутча,
Съ меня, храброво дружки,
Потъ-отъ горохомъ польетъ,
Пѣна клубками пойдетъ.
Штё вы сами ѣдитё—кушаетё,
Сами надкушайте и намъ подадитё.
Вы, удалые,
Добрые молодчи,
Ворота отопритё
И въ свѣтлую свѣтличу ко кнегинѣ
Меня, храброво дружка, пропуститё.

Изъ-за двери отвѣчали:
— У насъ кнегиня молодая въ банѣ паритча.
Григорій гордо возразилъ:

Я, дружка храбрый,
По прибанничкамъ не хожу,
Кнезя молодово въ чужой банѣ не парю,
У насъ у кнезя молодово
Дома баня дубова,
Двери мидны,
Замки булатны,
Ключи златые.
Въ евтой банѣ
Полокъ хрустальной,
Тазы мидны,
Мыло москосько.
Ты, кнегиня молодая,
Не скочись, не гордись
Въ чужой сторонѣ,
Въ банѣ на полокъ не скачи,
Если скочишь, то ножки обваришь.
Вы, удалые,
Добры молодчи,
Ворота отопритё
И меня, храброво дружка,
Въ свѣтлую свитличу
Ко кнегинѣ пропуститё!

Изъ-за двери отвѣчали:

— Ты, дружка, обратно домой поѣзжай и пріѣзжай къ намъ, не нагъ не оболченъ, и коня сново поставь не на дворѣ, не на улицу.

Григорій отвѣчалъ:

Я, дружка храбрый,
Домой не отъѣзжаю,
Конопля не пряду,
Неводовъ не вяжу,
Да на себя мережъ не натягаю,
А своево доброво коня
Ставить не на дворъ
Ни на уличу нельзя—
Дуга высока...
Санки—скочьки,—пошевеночки.
Вы удалые, добры молодчи,
Ворота отопритё,
Меня, храброво дружка, пропуститё.

За дверью послышалось:

— У насъ кнегиня молодая замкомъ ворота заперла и ключь въ морё кинула.

Григорій продолжалъ:

Нашъ кнезь молодой новобрачной,
Ѣздилъ къ синему морю,
Нанялъ рыбныхъ ловчовъ,
Удалыхъ молодчовъ,
Кинуть въ сине море,
Шелковый неводъ,
И въ той тонѣ
Попала бѣлая рыбича,
И въ той бѣлой рыбичѣ
Нашелъ нашъ кнезь новобрачной
Отъ хрустальныхъ воротъ
Золотые ключи;
И послалъ меня кнезь
Молодой новобрачной,
Съ молодымъ подружьемъ,
Со златыми ключами,
Ко кнегинѣ молодой новобрачной,
Къ высокому тирему,
Подъ кутнё окошко...
И кнегиня молода новобрачная
Снимала съ себя
Шолковый поясокъ,
И на томъ шолковомъ пояскѣ
Златые ключи принимала.
И вы сходитё ко кнегинѣ
Молодой новобрачной
Въ высокъ тиремъ,
И ее златые ключи возьмите,
И ворота отоприте,
И меня, передоѣжжово дружку,
Со молодымъ подружьемъ,
Къ ей, въ высокъ тиремъ, пропуститё.

Не зная, что больше спрашивать, изъ-за-двери отвѣчали:

— Передала намъ наша кнегиня молодая ключи золотые, штёбъ мы двери отворили, гостей просили.

Дверь отворилась, и невѣстинъ дружка сказалъ:

— Милости просимъ, дорогіе гости!

Но Григорій не тронулся съ мѣста и сталъ начитывать:

Придвернички у дверей,
Приворотнички у воротъ,
Отпирайтё замки висячія,
Вынимайте запоры булатныя
И кладите съ нашей стороны на лѣво,
А съ вашей на право.
Отворяйте ворота хрустальные
И пропускайте меня,
Передоѣжжово дружка,
Съ молодымъ подружьемъ
На мосты калиновыя.
И ешшо извольтё намъ сказать,
Не утаить: Не имѣетча-ли у вашей
Кнегини молодой новобрачной,
На новыхъ синяхъ, переходовъ соломенныхъ близко?
Перекладинъ низко?
Штё-бы намъ ступить, не оступитча
Шапки не сшибить,
Головы не расшибить...
Здраствуйте, сватовья и сватьи.

Стоящіе у дверей стали увѣрять его, что опасаться нечего; но Григорій не вѣрилъ и продолжалъ начитывать, переступивъ одной ногой за порогъ, а другой сталъ

на крыльцѣ (чтобы не попасть въ просакъ, такъ какъ не рѣдко дружка невѣсты, желая сконфузить противника, вынимаетъ у входа половыя доски).

Которые стояли у дверей придверники,
У воротъ приворотнички,
Сходили бы ко кнегинѣ
Молодой новобрачной,
Въ ея высокъ тиремъ и доложили.
Послала бы она гостей полюбовныхъ
Встрѣтить нашево кнезя
Молодово новобрачново,
Безъ тово идти не хочетъ,
Ко кнегинѣ молодой новобрачной.
Въ томъ ее проситъ:
Лисенки перебрать,
Высокое крылечко прiупустить,
Колоды разобрать,
Пороги вынять;
По калиновымъ мостамъ
Сукна разостлать—
Нашему кнезю
Молодому новобрачному
По лисенкѣ пройти,
Шагу не прибавить,
Черезъ высокiе пороги
Ногъ не воздымать,
А по сукнамъ пройти,
Сапоговъ не замарать.
У нашево кнезя
Шуба то лисья,
Воротникъ то соболiй,
Шапочка боброва,
Кушакъ шолковой,—
Сапоги то со скрипомъ,
Подборы высоки,
Закаблучья мидны,
Шпоры серебряны.
А у нашей у сватеньки,
Башмачки бархотны,
Чулочки войлошны,
Шубка атласна,
Кушаки красны,
Выпушка боброва,
Фата то шолкова.
И въ чемъ нашъ кнезь
Молодой новобрачной проситъ—
Вы все то должны исполнить;
А ежели тово не исполнитё,
Нашъ кнезь молодой новобрачной
Безъ тово въ домъ вашъ не пойдетъ
Извольте нашево кнезя
Молодово новобрачново,
Съ широкой улички,
Въ высокъ тиремъ
На себѣ увести
И весь его кнежеськiй молодечкiй поѣздъ,
На себѣ перенести.
И ешшёбы кнегиня молодая новобрачная
Приказала бы поставить
Къ нашимъ конямъ,
Молодыхъ конюховъ,
Привезать ихъ за столбы бѣлодубовые,
За кольча серебряны, позолочены,
И штёбы на нашихъ конахъ
Збруя была чѣла и сохранна.

Невѣстинъ дружка отвѣчаетъ:

— Кнежино желанiе мы исполнимъ, и кнегини молодой сами пожалуйте стить. Милости просимъ, дорогiе гости.

Григорiй, оставаясь въ томъ же положенiи, началъ спрашивать:

Которые стояли у дверей придверничи
Извольте вы брать
Своею правою рукою за скобу,
Отворайтё дворы на пяту
И пропушшайтё меня,
Передоѣжжово дружку,
Съ молодымъ подружьемъ,
Ко кнегинѣ молодой новобрачной
Въ высокъ тиремъ
Челобитье справить,
Челомъ ударить,
Низкiй поклонъ воздать.
И ешшо извольтё намъ сказать,
Не утаить, не имѣетча ли
У кнегини молодой новобрачной
Въ высокомъ тиремѣ подъ столомъ
Собакъ кусливыхъ,
На печѣ старухъ шумливыхъ,
Маленькихъ робятъ ревливыхъ?
И приказала бы кнегиня
Молодая новобрачная
Собакъ изъ подъ стола вываташить,
Садить на чѣпи,
Старухъ въ подпольё,

Маленькихъ робятъ въ колыбели;
Штёбы собаки меня не искусали,
Старухи не обругали,
Маленькія ребята не обревѣли,
Дали бы со кнегиныимъ
Отчемъ и матушкой
Переговорочку поимѣть.
Ешшё у кнегини
Молодой новобрачной
Пороги высоки,
А у меня, передоѣжжово дружка,
Съ молодымъ подружьемъ
Ноги худые,
Скокъ за порогъ!
Едва ноги переволокъ!

И съ предпослѣднимъ словомъ вошелъ въ избу, а за нимъ и подружье.

Ужъ вы, игричи пивичи,
Молодыя молодичи,
Сизыя голубичи,
Красныя дѣвичи,
Дѣвки отечки,
Жоны молодечьки,
Шолковыя на васъ,
Аленькія платочки,
Бѣлыя волосочки,
Кудрявы ваши височки,
Брови щипаны,
Лича смазаны,
Косы тянуты;—
Походка ваша умильная,
Говоря лебединая,
Вы призамолкнитё, пріутихнитё.
Дайте мнѣ, передоѣжжему дружкѣ,
Съ молодымъ подружьемъ,
У кнегинѣ молодой новобрачной
Въ высокомъ тиремѣ,
Въ здѣшнемъ домѣ благодатномъ,
Съ отчемъ матушкой
Переговорочку поимѣть.

Григорій, остановившись подъ полатями, началъ начитывать:

Я, дружка храбрый,
На ногу не вертокъ
На кулакъ не боекъ,
На ухо не чутокъ,
На глазъ не зорокъ.
Стары, усаты, бородаты,
Кутяна, полотяна,
Разступитесь, расшатитесь
На всѣ четыре стороны,
Давайте мнѣ, храброму дружкѣ,
Пройти, проѣхать
Съ кнеземъ молодымъ
Въ свѣтлую свѣтличу
Ко кнегинѣ молодой.
Надо малому
На ногу не наступить,
А старому ноги не придавить.
Я, дружка храбрый,
По высокому тирему поскакиваю,
Съ ноги на ногу поступываю,
У меня, дружка, у вертушки
Косые глаза:
Черезъ грядку глядятъ,
Жонитча хотятъ,
Старые, усаты, бородаты,
Кутяна, полотяна,
Вы всѣ слушайтё, послушайтё,
Своихъ жонъ въ люди не отпускайтё
И чужихъ не приласкайтё.
Съ чужими жонами
Постель мягка,
Пряники сладки,
Вино зелено и горько,
Пиво пьяно,
Жить бы съ ними только!
Съ своими жонами
Постели не мягки,
Пряники не сладки
Пиво не пьяно,
Вино не зелено и не горько,
И житья съ ними не столько!
Нашему кнезю молодому
Съ нашей со кнегиней молодой,
На совѣтъ да на любовь
Да на долгій вѣкъ.

Дойдя до середины наговора, онъ вышелъ съ подружьемъ изъ подъ полатей, сталъ ухарски похаживать по избѣ и кончивши наговоръ, сказалъ;

Штей-то евто у васъ, хозёинъ, пороги такіе—я всѣ рѣзвыя ноженьки переломалъ?

— О наши пороги хорошіе люди ногъ не ломаютъ: врешь ты дружка храбрый, отвѣчалъ Иванъ Петровичъ.

— Я кажись тоже хорошій человѣкъ, и врать кажись не охочь, да ноженки переломалъ. А коли о пороги хорошіе люди ногъ не ломаютъ, то меня изурочили кутяна... Иди ты, подружье, смотри черезъ рѣзной брусъ, у ково тамъ черны глаза, штё изурочили меня! продолжалъ Григорій.

— Мнѣ не посмотрить, отвѣчалъ подружье.

Штё не доросъ видно? ну я самъ посмотрю, сказалъ Григорій и посмотрѣлъ черезъ брусъ, въ куть.

Дѣвушки притворно всполошились, закрыли лицо руками, а сами сквозь пальчики посматривали на красиваго дружку.

— Вы штё евто голубки сизыя отшатились отъ меня, какъ отъ лютово коршуна? Вы хоть однимъ глазкомъ на меня взгляните, бѣло личо покажите, да писенку пропойте! сказалъ весело Григорій и зачиталъ:

Ждитё-ли нашево кнезя
Молодово новобрачново,
На сей день Господень,
Къ себѣ въ высокъ теремъ,
И со всѣми гостями полюбовными?
И все ли въ вашемъ домѣ благодатномъ
Исправно? Затеплены ли у Святыхъ образовъ
Свѣчи воскояровыя?
И зазваны ли у кнегини
Молодой новой
Всѣ гости полюбовные?
И поставлены ли въ вашемъ домѣ благодатномъ
Столы бѣлодубовые?
И на столахъ бѣлодубовыхъ.
Набраны ли скатерки шолковыя,
Есьва сахарныя,
Питья мидяныя?
Исноскладены ли
По краямъ ложечки
Ножички булатные,
Вилочки точеныя
Тарелочки золоченыя?
Ештё въ переднемъ уголочкѣ,
На бѣлодубовой лавочкѣ,
Посланы ли куньи шубочки,
Собольи лапочки:
Штёбы нашему кнезю
Молодому новобрачному придти и исть.
Все ли готово и все ли исправно?
Я не самъ собой сюда пріѣхалъ,
Не нахально, не навально,
Не самовольно. Позванъ
Съ поприказу ево,
Голубя сизово,
Лебедя бѣлово,
Сокола ясново,
Кнезя молодово новобрачново,
О чемъ имѣю самъ доложить,
Штё прежде меня были посланы
Сватовья вѣрны,
И именно правду сватали,
По рукамъ бились,
Богу молились,
О приданомъ торгъ имѣли,
За столами рука за руку брали,
Ноги за ногу заплетали.
Было ли такъ?

Отвѣтъ:
— Вѣрно такъ!

Ешшо приказалъ кнезь
Молодой новобрачной
У вашей милости спросить
Про кнегиню молодую новобрачную,
Какова она?
Все ли въ добромъ здравіи пребываетъ
И ево къ себѣ дожидала ли?
А нашъ кнезь молодой новобрачной
Находитча въ добромъ здравіи,
По вашему привѣтствію,
На своихъ добрыхъ коняхъ,
Со всѣмъ молодечкимъ поѣздомъ,
Какъ младъ ясенъ соколъ летаетъ,
Сюды поспѣваетъ
Кнезь молодой новобрачной
Челомъ ударить, челобитье справить,
Низкой поклонъ воздать.

Получивши утвердительный отвѣтъ, дружка съ подружьемъ поклонились отцу и матери Тани, и Григорій продолжалъ:

И когда я отъ кнезя
Молодово новобрачново
Принесъ вамъ висточку,
Челобитье справилъ,
Челомъ ударилъ,
Низкій поклонъ воздалъ.
Ешшё приказалъ кнезь
Молодой новобрачной
У кнегини молодой новобрачной
Спросить, чѣмъ она будетъ встричати
И чѣмъ ево въ домъ
Къ себѣ приглашати?
Куничами лисичами ли?
Черными соболями?
Заморскими звирями?
Атласомъ ли бархатомъ?
Златомъ ли серебромъ?
Или скатнымъ жемчугомъ?
Хлѣбомъ ли солью?
Сладкимъ медомъ?
Или пьянымъ пивомъ?
И вы сами изволитё
Нашего кнезя
Молодово новобрачново
Встрѣчати или намъ прикажитё?

На этотъ вопросъ Иванъ Петровичъ и Татьяна Андреевна отвѣтили:
Мы вамъ приказываемъ!
Григорій подошелъ съ подружьемъ къ столу и продолжалъ:

У кнегини молодой новобрачной,
Имѣетча ли, по нашему, сватенка,
А по ее хрёсная матушка?
Наряжена ли какъ куколка?
Просимъ покорно
Налить вина чарку
И пива чашку,
Вытти, выступить
Съ высокаго тирема
На широкую уличу
И встритить нашево
Кнезя молодово новобрачново сватенку;
А наша сватенка не ходитъ
Не по землѣ не по снѣгу.
Ходитъ она по атласу и бархату
И по нѣмечкимъ сукнамъ.
Извольте вы ихъ послать,
Да нашу сватенку встритить;
А наша сватенка пріѣхала,
Очень горделива и спѣсива...
Недойдя до нее,
Три раза поклонись
Да тогда къ ней приступись.
И брала бы она за бѣлыя руки
Изъ саней подымала,
Въ сахарныя уста чоловала,
Чарку вина и чашку пива подавала
И тогда въ высокъ тиремъ призывала,
А ежели она безъ вашего встричечнья
Изъ саней выйдетъ на широкую уличу
И будётъ здыматча по лисенкѣ калиновой
На крылечко бѣлодубовое,
На первую ступень ступитъ,
Сто рублей вамъ платить,
А другую двисти, а третью триста,
А на моста калиновыя зайдетъ,
Вашему дому не будетъ подъёму.

Затѣмъ, взявши со стола блюдо, положилъ на него три мучныхъ пирога, два внизу рядомъ, а одинъ на верху. Подружье взялъ ендову съ пивомъ. Пироги и ендову покрыли кусками бѣлаго холста, и Григорій зачиталъ:

Когда вы мнѣ приказали
Нашево кнезя молодово новобрачново
Встритить, прикажите ево
Къ себѣ въ домъ позвать,
Со всѣми гостями его полюбовными?

Иванъ Петровичъ и Татьяна Андреевна отвѣчали:
— Мы вамъ приказываемъ просить его со всѣми гостями полюбовными.
Григорій опять сталъ просить:

Ешшё бы приказали засвѣтить
Свичу сальную и намъ посвѣтить
Штёбъ мнѣ, передоѣжжему дружкѣ
За штё не запнутча,
Пироговъ не уронить,
А подвоському пива не пролить,
Всѣмъ будетъ чесно
И намъ хорошо.

Свѣчу зажгли. Крестный Тани взялъ ее и сталъ свѣтить; Григорій же съ подружьемъ вышли изъ избы. За ними вышла крестная мать Тани съ двумя стаканами водки, за нею гости со стороны Тани. Григорій съ подружьемъ, свахой и гостями тоже спустился съ лѣстницы на улицу и обратился къ Петру и его поѣзжанамъ съ слѣдующею рѣчью:

Кнезь молодой новобрачной,
Милости просимъ сходить
Съ широкой уличи,
Подыматча по лисенкѣ кленовой
На крылечко дубовое,
На моста калиновыя.
Бьетъ челомъ и встричаетъ
Кнегиня молодая новобрачная
Хлѣбомъ, солью, сладкимъ медомъ
И сверхъ тово пьяной переварой!
Извольте пирогъ ломать
На двое, стыкать въ одно мѣсто
И сливать пиво на трое,
Первый разъ пониже,
Второй разъ повыше,
А третій разъ и тово повыше!

Когда Петръ вышелъ изъ саней, Григорій, снявъ холстъ, поднесъ ему блюдо съ пирогами. Петръ переломалъ пироги, сложилъ ихъ концами и въ прежнемъ порядкѣ положилъ на блюдо; передавъ блюдо ближайшему изъ гостей Григорій раскрылъ ендову, зачерпнулъ ковшемъ пива, поднялъ надъ ендовой и вылилъ обратно; зачерпнулъ другой разъ, поднялъ повыше и вылилъ обратно, зачерпнулъ третій разъ, поднялъ еще повыше и вылилъ назадъ (этотъ обрядъ соблюдается вслѣдствіе повѣрья, что отъ него жизнь жениха съ молодою будетъ дѣлаться лучше и вѣрнѣе). Свахи въ это время здоровались, цѣловались и пили водку, стараясь выпить скорѣе одна другой, а то медленно пьющей сейчасъ бы долили стаканъ. Григорій же обратился къ жениху и поѣзжанамъ съ наговоромъ:

Кнезь молодой новобрачной
И весь кнежеській молодечкій поѣздъ!
Приказала мнѣ кнегиня
Молодая новобрачная
Позвать, попросить
Въ её высокъ теремъ,
Погостить, хлѣба кушать,
Да сладково меду пить.
Не всѣмъ понимянно,
А всѣмъ челомъ бьетъ,
Низко кланяетча.
Милости просимъ!

Установивъ порядокъ, какъ кому идти, началъ подыматься на лѣстницу съ наговоромъ:

Господи Іисусе Христе!
Ѣхалъ я, храбрый дружка,
По чистымъ полямъ,
По зеленымъ лугамъ.
Ѣхалъ попоѣхалъ,
До кнегинина двора доѣхалъ.
Кнегининъ дворъ
Мнѣ добрые люди зыскали,
Хрустальныя ворота указали.
Я—храбрый дружка,
Меня у хрустальныхъ воротъ
Долго держали:
Все загадки загадывали,
Одной загадки не загянули,
То я бы, храбрый дружка, отганулъ [1]),
А ворота отпирали,
Меня, храбраго дружку,
Въ сини пропускали.
На бѣлодубовомъ крылечкѣ стоялъ
Весь я озябъ, весь перезябъ.

[1]) Слѣдовало-бы—какой бы загадки ни загянули, то и пр.

У кнегини молодой,
Попросилъ родимаго батюшку
И родную матушку.
Онѣ меня, храбраго дружка, встрѣтили
Хлѣбомъ солью,
Пивомъ пьянымъ,—
Вы, стары малы
Усаты, бородаты,
Раступитесь, разшатитесь!
У меня, храбраго дружки,
Съ пива пьянаго,
Серьчо захватило,
Голова кружитча:
Надо кому на ногу не наступить,
И ноги не отдавить!

За Григоріемъ пошелъ Петръ, за Петромъ крестный его, потомъ тысяцкій и другіе поѣзжана по старшинству. Между зрителями пронесся говоръ: идутъ, идутъ! и дѣвушки въ кутѣ запѣли:

Какъ на уличѣ дожжи идутъ,
Да на мосту роса падетъ,
Въ тирему дары дерутъ,
На блюдечко кладутъ,
Да на то на серебрянное
— кого дарить хотятъ?
— милую ладушку
— Петра Яковлича!
— дарить хотятъ, жаловать
— Петра Яковлича.
— принимай дары, не крятайся [1])
— бери даръ, не гнѣвайся!
— не гнѣвайся да не котосайся, [2])
— въ уголъ, рожей не ворочайся,
— не дивуйте [3]) бояра,
Да на мои хитры [4]) дары:
— мои тѣ хитры дары,
— не тонко прядены,
— не сизно [5]) вытканы
— не бѣло убѣлены,
— не вамъ были лажены,
— вамъ пригодилися,
До васъ долежалися.
А будете насъ дарить,
Такъ мы васъ будемъ хвалить,
Да добро говорить;
А не будете насъ дарить,
То мы будемъ васъ бранить,
Да и не добро говорить,
Да бранно, порато [6]) собаковато [7]).

Съ послѣднимъ словомъ Григорій вошелъ въ избу и сказалъ громко:
— Здравствуйте сваты и сватьюшки, родъ и племя!
Ему Иванъ съ Татьяной и другіе отвѣчали:
— Милости просимъ, дорогіе гости!

Въ дверяхъ показался Петръ, хозяева встрѣтили его у дверей, поздоровались съ нимъ и просили пожаловать къ столу, Петръ бодро вошелъ въ избу, снялъ верхнюю шубу, отдалъ её родственникамъ Тани, помолился иконамъ, поклонился на право и на лѣво и сталъ у стола.

Таня изъ-за-занавѣски стала разглядывать лицо своего Петруши и прошептала три раза: «не я тебя боюсь, Татьяна Ивановна, а ты, Петръ Яковлевичъ, меня бойся!»

Подружки Тани не отставали отъ нея: онѣ тоже высмотрѣвъ изъ-за-занавѣски какого нибудь красавца, отсылали къ нему свои нашептыванія, и каждая изъ нихъ, чтобы привлечь къ себѣ этого красавца, читала въ устъ наговоръ.

За Петромъ начали входить поѣзжане. Они отдавали верхнее платье родственникамъ Тани, а сами становились полукругомъ на срединѣ избы; сватенка-же стала поближе къ кути. Крестный-же отецъ Петра подошелъ къ Ивану Петровичу, сталъ тихонько трепать его по плечу и начитывать про себя:

---

[1]) Не капризничай.
[2]) Не ломайся отъ слова «котосать»—ломать, мѣстное выраженіе.
[3]) Не осуждайте.
[4]) Не мудры.
[5]) Не гладко, не чисто.
[6]) Очень.
[7]) Не хорошо.

Какъ безъ пару, безъ жару,
Не могутъ не жить не быть,
Такъ-бы безъ моево жониха,
Не могли не жить и не быть,
Ни дни днивать,
Ни ночи спать,
Ни часу часовать,
Ни минуты миновать,
Ни времени коротать,
Ни на постелѣ лежать,
Спали-бы, лежали,
Все-бы моево жениха
На умѣ дёржали,
Отъ нынѣ до вѣка, Аминь!

Когда вошли всѣ гости и внесли за свахой ящикъ съ дарами, Григорій обратился къ хозяевамъ съ монологомъ:

Садите князя молодово новобрачново
За скатерти шелковыя,
За сахарныя питья медовыя,
За ложечки кленовыя,
Ножички булатныя,
Вилочки точены,
Тарелочки золочены,
И садите ево въ передній уголочикъ,
На бѣлодубовые лавочки,
На куньи шубочки,
Собольи лапочки,
Подъ святыя образа,
Свичи воско-яровыя,
На почтенное мѣсто,
Гдѣ ево на сей день Господень
Богъ почтилъ.
И всѣхъ нашихъ поѣзжанъ,
Князя молодово новобрачново
Гостей полюбовныхъ
Извольте садить по чинамъ
По мѣстамъ почтеннымъ,
Кому подлѣ ково подлежитъ,
А меня, передоѣжжово дружку,
Съ молодымъ подружьемъ,
На бѣлодубову скамеечку,
Къ приголовочку.

Отецъ и мать Тани просили гостей садиться за столы, какъ кому дружка храбрый укажетъ. Григорій разсадилъ по порядку всѣхъ гостей и, посадивъ Петра, оставшагося у стола, обратился къ хозяевамъ съ начитываніемъ:

Извольте къ бѣлодубовымъ
Столамъ приступитча,
У всево браку, у всего поѣзду,
У большихъ бояръ,
У меньшихъ бояръ
Шапочки рукавички прибрать,
Шубы куньи не измять;
У нашево князя молодово
Шуба-то кунья,
Воротникъ-отъ соболій,
Вынушка боброва,
Шапочка пухова,
Кушакъ-отъ шолковой,
А перчаточки-то
Изъ Сибири доставаны
И дорого плачены,
Чѣны не списаны или несказаны.
У нашей княгини молодой новобрачной
Сватенки шубочка атласная,
Кушакъ-отъ красной,
Фата-то шолкова,
На головѣ кокошникъ,
На голь золотой.
Извольте все у насъ
Прибрать и убрать,
Подалѣ положьтё,
Поближе возьмете
И намъ на руки сдайтё, не утеряйтё.
Какъ отъ насъ съ рукъ снимаете,
Такъ намъ и на руки сдавайте,
То вамъ будетъ чесно
И намъ хорошо.
Вѣрно-ли такъ? слушайтё!..
Ему въ отвѣтъ
«Вѣрно такъ, слушаемъ»...

Иванъ Петровичь съ женой отобрали у поѣзжанъ рукавицы, шапки и отнесли въ голбецъ, а Григорій ихъ спросилъ:

Извольте къ бѣлодубовымъ
Столамъ приступить,
И хочу у вашей милости спросить:
Сами-ли вы изволите садить
Кнегиню молодую новобрачную
За столы бѣлодубовые,
За скатерти шолковыя,
За сахарныя питья медовыя,
За ложечки кленовыя,
Ножички булатныя,
Вилочки точеныя,
Тарелочки золочены,
Посадите ее во передній уголокъ
На бѣлодубовую лавочку,
На куньи шубочки,
Собольи лапочки,
Подъ святыя образа,
Воско-яровыя свичи,
Подлѣ кнезя молодово новобрачново,
На то почтенное мѣсто,
Гдѣ ее Господь Богъ
На сей день почтилъ,
Или намъ прикажите въ куть
За занавѣсу идти?

На это Иванъ Петровичъ съ женой отвѣчали:
— Мы вамъ приказываемъ.

Заручившись этимъ совѣтомъ, Григорій взялъ со стола блюдо и подошелъ къ сватенкѣ, которая, отперевъ ящикъ, выложила на блюдо туалетныя принадлежности: мыло, румяна, бѣлила и т. п. Григорій пошелъ съ блюдомъ къ кути, а подружье понесъ за нимъ братыню съ пивомъ. Приподнявши занавѣску, Григорій заговорилъ:

Ужъ вы, игричи-пивичи,
Молодыя молодичи,
Красныя дѣвичи,
Пирожныя мастеричи,
Шанежныя [1]) голубчи,
Дѣвочки отечки,
Жоны молодечки!
Шолковыя на васъ
Аленькія платочки,
Бѣлыя волосочки,
Кудрявыя ваши височки,
Брови щипаны,
Рожи мазаны,
Носы тянуты,
Подчеревочьки [2]) глажены,
Къ дѣвичнику лажены.
Походка ваша умильна,
Говоря лебедина.
Разступитесь вы, разшатитесь
На двѣ стороны!
Пропустите меня,
Передоѣжжово дружка,
Съ молодымъ подружьемъ,
Отъ нашего кнезя
Молодово новобрачново,
Въ куть за занавѣсу,
Частую, перебранную,
За тонкую полотняную,
До кнегини молодой новобрачной
Съ подарками,
Съ чулочками, башмачками,
Зъ мыльчима, бѣлильчима,
Съ румянчима, зеркальчима
И гребешкомъ.
Ты, кнегиня молодая, новобрачная,
Изволь встать
На свои рѣзвыя ноженки!
Мы бьемъ челомъ,
Низко кланяемся
Кнегине молодой новобрачной,
Милости вашей подарками,
Чулочкима, башмачками,
Мыльчемъ, бѣлильчемъ, румянами,
Гребешкомъ и зеркальчемъ
И сверхъ тово сладкимъ преничкомъ.
Протягай ты
Свои бѣлыя рученьки,
Принимай отъ кнезя
Молодово новобрачново подарки
И отдавай своей родной матушкѣ.
Принимай мало,
Почитай за благо!
У нашево кнезя
Молодово новобрачново
Болѣе не случилось.

[1]) Лепешка, налитая сверху толченымъ картофелемъ, въ прѣсномъ молокѣ.
[2]) Разноцвѣтныя пояса съ кистями.

Дѣвушки разступились, а Таня встала на ноги. Григорій съ блюдомъ въ рукахъ, а подружье съ братыней остановились передъ ней. Какъ будто не замѣчая, что Таня уже стоитъ, Григорій продолжалъ:

Ты, княгиня молодая,
На ножки встань,
Подарочки прими
И низкій поклонъ воздай!

Таня протянула было руку за подарками, но Григорій быстро отдернулъ блюдо и сказалъ:

Экая ты, кнегиня молодая,
Спѣсивая и гордая:
На рѣзвыя ноженьки не вставала,
А подарочки принимала,
Ни низково поклона не воздавала.
Ты, кнегиня молодая,
На рѣзвыя ноги вставай,
Поклонъ воздай,
А тогда и подарочки принимай!

Таня опять было протянула руку къ подаркамъ, но Григорій опять отдернулъ блюдо и сказалъ:

Какъ бѣлая берозонька устилаетча,
Такъ кнегини молодой новобрачной
Рученька за подарочками протягаетча.

Послѣ этихъ словъ Таня отвѣсила Григорію три поклона, и онъ со словомъ: принимай, благословясь,—подалъ ей подарки, а подружье пиво, прося откушать. Таня взяла подарки, передала ихъ матери, откушала пива и передала братыню подругамъ, взяла у Григорія блюдо, положила на него полотенцо, вышла изъ кути, низко поклонилась Петру и поднесла полотенцо. Петръ взялъ полотенцо, поблагодарилъ Таню, и она возвратилась въ куть. Выйдя съ подружьемъ изъ кути, Григорій заговорилъ:

Ужъ вы игричи, пивичи,
Молодыя молодичи,
Разступитесь, разшатитесь
На всѣ четыре стороны,
Пропустите отъ нашего кнезя
Молодово новобрачново
Сватенку въ куть,
За занавѣску частую, перебранную,
За тонку полотняную:
До кнегини молодой новобрачной
Взеть ее за правую руку,
За бѣлыя персты,
За златыя перстни,
За столъ вести ея,
За столы бѣлодубовые,
За скатерти шолковыя,
За ясьва сахарныя,
За питья медовыя,
Ножички булатныя,
Вилочки точены,
Тарелочки злачены,
Посадить ее въ передній уголокъ
На бѣлодубовую лавочку,
На куньи шубочки,
Собольи лапочки
Подъ святыя образа,
Свѣчи воско-яровыя,
Подлѣ кнезя молодово новобрачново
На то почтенное мѣсто
Гдѣ ея на сей день Господень
Богъ почтилъ.
Вотъ вамъ за то чашечка пивча
За добрыя серьча.
У нашево кнезя молодово новобрачново
Пиво сварено,
Медомъ наживлено,
Солодъ вяцьской,
Хмѣль казанськой,
Хмѣль сажёнъ зеленымъ виномъ поливанъ,
А шишечки завязались,
Сладкимъ медомъ наливались!
У нашево кнезя молодово новобрачново
Пивовары моськоськи,
Солода ростоськи.
У нашево кнезя молодово новобрачново
Чаны дубовы,

Лопаточки виресовы [1])
Пиво варено,
Каменьемъ кипячено,
Отъ каменья-то ключь пробило.
На нашемъ пивѣ пѣны клобукъ—
Не можно продуть!
Кто евту пѣну продуетъ,
Тотъ въ лапти обуетъ,
Губы надуетъ,
Сопли распуститъ,
Писенки запоетъ,
Съ ногъ не спадетъ
И домой пойдетъ.
Ахъ! пивчо какъ суслечо!
Чашечку прибоча,
Въ устахъ примоча,
Въ чашечкѣ не станетъ,
Къ ретиву серьчу пристанетъ,
Уста ваши слипаютча,
Ножки подшибаютча,
Съ ногъ чулки опушшаютча,
Извольте принять, не посердитча
Принимайте за мало,
Почтите за благо.

Тотчасъ по окончаніи этого наговора, Пантелѣевна отправилась въ куть, поздоровалась съ Таней и, взявъ ее за правую руку, повела изъ кути, а дѣвушки запѣли:

Мы тебѣ наказывали,
наказавали да наговаривали:
Не выступай ты изъ-за занавѣски,
Не выступай ты изъ-за берчатые
Не ходи ты за дубовыя столы,
За драны скатерти;
Не садись подлѣ чужа мужика:
Чужъ чуженинъ
Со чужой стороны.

Петръ сдѣлалъ шагъ на встрѣчу Тани, взялъ ее своей обернутой въ платокъ рукой за правую руку, обвелъ ею вокругъ своей головы и ловко, перевернувшись подъ рукой, поцѣловался съ своей невѣстой.

Поѣжжаны вышли изъ за стола, подходили, цѣловались съ Таней и опять становились полукругомъ, въ ожиданіи вторичнаго приглашенія, сѣли за столъ. Григорій обратился къ хозяевамъ съ просьбой:

Изъ всево роду племини,
изъ братьей родныхъ
или изъ шурьей дорогихъ,
Вы къ бѣлодубовымъ столамъ приступите,
Поищщите изъ всево роду племени,
кто бы намъ свято проговорилъ?
И имѣетча ли въ вашемъ благодатномъ домѣ
Изъ поповъ, дьяконовъ, дьяковъ, пономарей
изъ грамотныхъ людей?
Изволько бы свято проговорить.
Сами скажете
Или намъ прикажете?

— Хозяева отвѣчали: «мы вамъ приказываемъ».
Вслѣдъ за этимъ отвѣтомъ Григорій продолжалъ:

Извольтё къ бѣлодубовымъ
столамъ приступить.
Свѣчи воскояровыя
къ святымъ образамъ засвѣтить.

Иванъ Петровичъ подошолъ къ образамъ и засвѣтилъ свѣчку—всѣ, кто сидѣлъ, встали, а Григорій прочиталъ свято (отче нашъ) и погасилъ свѣчку. Пантелѣевна подлетѣла къ Петру и Танѣ, взяла ихъ за руки, повела за столъ въ передній уголъ и усадила на разосланную на лавкѣ бѣлую овчину шерстью въ верхъ и проговорила:

Съ Богомъ садитёся,
со Христомъ садитёся
подослана овчинка бѣлая,
подослана не разношерсная,
Не будите вы ссоритьча,
не будите вы бранитьча.

[1]) Можжевеловыя.

Иванъ Петровичь съ женой своей просили гостей садиться за столъ, и, когда они усѣлись въ прежнимъ порядкѣ, Григорій заговорилъ:

Кнегини молодой
батюшка родимой,
матушка родная,
Извольтё къ столамъ приступить,
Со стола пиво снести,
Есьво, хлѣбъ-соль принести.

Хозяева подошли къ столамъ, сняли полотенцо и просили гостей кушать, но Григорій перебилъ:

Извольте къ бѣлодубовымъ столамъ приступить со кнегиней молодой новобрачной,
Прикажите нашему
кнезю молодому, новобрачному,
поздороватча и почоловатьча!
безъ почолуя и пирогъ не вскрываетча.

Иванъ Петровичъ и Татьяна Андреевна подошли опять къ столу, поцѣловались съ Петромъ и Таней, и Петръ тоже съ ней; а Григорій заговорилъ:

Извольте къ бѣлодубовымъ столамъ приступить
хлѣбъ-соль подсолить, надкушать.
и чесныхъ гостей потподчивать.

Хозяева подошли къ столу, потребовали пирогъ и пошли вдоль столовъ, прося кушать чесныхъ гостей. Гости принялись за кушанья, а дѣвушки въ кути запѣли застольныя пѣсни:

1.

Вечоръ по вечеру
Да колотился, стукался лукавой сватъ
Подъ переднимъ окошечкомъ,
Таволиновой [1]) тросточкой,
Выкликалъ родново батюшка,
На мосты на калиновы,
На широкую уличу,
На красно крылечико..
Перво слово молвили,
Да сапогомъ застӯпили,
Второе слово молвили,
Да колесомъ задернули,
Третье слово молвили,
Да по рукамъ ударили.
Вонъ идетъ мой батюшко
Со широкой улички,
Со красна крылечика,
Со мостовъ со калиновыхъ,
Сѣлъ на дубовую лавочку,
Не веселъ, не радошонъ,
Повѣсилъ головушку,
На праву сторонушку!
Штё же ты, батюшко,
Не веселъ не радошонъ,
Повѣсилъ головушку?
Я думала, батюшко,
Не деревню ли [2]) запродалъ
Со полями со чистыми,
Со лугами зелеными,
Со травами шолковыми,
Нѣтъ, родимое дитятко,
Запродалъ тебя, дѣвичу.—
Твою дивью кра́соту,
Со твоей русой косою,—
Со твоей дивьей красотой!
Не запродовай меня, батюшко,
Меня съ дивьей красотой,
А запродай, родимый батюшко,
Да команя-то [3]) въ тысячу,
Да команичу [4]) въ 100 рублевъ:
Команя ты выкупишь,
Команичу то выручишь,
Меня, красну дѣвичу,
Купо̆мъ не выкупишь,

---

[1]) Необъяснимо
[2]) Владѣніе
[3]) Лошадь мужскаго пола.
[4]) Лошадь женскаго пола.

Ручьемъ не выручишь...
Ты избываёшъ меня, батюшко,
Какъ лихово звиря изъ бору
Такъ меня, младу, изъ дому.
Штё я тебѣ, батюшко,
Добрѣ тебѣ наскучила,
Да добро напрокучила?
Вѣть не сусики я хлѣба выѣла,
Да не колодчи воды выпила?
Не дубовы полы протоптала,
Не въ кутѣ лавичу просидѣла,
Не въ кутѣ околинку просмотрѣла,
Не у дверей пяту изшоркала?
Родимой мой батюшко!
Не можно ли евто дѣло сдѣлати,
Меня замужъ не выдати?
Ужъ ты, милое мое дитятко,
У насъ дѣло-то сдѣлано,
Письмо у насъ написано;
Хошь письмо да не корысное,
Житье-бытье вѣковѣчное.

2.

Не отъ витру, не отъ вихорю,
Да не отъ Божьей милости,
Синё море сколыбалося!—
Какъ по той, по большой по водѣ
Да три корабля на дворъ наплыли,
На первомъ кораблѣ
Много злата, много серебра;—
На другомъ то кораблѣ
Много скатнаго жемчугу;
На третьёмъ то кораблѣ
Петръ да свѣтъ Яковличъ
Со всѣмъ своимъ поѣздомъ,
Беретъ двери за скобу,
Отворяетъ двери на пяту,
На пяту, пяту дубовую,
На крюки, крюки золѣзные,
На петли проволочныя.
Татьяна да Ивановна
Въ тѣ поры услышала,
Какъ вступилъ Петръ Яковличъ во горничу,
Она испугалася,
Со бѣла лича перепалася,
Рѣзвыя ножки подломилися
Бѣлы ручки опустилися,
Очи ясны замутилися,
Горючи слезы покатилися...
Во слезахъ слово молвила:
Вонъ идетъ разоритель мой!
Вонъ идетъ погубитель мой!
Вонъ идетъ росплетай косу!
Вонъ идетъ потеряй красу!
Говоритъ Петръ Яковличъ:
Не ругайся, красна дѣвича, душа,
Не я—разоритель твой,
Не я—погубитель твой,
Не я—росплетай косу,
Не я—потеряй красу.
Разоритель твой—батюшко,
Погубительнича—матушка,
Росплетай косу—сватенка,
Потеряй красу—подруженька,
Въ кути за занавѣсой.
Розноси тоску—подвоськой молодой,
По моимъ подруженькамъ,
По моимъ сизымъ голубушкамъ.

3.

Изъ трубки въ трубку вилося
Ай вилося, ай вилося.
Да изъ серебряной въ золотую
Ай въ золотую, ай въ золотую.
Да вывела трубка голубку
Ай голубку, ай сизую, сизую воркову.
Посадили голубку на шубку, на нову на кунью.
Ай на кунью, ай на нову.
На кунью да на соболью [1]), 2
Да подлѣ сизонькаго голубчика, 2
Да подлѣ ясненькаго соколочка, 2
Сталъ голубокъ ворковати, 2
Да ко голубушки припадати, 2
Да всяко всяческима голосами, 2
Да человѣческими языками, 2
Голубушка не воркуетъ, 2
Да сизая съ нимъ не толкуетъ. 2
Тешша та зетю говорила: 2

---

[1]) Съ разрядкою слова повторяются по два раза съ припѣвомъ «ай».

Пей мой зеть, не упивайся, 2
Да домой пойдешь, въ грези не валяйся, 2
Надъ моимъ дитей не издѣвайся, 2
Мое дитя молодое, 2
Въ чужихъ людяхъ не бывала, 2
Чужихъ людей не видала, 2
Да и стричать не умѣетъ, 2
Человать, миловать не посмѣетъ, 2
Свекра батюшка побоитча, 2
Свекры матушки постыдитча, 2

Поются еще многія пѣсни, которыя по своей безсодержательности выпущены. Наконецъ отъ пироговъ остались одни кости, и Григорій спросилъ:

Батюшко родной,
Матушка родная
Кнегини молодой,
Извольте къ бѣлодубовымъ
Столамъ приступить,
Чево перемѣнить,
И другое на столъ накрывать!
И ешшё я хочу у вашей милости спросить:
Вы сами ли будете
Ешшё есьво на столь подносить
Или намъ прикажите просить?

— Мы вамъ приказываемъ!—отвѣчали хозяева.

Григорій съ подружьемъ, собравъ объѣдки со стола, принесли другія кушанья, и гости, подъ звуки застольныхъ пѣсенъ, принялись опять ѣсть. Передъ третьей перемѣной кушанья, дружка Тани, двоюродный братъ и родной ея братъ, пошли въ куть, а дѣвушки запѣли:

Какъ на уличѣ дожжи идутъ
Да на мосту роса падетъ и т. д.

Братъ взялъ ендову со шкафа, отворилъ шкафъ, взялъ стаканъ съ «сестринымъ пòтомъ», налилъ его водкой, поставилъ въ ендову и туда же бутылку съ водкой, а родной братъ Тани поднось, положилъ на него столько платковъ и пряниковъ, сколько было поѣзжанъ, а сверху положилъ, для тысячкаго, крестнаго и жениха по полотенцу. Лучшее полотенце назначалось жениху, второе по достоинству—крестному, а третье—тысячкому. Сверху каждаго полотенца тоже положили по прянику. Подъ полотенцо-же жениха подложили кусокъ жилеточной матеріи и платокъ, а потомъ пошли изъ кути. Когда молодые люди появились изъ-за занавѣси, подошелъ Иванъ Петровичъ и положилъ сверху женихова подарка пачку кредитокъ, остальныя деньги по уговору. Дружка съ товарищемъ начали съ Петра. Дружка сказалъ:

— Отвѣдайте вина, кнезь молодой, бояринъ большой, за моремъ оно за синимъ куплено.

Петръ выпилъ стаканъ и поблагодарилъ.

Подошелъ братъ Тани, поднесъ дары и сказалъ:

— Не побрезгуй, кнезь молодой, бояринъ большой, подарочкомъ кнегини молодой: не дорогъ онъ, да отъ кнежеськой руки!

Затѣмъ подчивали и обдаривали отца, а потомъ и всѣхъ по порядку.

Дѣвушки въ кути пѣли въ это время:

Не было витру да навіяло [1]), 2
Не было гостей да наѣхало, 2
Подломили сини новыя, 2
Раскололи чару золòтую, 2
Подстрѣлили соловья во саду, 2
Подсмотрѣли красну дѣвичу душỳ, 2
Разслизили Татьяну свѣтъ да Ивановну, 2

---

[1]) При началѣ строки и гдѣ съ разрядкою слова, нужно прибавить частичку «да». Въ другихъ же пѣсняхъ, только при началѣ первой строки.

Уговаривалъ ее Петръ да Яковличъ: 2
Не плачь, не плачь моя Татьянушка, 2
Свѣтъ ты Ивановна, 2
Я тебѣ сострою сени новыя, 2
Сострою со горничей со свѣтличею, 2
Я солью тебѣ чару золотую, 2
Я куплю тебѣ соловья пивчая тово, 2
Я тебѣ самъ соловей, 2
Стану по утру ранешенько, 2
И разбужу тебя тихошенько. 2
На работу наряжу, 2
Куда хочешь иди, 2
Штё хошь роботай.

Пѣтухи не пѣвали, 2
Жонихи наѣхали, 2
Отъужинать не дали, 2
Я яишничу подъ лисничу, 2
Рѣпный пирогъ подъ порогъ, 2
Крошенину [1]) подъ лавичу, 2
Шти въ печь за заслоничу, 2
Сама въ куть за занавѣсу, 2.
За брусчатую за грядочку. 2

Покончили обѣдающіе и съ третьей артелью, и началось угощеніе водкой жениха. Григорій началъ подчивать съ Ивана Петровича и Татьяны Андреевны и перешелъ далѣе по порядку, а дѣвушки запѣли:

Пропилъ пропилъ меня
Да родной батюшко
На одной винной да на чарочкѣ,
На винѣ государевомъ.
Показалась ваша чарочка,
Слаще меду, слаще патоки,
Слаще сладково преничка.
Да не вино пьешь зеленое—
Пьешь мои слезы горючія.
Ты веселъ ходишь и радошонъ,
На великихъ на радостяхъ,
На моей злой погибели.
Твои рѣзвыя ноженьки,
До земли не доподаютча,
Твои бѣлыя рученьки до небесъ хватаютча,
Ты пропьешъ да послѣ хватишша.
На ково послѣ оглянешша?
Ково рано разбудишь,
На работишку нарядишь?
Разбужу я очи ясныя—
Наряжу я рѣзвы ноженьки.

Тѣмъ, которые ломались и не хотѣли пить, онъ говорилъ:

Вы перечите,
Вино не пьете,
Князя не уважаете!
Домой вамъ не добратьча,
Со команей свалитьча,
По снѣгу ползать,
Съ угора свалитьча!

Послѣ такихъ угрозъ «капричники» или капричницы выпивали водку, потребовали, чтобы Петръ и Таня подслащивали водку, т. е. цѣловались, и обрученные, при каждомъ такомъ требованіи, вставали на ноги, кланялись угощаемому и цѣловались.
Кончилась пѣсня, началось величаніе Тани:

Мы тебя, Татьянушка, величаемъ,
Да мы тебя, Ивановна, возношаемъ,
Лѣтнюю птичку во садочкѣ,
Бѣлой хлѣбъ на блюдѣ,
Крупитчатой колачь на торелкѣ,
Пьяное вино во братынѣ,
Сладкой медъ во стаканѣ,
Зелено вино во чарочкѣ.

---

[1]) Хлѣбъ накрошонный въ чашкѣ или тюря.

Потомъ Петра:

Изъ кути вдоль по лавичѣ
Бояра сидятъ,
Все кнезевы.
Да лутче всѣхъ сидитъ, богатѣе,
Богатѣе да тороватѣе
Да Петръ свѣтъ Яковлевичъ!
Голова у нево сторублевая,
Волоса шолковыя,
Въ три хода засыкалися [1]),
Въ три кольча серебряны,
Да въ четверто позолочено,
Причосала, пригладила,
На каждой волосиночкѣ
По скатной жемчуженкѣ.
За каждую жемчуженку,—
По петидесять давано,
По семидесять прошено.
Сиредь буйныя головы
Самочвѣтный камешѐкъ.
Этому кàмешку,
Чѣна не сказана.
Шуба на немъ сорокѝ соболей,
Три бобра на опушку у шеи,
Четвертый боберъ въ ожерелье ушелъ,
Остаточки на наповолочки,
Усъ подтереть да мякошенько,
Къ серьчу прижать да теплешенько.
Да розумѣешь ли ты,
Штё про тебя-то въ кутѣ говорятъ,
Спишь ли ты, да не дремлешь-ли?
Встань, пробудись, намъ испить принеси,
Намъ испить право хочетьча
Кнезева пива изъ баклушечки.
Не лей носкомъ, налей втулочкомъ,
Бросько гривенку на дёнышко.
Ты самъ слугъ наряди—
Есь у тебя на то дружка вѣрная.

Петръ положилъ въ поднесенную братомъ Тани ендову съ пивомъ 20-ти копѣечникъ, тоже сдѣлали и каждый опѣтый, но опускались большею частію мѣдныя 3—5 копѣечныя монеты. Опѣвали всѣхъ, исключая свата и холостыхъ, — одною и тою-же пѣснею, переставляя только имена Свата (крестнаго) дѣвушки опѣвали такъ:

Ты сватъ, ты сватушко,
Да лукавый сватушко,
Сваталъ—лукавился,
Не правду сказывалъ,
Говорилъ, наговаривалъ,
Хвасталъ, нахвастывалъ;—
Сказалъ, штё у нево (жениха)
Семьдесятъ мясныхъ [2]) быковъ,
Шесьдесятъ дойныхъ коровъ,
Восемьдесятъ подтелочковъ (телятъ),
Девяносто басенекъ (овецъ),
Сто лошадушекъ,
Анбары хлѣба стоятъ,
Динегъ сундуки стоятъ,
Чуланъ и клить (холодная горница съ окномъ) живота стоитъ.
Пошла невѣста
Въ анбары хлѣба смотрѣть...
Въ первòй сусикъ заглянула:
Одна мышеѣдина.
Въ другой сусикъ заглянула:
Да пустымъ пустехонько.
А въ третей сусикъ заглянула:
Двѣ мыши спираютча,
Ко сусиду снаряжаютча,
Ко сусиду хлѣба займовать!
Пошла наша невѣста,
Въ клить живота [3]) смотрить...
Во первòй сундукъ заглянула:
Тутъ одна копѣечка
На ребро становилася,
Въ кабакъ снарядилася.
Пошла наша невѣста
Во дворы скота смотрить...
Во первỳ стаю заглянула:
Тутъ одна бутыжина
Не доитъ, не бухаетъ,
По двору ходитъ—ухаетъ;
Во другу стаю заглянула:
Да тутъ одна басенька,
Людей она боялася,
На стѣны бросалася;

---

1) Крутились.
2) Кормныхъ.
3) Имѣніе.

Въ третью стаю заглянула:
Тутъ кобыла троеногая,
Троеногая, безхвостая!
Подай тебѣ, Господи
Лукавому сватушку,
За то, штё сваталъ,
Не правду сказывалъ,
Три чирья, три вереда:
Первой чирей въ голову,
Другой чирей, подъ серьчо,
А третей чирей въ пяту.
По три бани на день топити,
По три вѣника изхвостывати.
Ты бы, сватушко,
Правду сказывалъ.

Дакъ подай тебѣ Господи
Три сына, три сокола,
Три дочери, гостейки,
Дочерей замужъ выдати,
Сыновей бы тѣ пожонити,
Подъ златъ вѣнечь поставити.
Дочерей замужъ не давати,
Сыновей бы тѣ не жонивати,
Отсель бы тѣ уѣхати,
Домой не пріѣхати,
Со коня свалитися,
Подъ гору укатитися,
О сѣрой камень ушибитися,
Топоромъ зарубитися,
Винной чаркой захлебнутися!

Когда всѣ были опѣты, братъ Тани отнесъ ендову въ куть, гдѣ дѣвушки раздѣлили между собою деньги и благодарили каждаго одною и тою же пѣснью, перемѣняя только имена:

Спасибо тѣ, спасибо,
Да Петръ Яковличь
На златѣ, на серебрѣ!
За тебя Бога молили,
На чесномъ приношеньёчѣ!

Мы пиво то выпили,—
Золоту гривну выняли...
Не велика гривна золото...
Велико имя чарское
Письмо государьськое!

Послѣ этой пѣсни, съ брата Тани началось опѣваніе холостыхъ:

У большова боерина
Да Ивана свѣтъ Гаврилыча
Голова учесана,
Русы кудри завиты.
Кто голову чесалъ?
Кто русы кудри завивалъ?
Чесала головушку
Ево правая рученька,
Да завивала русы кудри
Ево сёстрича любезная,
Наряжала брателка
Во большія боера.
Нарядись, мой брателко,
Лутче князя боерина,
Лутче гостя торговово...
Поѣзжай ты, родной брателко,
Во славно село великое,
Ко богатому хресьенину,

По хорошую дѣвичу
Варвару Григорьевну.—
Ты насъ будёшь дарить,
Мы тя будёмъ хвалить.
Не будёшь дарить,
Мы тя будёмъ бранить,
И не добро говорить,
Вотъ тѣ бранно,
Порато собаковато.
Да штё про тя въ кути говорятъ,
За занавъсой пѣсни поютъ,
Тебѣ чесь воздаютъ,—
Чести охота, на ножки встапь,
Поклонъ воздай,
На всѣ четыре стороны,
Поклонъ на особичу,
Въ куть за занавѣсу.

Каждый изъ опѣтыхъ холостыхъ вставалъ, шелъ въ куть, дарилъ дѣвушекъ, которыя благодарили его пѣсней.

Спасибо тебѣ, спасибо,
Да на златѣ, на сѣребрѣ,

На чесномъ приношеньичѣ.
Не людьми засылаешша,

Самъ подымаешша,
На рѣзвыя ноженьки.
Ученое дитятко
Отча-то умново
Да матери разумные,
Роду плимени хорошово;—
Уміёшь на ножки встать,
Уміёшь поклонъ воздать!
Подай тебѣ Господи
Невѣсту хорошую,
Со бѣла лича румяную!
Учливу да вѣжливу,
Со людьми возжатую [1]),
Съ тобой тороватую...
Середи бъ поля тебя встритила,
На рѣзвыя ножки падала,
Во уста чоловала
Соколомъ называла!

Когда послѣдній изъ холостыхъ былъ опѣтъ, Григорій снова заговорилъ:

Батюшко роднмой,
Матушка родная!
Извольте къ столамъ приступить:
Взеть у кнезя молодово, новобрачново,
Правую руку,—
И дать кнегинѣ молодой,
Рука въ руку, нога за ногу заплести...

Мать подошла, навернула платокъ на руку дочери и подала Петру эту руку, Петръ взялъ, развернулъ платокъ, утерся имъ, положилъ въ карманъ и снова взялъ руку Тани. Григорій, присѣвшій было на минутку на свое крошечное мѣсто, вскочилъ и началъ начитывать:

Батюшко родной,
Матушка родная,
Извольте принимать
Нашихъ добрыхъ коней
Отъ своихъ молодыхъ конюховъ,
Съ рукъ на руки.
Вводить ихъ въ стойла стоялыя,
Во дворы конюшные!
Затворять ворота широкія,
Запирать замки висячія,
Закладывать запоры крѣпкіе,
Поставить каравулы твердыя,
Штёбы у нашихъ коней
Збруня была чѣла, сохранна.
У нашихъ добрыхъ коней
Стоитъ одна узда двадчеть петь рублей,
Хомутъ да шлея петьдесятъ рублей,
Сани да дуга не списана чѣна.
Извольте вы имъ дать
Сѣна до колѣна,
Овса до шшётки
Пшеничи до загребу,
Сѣна зеленово,
Овса зрѣлово,
Воды холоднія, ключевыя;
Хотя они отданы подъ сохраненіе,
Не кормлены и не поины.

Иванъ Петровичъ отдалъ приказаніе сыну, чтобы позаботился о лошадяхъ, а Григорій продолжалъ:

Батюшко съ матушкой,
Извольте къ столамъ приступить,
Объявляетъ вамъ кнезь
О своемъ бракѣ, молодечкомъ поѣздѣ,
Штё наше дѣло заѣжжее!
Здись люди не знакомые,
А наша поѣзжана
Испивать хмѣльное охочіе...
До пьена напиваютча,
По уличамъ валяютча...
Межь тѣмъ, кто-бы ихъ не потѣснилъ
И не изобидѣлъ,
Въ томъ просимъ простить,
Приказать своимъ слугамъ посмотрить,
За штё будётъ вамъ чесно
И намъ хорошо.

Отецъ и мать невѣсты подошли къ столу и стали просить гостей поѣсть, а Григорій обратился къ дѣвицамъ въ куть за занавѣсу съ наговоромъ:

---

[1]) Дружественную, общительную.

Красныя дѣвичи,
Лихія мастеричи,
Попойтё писёнокъ
Попойтё тихохонькихъ!
Потѣште нашева кнезя
Со кнегиней молодой!
Чарочка винча,
Чашечка сладково пивча.
Два парня трепало,
Двѣ дѣвки скакало,
А третью парень,
Сзади хвалилъ...

Вотъ вамъ за то!..
Дѣвушки запѣли въ кути:

Попейте, поѣште, бояра!
Покýшайте, поѣжжана!
На наши припасы не надѣйтесь
У насъ земля неродима;
Татьянушка уродилась
Да вамъ и пригодилась.

Григорій съ своимъ помощникомъ убрали послѣднюю артель кушаньевъ и появились съ хлебальными пирогами въ рукахъ (небольшіе, открытые, круглые пироги съ черемухой или рѣпой). Дѣвушки въ кути запѣли:

Тёшша про зетя
Да пирогъ испекла и т. д.

А хозяева просили гостей кушать; Григорій-же началъ просить хозяевъ позволить и гостямъ попѣть пѣсенокъ:

Извольте приступить
Къ столамъ бѣлодубовымъ!
Я хочу вамъ доложить:
Прикажете-ли нашево кнезя
Поѣзжанамъ удалымъ,
Молодымъ ребятамъ,
Для увеселенія писенку спѣть?..

Исполняя просьбу дружки, хозяева подошли къ столамъ и сказали:
— Пойте и пляшите, сколько хотите!
Вслѣдъ за этимъ позволеніемъ, зазвучала въ избѣ Ивана Петровича такая дизгармонія, что упаси Боже!..
Въ кути дѣвушки, въ свою очередь, запѣли:

Жона мужа не злюбила,
Ай да не злюбила,
Въ лѣсочикъ ево заманила,
Ко бѣлой березѣ ево привезала,
Да шипичей [1]) ево настегала,
Три динечка къ нему не бывала,
На четвертый день къ нему побывала,
Не милово мужа спрошáла:
— Каково тебѣ мужъ жилишше, бѣлишше?
— Женка ладушка, житье не корысно:
Пташки головушку приклевали,
Чухари [2]) мнѣ-ка надоѣли,
Жаркáя погода изсушила,
Болотна вода припилася.
Жонка ему на то зговорила:
— Отпустишь-ли меня
Ко матушки во гости?
— Ахъ ты жонка, моя лада,
Да я тебя отпушшу,
До Моськвы самъ провожу.
— Да стритишъ-ли меня среди поля?
— Да, я стричу тя среди поля, среди бору,
— Да напоишь-ли меня, мужъ, чаями?
— Государыня жонка, напою тя, съ кренделями.

---

[1]) Вѣтвями шиповника.
[2]) Глухарь—лѣсная птица.

Напали, напали бояра,
На ржаную солому,
На ржаную, не солону...
Сказали: у бояръ
Сапоги добры—
Чертъ—не добры,
Закоблучья одни.
Сказали у бояръ
Шаровары добры...
Чертъ—не добры,—
Заплаты одни.
Сказали у бояръ:
Оболочки добры...
Чертъ—не добры—
Только шабуры [1]) одни,
Холстомъ поволочены.
Сказали у бояръ:
Кушаки добры—
Чертъ—не добры
Только веревки одни.
Сказали у бояръ:
Шапки добры—
Чертъ—не добры—
Только тулейки одни,
Собачьи треухи.
Сказали у бояръ:
Перченки добры—
Чертъ—не добры,
Только персты голы.
Сказали у бояръ:
Комани добры—
Чертъ—не добры—
Только ребра одни.
Сказали у бояръ:
Хомуты добры—
Чертъ—не добры—
Только дерёва одни.
Сказали у бояръ:
Шлеи добры—
Чертъ—не добры—
Только ремешки одни.
Сказали у бояръ:
Саночки добры (зимой)
Чертъ—не добры
Только полозья одни..

За столомъ гости, кто во что гораздъ. Хотя дѣвушки драли пѣсни (которыя, приобыкновеннымъ нормальномъ состояніи слушателей, могли можетъ не понравиться имъ), но теперь никто и не думалъ протестовать противъ нихъ (пѣсенъ)—вино и пиво сдѣлали свое дѣло... Крестный жениха, едва шевеля языкомъ, разсказывалъ что-то, а кому—не извѣстно... Тысяцкой стараясь доказать, что онъ еще не пьянъ,—пробовалъ вставать на ноги, едва бормоча сквозь зубы: «штё я, я ешшё не пьянъ я ешшё могу»!... и съ послѣднимъ словомъ юркнулъ подъ столъ и тамъ заснулъ.. Два старыхъ, престарыхъ, сгорбленныхъ худенькихъ старикашки копошились среди избы, желая сплясать—но лишь только который изъ нихъ поднималъ ногу, опрокидывался на полъ, къ общему удовольствію изрѣдка дремавшихъ зрителей. Вотъ, стрѣлой вылетѣли изъ кути, руки въ боки, двѣ раскраснѣвшіяся красавицы и поплыли по избѣ. Не выдержали лихіе дружки и пристроились къ красавицамъ. Стройныя красавицы соблазнительно подергивали пышными плечиками, красиво поводя надъ головой маленькими ручками, съ бѣлыми платочками, то подплывали къ своимъ кавалерамъ, то удалялись отъ нихъ, то манили ихъ къ себѣ, то отталкивали, вотъ пустили они мелкую дробь своими маленькими ножками, проплыли кругомъ и юркнули въ куть. Раздались по избѣ крики одобренія, которые прервали разсказъ крестнаго и въ углу истребившую не имовѣрное количество яствъ и питей Панкратьевну. Сомутилъ лукавый сирую вдовицу и ей вздумалось потѣшить публику.. Уперевъ крючкомъ, въ жирные бока, свои толстыя руки, она ухнула и горой покатилась вдоль столовъ, при общемъ смѣхѣ..

Рядомъ сидѣли два пріятеля... Одинъ изъ нихъ оралъ что-то во все горло, другой, помахивая плавно рукой, заправлялъ пѣніемъ пріятеля. Вдругъ у пѣвца вырвалась такая неподражаемая нота, что у заправителя морозъ подралъ по кожѣ, и онъ проворно зажалъ ротъ пѣвцу и сказалъ: стой, Федька, не ладно поешь, надоть пѣть въ тахту; во, вишь, какъ я рукой машу, штё бы тахта была, а ты съ тахту совсѣмъ

[1]) Шабуръ и шабура—сукманина, рабочій армякъ. Шабурина—всякая плохая одежда. Слов. Даля. *Ред.*

сбился! Пѣвецъ сердито потерся физіономіей объ шершавую руку пріятеля и, освободивъ отъ нея свой ротъ, заоралъ пуще прежняго; но скоро пѣніе перешло въ зѣвоту и, приткнувшись къ сосѣду, задремалъ

— Вотъ тѣ Христосъ, Федька въ пѣвци не годитьча, потому тахту не блюдетъ, проворчалъ заправитель и также задремалъ.

Староста, стараясь приподняться съ лавки, бормоталъ: Афонаска, молчи, я... я обчество во очишшу... къ 15-му... пра къ... на томъ староста и остановился, склонивъ голову на столъ и задремалъ.

Григорій, откашлявшись, пріосанился и зачиталъ звучнымъ, покрывшимъ все голосомъ:

Батюшко родной,
Матушка родная,
Извольте къ столамъ приступить!
Вашу кнегиню молодую
Отъ нашево кнезя
За бѣлыя руки брать,—
Въ куть за занавѣсу увести!
Ты, кнегиня молодая,
Умывайся, снаряжайся, одѣвайся,
Подъ златъ вѣнечь собирайся.
Умойся, снарядися,
Къ кнезю молодому
За столъ прикатися!..
Вамъ штё бы было не безсчесно
И намъ хорошо.

Утомленная до нельзя, Таня обрадовалась, когда мать подошла къ ней и стала учить на ухо, какъ выходить изъ за стола. Петръ и Таня встали на ноги, онъ взялъ ее за руку, обвелъ рукой вокругъ своей головы, перевернулся подъ рукой, какъ прежде, и поцѣловалъ ее.

Послѣ этого, Таня пролѣзла за спиной жениха, вышла изъ-за стола, сдѣлала почти до полу три поклона иконамъ и пошла въ куть, за ней пошла крестная. Въ кути дѣвушки весело встрѣтили Таню и скоро стали одѣвать её, задернувъ плотнѣе кутную занавѣсу. Въ избѣ Григорій прочиталъ наговоръ:

Кнезь молодой
Бьетъ челомъ,
И кланяетча завтрикомъ,
Сверхъ тово, сладкимъ преничкомъ,
Подходите и выступайте къ столу,
Родъ и плимя...

Сталъ раздавать положенныя свахой пряники (крояное оно-же и завтракъ). Сперва подалъ на полати, потомъ на печку, затѣмъ въ куть и, поставивъ гостей, одного за другимъ, по старшинству, заставилъ ихъ подходить и брать «крояное», которое гости брали правой рукой, обернутой платкомъ...

Когда кончилась разборка кроянаго, Григорій зачиталъ:

Гой, веселый народъ,
Съ бородами—безъ бородъ,
Люди пьюшшіе,
Люди поюшшіе,
Прошу замѣчать,
Надо ричь держать
Къ пиву созывать!
Кнезь молодой
Бьетъ челомъ, кланяетча
Кроянами, завтрикомъ!
Тысячкой наряжаетъ друженька,
Подвоськой [1]) челомъ бьетъ,
Низко кланяетча.
И порато хвалитча:
На плитѣ краяны,
Печены въ Казанѣ,
Пшенича была вячка,
Медъ казаньськой,
Квасъ астраханьськой!
Три парня стояло,
Два парня трепало,
Двѣ дѣвки скакало,
А третій парень
Сзади хвалитъ;
То-то преникъ, то-то сладкій,
На конечь преникъ ставитъ,

---

[1]) Поддружье.

Съ конча медъ каплетъ;
А посли чашечка пивча,
За добрые серьча!
У нашева кнезя
Пиво сварено,
Медомъ наживлено...
Солодъ вячкой,
Хлебъ казаньськой...
Пивоваръ яросласькой...
Ахъ! пивчо, какъ суслечо
Чашечку прибочить
Въ уста намочить!
Въ чашечкѣ не станетъ
Къ ретиву серьчу пристанетъ.

Ендова пива принесена и передана дружкой своему помощнику, который и началъ обносить гостей пивомъ, тоже по порядку. Въ то время, когда пилось пиво, Григорій обратился къ хозяевамъ и дѣвушкамъ съ наговоромъ:

Батюшка родной,
Матушка родная,
Дозвольте нашей сватеньки
Итти въ куть за занавѣсу;
А вы, дѣвичи игричи, пивичи,
Разступитёсь, расшатитёсь
На всѣ четыре стороны.
Пропуститё ко кнегинѣ
Молодой, новобрачной, свашеньку
Въ куть за занавѣсу.
Вы, дѣвичи, пивичи,
Нашево кнезя сватеньку не задержитё!
Съ кнегиней молодой, прошшайтёсь
Ко злату вѣнчу снаряжайтё.

Танѣ до боли надоѣлъ царившій кругомъ нея необузданный разгулъ... На душѣ у ней было тяжело, сердце щемило, и ласки Петра не приводили ея въ такой восторгъ, какъ прежде. Когда она, истомленная физически и нравственно, вошла въ куть, то, не смотря на веселыя лица своихъ подругъ, упала на лавку, и слезы градомъ покатились по щекамъ ея. Установлявшіе обычай встрѣчать съ веселыми лицами невѣсту, входившую въ послѣдній разъ въ родной куть,—понимали страданіе несчастной дѣвушки, въ этотъ моментъ, особенно, когда ее выдавали за немилаго... Равнымъ образомъ, понимали громадную разницу между положеніемъ веселой и беззаботной дѣвушки въ родной семьѣ и вѣчной труженицы—жены въ чужой; но, къ сожалѣнію, какъ только обычай этотъ встрѣчался лицомъ къ лицу съ сколько-нибудь мыслящей дѣвушкой, то всегда терялъ свое обаяніе. Лишь только замолкли послѣднія слова наговора Григорія, дѣвушки запѣли прощальную пѣсню:

Не выду, не выступлю
Безъ родимово батюшка.
Безъ ево благословеньича!
Ево-то благословеньичо
Изъ синя̀-то моря вынесётъ
Изъ темна лѣса выведётъ.
Спасибо, родимой батюшко,
На хлѣбѣ да на соли!
Твоя хлѣбъ соль великая,
Въ печеняхъ запекалася!..
Не прошу я у тя, батюшко,
Не злата, не серебра—
Прошу я у тя, батюшко,
Велика̀ благословеньича,
Ко злату вѣнчу ѣхати!
Ештё прошу у тя, батюшко,
За мною въ провожатали (sic)
На чужу, дальну сторону
Да на злодійку, не знакомую!

Когда слуха Тани коснулись слова пѣсни:

Не выду, не выступлю
Безъ родимово батюшка!

Таня приподнялась и устремила свои, распухшія отъ слезъ, глаза на занавѣску... Занавѣска сперва тихо зашевелилась, потомъ приподнялась, и вошелъ Иванъ Петровичъ, изъ-за него мелькнуло лицо Татьяны Андреевны... Таня быстро вскочила, но не упала прямо въ ноги отцу, а пошла къ нему на встрѣчу твердо, положила ему на плеча

свои руки и вперила глаза въ его лицо... Она вся превратилась въ зрѣніе и, какъ будто, окаменѣла: ни одного вопля, ни одного движенія, и только слезы ручьями струились изъ глазъ... Отецъ понялъ, что говоритъ дочь своимъ жгучимъ взглядомъ, понялъ, что она хочетъ вдоволь насмотрѣться на него, чтобъ навсегда запечатлѣть въ своемъ сердцѣ его дорогой обликъ, и внутренняя буря зашатала старика. Голова его затряслась, ноги стали подкашиваться, а руки широко раскрылись... Крѣпко, горячо, прижалъ старикъ къ своей груди милую дочку и зарыдалъ, какъ ребенокъ... Мать подскочила къ нимъ... Старухѣ тоже хотѣлось обнять дорогую дочку; но отецъ не выпускалъ Тани, и старухѣ пришлось обнять обоихъ... Почуявъ около себя мать, Таня съ судорожнымъ усиліемъ высвободилась изъ объятій отца, также положила свои руки на плеча матери, овладѣла, на мгновеніе, собой, отерла слезы и сказала:

— Прошшай родимая! дай мнѣ, въ послѣдніё наглядѣтьча и на тебя, такъ наглядѣтьча, штёбы не позабыть тя и въ сырой землѣ!

Старуха чуть не обезумѣла отъ словъ дочери: глаза ея помутились, губы искривила судорога, и она зашаталась... Находчивая Пантелѣевна была уже въ кути, схватила ее подъ руки и посадила на лавку, дала ей нѣсколько глотковъ холодной воды и, освѣживъ ее, заговорила:

— Штё евто вы здумали, надо радоватьча, а не плакать, а ты, Татьяна Ивановна, лутше подступись къ родному батюшкѣ и родной матушкѣ, скажи имъ спасибо на всемъ, въ рѣзвы ноги поклонися, да съ подругами простися!

Глубоко потрясенныя происходившими передъ ихъ глазами сценами, дѣвушки, не докончившія даже прощальной пѣсни, въ настоящую минуту растерялись совершенно...

— Вы штё, мокрыя куричи, крылья то опустили, а? Кончайте скорѣеча писнюто!—ворчала Пантелѣевна на дѣвушекъ, которыя тотчасъ же и запѣли.

— Штё евто взаправду! старуха полно! Татьяна, знашъ, штё нужно дѣлать?—сказалъ уже оправившійся Иванъ Петровичъ.

Таня встала, спокойно подошла къ отцу, упала ему въ ноги и поблагодарила его за хлѣбъ и соль, за душевную ласку, за родительскую заботу, — на сребрѣ, на златѣ и на всемъ, чѣмъ онъ надѣлилъ её. Отецъ поднялъ дочь, благословилъ ее образомъ, поцѣловалъ и сказалъ:

— Тутъ все будетъ тѣ, на добро, на шшастіе и на хорошую жисть.

Такимъ же порядкомъ благодарила Таня мать и тоже, что и мужъ, отвѣчала ей старуха. Настала минута прощанія съ подружками. У Тани опять защемило на сердцѣ... Она сдѣлала шагъ къ подругамъ, остановилась и окинула ихъ грустнымъ прощальнымъ взоромъ; отъ толпы дѣвушекъ отдѣлилась Катя и съ горькими слезами бросилась въ объятія Тани. Сперва подруги только рыдали и цѣловались, а потомъ между ними начался задушевный лепетъ.

— Въ святой вечеръ, на Васильевъ день, гадаючи, меня вспомянешь?—спросила Таня.

— Какъ не вспомянуть, голубушка, — отвѣчала Катя. — Не думай, Таня, до гроба не забуду, грѣшно тѣ и баить такъ.

— Спасибо тѣ, сердешная подружка, Катя, на добромъ словѣ. Прошшай,—сказала Таня, и обѣ подруги бросились въ объятья и слились въ долгомъ и горячемъ, смоченномъ слезами, поцѣлуѣ.

— Штё стоитё, розиня ротъ, подходите прошшатьча, а то запоздаемъ къ обиднѣ,—ворчала Пантелѣевна.

Таня поняла намѐкъ и, выпустивъ изъ объятій Катю, стала прощаться съ другими подругами. Всѣхъ она горячо перецѣловала, всѣхъ благодарила, какъ Катю. Когда Таня простилась съ послѣдней подругой, Пантелѣевна взяла ее за руку и повела изъ кути. Отецъ и мать ея, тоже вышли оттуда и придя въ избу принесли рукавицы съ шапками и роздали поѣзжанамъ.

Таня казалась успокоившейся, и дѣйствительно, въ виду неизбѣжной необходи-

мости, волненіе въ ней нѣсколько позаглохло. Прислушивавшійся къ происходившему въ кутѣ, чуткій Григорій, лишь только Пантелѣевна ступила шагъ, зоговорилъ:

Кнезевы поѣзжана,
Всѣ ли вы готовы?
Всѣ ли исправны?
Шапочки и рукавички
У всѣхъ-ли при себѣ?
Все-ли сохранно?

Получивши отвѣтъ: всѣ готовы, всѣ исправны и все сохранно! дружка обратился къ хозяевамъ съ рѣчью:

Извольте къ бѣлодубовымъ
Столамъ приступить
И чесныхъ гостей
На ноги поставить!

Иванъ Петровичъ съ женой подошли къ столамъ, и гости встали на ноги; а Григорій опять обратился къ Ивану Петровичу и его женѣ съ наговоромъ, который описанъ на страницѣ 83-й (Батюшко родимый...) съ измѣненіемъ вмѣсто князя — княгини.

Пантелѣевна, вышедши изъ кути, Таню поставила среди избы, лицемъ къ образамъ. Сидѣвшій на лавкѣ Петръ всталъ, подошелъ къ невѣстѣ и сталъ рядомъ съ нею. При послѣднемъ же словѣ послѣдняго наговора Григорія, Иванъ Петровичъ съ женой прошли за столъ и сѣли въ переднемъ углѣ, а Григорій опять обратился къ нимъ съ наговоромъ, описаннымъ ранѣе на 84 стр. (Когда вы благословили...) съ тѣмъ же измѣненіемъ. Иванъ Петровичъ съ женой вышли изъ-за стола. Первый снялъ образъ, прилѣпилъ къ нему зажженую свѣчу и благословилъ имъ дочь, потомъ Петра, мать сдѣлала тоже, а Григорій просилъ ихъ:

Когда вы благословили,
Свое чадо милое,
И нашево кнезя молодово,
Извольте вы отдать святой образъ
Нашево кнезя молодово
Большому боерину
И сами извольте садитьча
За столы бѣлодубовыя,
Гдѣ и преже сидѣли!

Передали образъ по назначенію дружки и сѣли за столъ, дожидаясь возвращенія дружки, который повелъ Петра и Таню усаживать въ сани. При этомъ Григорій строго наказалъ, чтобы они не смотрѣли въ окно до тѣхъ поръ, пока не уѣдетъ поѣздъ.

Иванъ съ женой въ точности исполнили приказаніе дружки и сидѣли за столомъ, не смѣя посмотрѣть на отъѣздъ къ вѣнцу.

На улицѣ Григорій просилъ зрителей благословить всѣхъ ѣхать къ вѣнцу — рѣчью сказанной на стр. 84-й: «Кутяна, полотяна» и т. д.

Зрители отвѣчали: съ Богомъ! а Григорій обратился съ вопросомъ къ поѣзжанамъ, какъ сказано выше: «Кнезь молодой» и т. д.

Всѣ усѣлись, кромѣ Тани, которая стояла у саней жениха и не садилась. Вышедшія на улицу дѣвушки запѣли:

Пріѣзжала гадина,
Да увезла нашу ягоду,
А не дозрѣлую
Татьяну свѣтъ Ивановну.
Да пріѣзжало воронье дитя,
Увезло лебединое.

Рады—урода
Со двора проводить,
Не ткаху, не пряху, не шолковичу,
Только по лѣсу ходить,
Да лыко драть,
Хомуты плести
На базаръ везти...
По три динешки хомутъ,
По копѣечкѣ шлея,
Да и та не своя,
Въ людяхъ выпрошена.

Чертъ, у васъ не сини,
Чертъ, у васъ не новыя—
Вязьемъ биты,
Соломой крыты.
Въ окошечкахъ досщаныя околенки,
У воротъ колечко веревчатое!

— Буде ругатьча станите,—обратился Петръ къ дѣвушкамъ,—сичасъ уѣду! и выскочивъ изъ саней, онъ схватилъ Таню подъ мышки какъ перышко, бросилъ въ сани и самъ сѣлъ туда; а Григорій спросилъ поѣздъ наговоромъ, смотри стр. 85 (Всѣ ли вы изсили..)

Получивъ отвѣтъ, что всѣ по своимъ мѣстамъ, Григорій обратился къ зрителямъ со словами), смотри стр. 85 (Міръ народъ), какъ и передъ отъѣздомъ къ невѣстѣ.

Зрители вторично отвѣчали: «съ Богомъ», а Григорій спросилъ поѣзжанъ:

Кнезевы поѣзжана,
Ково вы оставляете
И ково благословляете?
У кнегинѣ молодой,
Во высокомъ тиремѣ,
Отча и матушку,
Со всѣми гостями полюбовными,
Послать, попросить
Къ нашему кнезю,
Молодому, новобрачному
Погостить, хлѣба покушать,
Да сладково меду попить?
Прикажите ихъ попросить?

Поѣзжана отвѣчали:

— Въ тиремѣ высокомъ у кнегини молодой остались родной батюшка и родная матушка,—мы вамъ приказываемъ просить ихъ ко кнезю молодому хлѣба-соли кушать.

Съ послѣднимъ словомъ отвѣта поѣздъ тронулся, а Григорій возвратился въ избу и обратился къ Ивану Петровичу съ женой съ такой рѣчью:

Батюшко родной,
Матушка родная
Кнегини молодой,
Кнезь молодой,
Приказалъ мнѣ
Сходить къ вамъ
Попросить позвать къ нему
Васъ съ гостями полюбовными,
Погостить, хлѣба покушать
И сладково меду попить.
Милости просимъ,
Не всѣмъ поименно,
А всѣмъ обшекупно,
Челомъ бью, низко кланяюсь!

Иванъ Петровичъ поблагодарилъ Григорія за приглашеніе и подалъ ему стаканъ водки. Григорій выпилъ, поблагодарилъ, закусилъ кусочкомъ пирога, вѣжливо простился съ хозяевами, одѣлся, вышелъ на улицу—вскочилъ въ сани и полетѣлъ догонять поѣздъ.

Спустя немного времени Иванъ Петровичъ съ женой поѣхалъ въ деревню, т. е. къ роднымъ жениха, но не прямо въ домъ ихъ, а къ сосѣду, гдѣ ожидалъ особаго приглашенія къ столу, но коль скорю пошли они, захвативъ приданое Тани, и передали его по счету свекру со свекровью, безъ всякихъ нашептываній и церемоній.

ОЧЕРКЪ VII.

Свадьба.

Въ одной изъ городскихъ церквей происходило вѣнчаніе Петра и Тани. Петръ прямо вошелъ въ церковь, а Таня, одѣвшись совсѣмъ въ сторожкѣ, вошла послѣ него. Священникъ велѣлъ Петру взять невѣсту за руку и подвести къ налою; въ это время

сваха разстилала подножники, невѣстина стлала внизъ, а женихова сверху (на кругъ по мѣстному).

Суевѣріе, къ сожалѣнію, до того укоренилось въ здѣшней мѣстности, что дерзко проникаетъ даже въ храмъ Божій. Такъ, когда Петръ бралъ Таню за руку, чтобы вести къ алтарю, стоявшая сзади ихъ Пантелѣевна сказала за Таню:

— Ты меня берешь за руку, а я тебя за сирьчо...

Когда священникъ началъ обрученіе Пантелѣевна сказала вмѣсто Тани и про себя: «Петръ Яковлевичъ обручаетьча, хмѣль ево исключаетьча». Священникъ сталъ надѣвать вѣнцы, въ это время сваха расплетала Тани косу, и въ тотъ моментъ, когда священникъ хотѣлъ надѣть на нее вѣнецъ, Пантелѣевна сдернула съ нее половинку (косынку) и заговорила про себя: «Исключаетьча тоска хмѣльная, тоска всякая худая, тоска скверная, тоска всякая по заказу, до скончанія вѣка, штёбы не было въ ёмъ». Молодыхъ повели кругомъ налоя, а Панкратьевна забарабанила свое: «Я не въ слидъ твой ступаю, а спѣсь и гордость твою заступаю,—полъ топчу и твое сирьчо крочу и руки коротаю! Чарь идетъ, за собою чаричу ведетъ».

Вѣнчаніе кончилось. Священникъ любезно поздравилъ молодыхъ; а Петръ пригласилъ его къ себѣ хлѣба-соли кушать. Затѣмъ, молодые пошли прикладываться къ иконамъ и, послѣ того какъ приложилась Таня, свахи начали заплетать ей косы,— женихова заплетала правую, а невѣстина лѣвую, при чемъ каждая изъ нихъ старалась заплести косу скорѣе и, которой удавалось это, получала названіе «бойкой». Передъ выходомъ изъ церкви, Петръ покрылъ Таню шалью, и всѣ вышли изъ церкви. Подоспѣвшій Григорій заговорилъ то-же, что на стр. 85-й. (Вы сами изволите...)

— Мы вамъ приказываемъ,—отвѣчали поѣзжане, а Григорій просилъ зрителей къ молодымъ хлѣба-соли откушать такъ:

Міръ народъ и т. д.
Милости просимъ
Къ нашему князю новобрачному
Погостить, хлѣба соли кушать,
Да сладково меду пить;
Не всѣмъ поименно,
А всѣмъ челомъ бью,
Низко кланяюсь!
Нашъ князь молодой
Приказалъ мнѣ всяково
Въ гости звать,
А, сверхъ тово, всякому
Свой стыдъ надо знать!—

Послѣ этого поѣздъ тронулся въ путь въ прежнемъ порядкѣ.

Пріѣхали. Поѣздъ остановился у въѣзда къ заднимъ воротамъ. Григорій, съ своимъ помощникомъ, поднялись по взъѣзду, и дружка спросилъ тоже, что выше.

У дверей придвернички и т. д.
Во высокъ теремъ
У отча у матушки
Благословенья просить!

При входѣ въ избу, дружка снова заговорилъ: (смотри стр. 88):

Я не самъ собою
Сюда къ вамъ пріѣхалъ и т. д.

Отецъ Петра взялъ образъ, прилѣпилъ къ нему зажженную свѣчку и вышелъ въ сѣни, за нимъ вышла и мать. Некрасовы остановились въ сѣняхъ, а Григорій подошелъ къ воротамъ и обратился къ молодымъ и поѣзжанамъ съ наговоромъ (смотри выше):

Князь молодой и т. д.
Святому образу приложитьча
Отчу и матушки
Въ ноги поклонитьча.

Всѣ вышли изъ саней и пошли за молодыми. Таня взяла съ собою клочекъ сѣна, стала разсыпать его по пути, остальное бросила въ хлѣвъ, проговоривъ три раза: «Сама иду и скота за собой веду» [1]).

Когда подошли молодые, Григорій встрѣтилъ ихъ съ пирогами, а подружье съ пивомъ. Свекровь несла булку. Потомъ происходило ломаніе пироговъ и переливаніе пива дружкой, какъ и прежде,—съ тою только разницею, что Петръ клалъ съ правой руки на лѣво, а съ лѣвой на право. Таня же, получивъ отъ свекрови булку, спрятала подъ мышку. Яковъ Степановичъ съ женой благословили ихъ и за дружкой, проговорившимъ (съ ендовой см. выше) вмѣстѣ со всѣми, вошли въ избу. Молодые прошли въ куть, гдѣ ихъ накормили, такъ какъ они не должны были ѣсть много за свадебнымъ столомъ, а гости стали поздравлять съ новобрачными. Затѣмъ всѣхъ просили за столъ, усадили туда же молодыхъ, и свадебный пиръ начался. Пиръ этотъ, отъ недавняго на «сватаньи»,— отличается только тѣмъ, что Таня, взявъ на ложку или вилку кушанья, подчивала жениха, а онъ, съѣвши поднесенное невѣстой, подчивалъ ее въ свою очередь; затѣмъ Таня подчивала тысяцкаго, (и если бываетъ священникъ невѣста подчуетъ и его) и другихъ, а тѣ также, какъ и Петръ, подчивали ее.

Послѣ третьей артели, къ Танѣ подошла ея мать, сняла съ нея шаль, завернула въ нее булку, обвила кругомъ головы Тани и вывела ее изъ за стола, а за Таней вышелъ и Петръ: Григорій заговорилъ:

Батюшко родной,
Матушка родная,
Благословляйте вы
Свое чадо милое
На подклетъ итти,
Опочевъ держать,
На перинѣ спать.

Гости остались пировать, а молодыхъ родители благословили, и они пошли на подклетъ. Григорій шелъ впереди съ образомъ, за нимъ молодые, а за молодыми гости болѣе почтенные и поѣзжане. Придя на подклетъ, Григорій поставилъ на столъ образъ, а Петръ взялъ бутылку съ водкой; Таня же взяла подносъ, поставила на него три рюмки, которыя Петръ наполнилъ водкой. Гости стали подходить по чинамъ, сперва къ Петру,—цѣловались съ нимъ, потомъ съ Таней и, выпивши рюмку, отправлялись продолжать пиръ. Такимъ образомъ переходили всѣ гости на подклетъ. Остались молодые и дружка съ братомъ Тани. Григорій обратился къ Танѣ и сказалъ:

— Ты, Татьяна Ивановна мужа разувай, по имени, по извоченью извеличай!

Таня сперва раздѣла Петра, а потомъ стала разувать его. Изъ сапога выпало нѣсколько серебряныхъ монетъ, положенныхъ туда передъ поѣздомъ къ вѣнцу. Таня взяла ихъ себѣ. Григорій пошептался съ Петромъ и потомъ съ Таней... Петръ хотѣлъ было лечь на кровать, но тамъ уже лежалъ братъ Тани, которая и должна была выкупать мѣсто. Она взяла подносъ, положила на него полотенце и подала брату. Тотъ взялъ полотенце, всталъ съ кровати и, пожелавъ молодымъ пріятнаго сна, ушелъ.

Молодые остались одни съ дружкой. Петръ легъ на кровать, но не приглашалъ къ себѣ Таню...

Постоявъ немного, наученная Григоріемъ, Таня сказала: «Если привезъ на фатеру, то пусти на кровать!»

— Ложись, отвѣчалъ Петръ, и Таня легла.

Григорій одѣлъ молодыхъ одѣяломъ и ушелъ, пожелавъ имъ покойнаго сна.

Григорій научилъ Петра, какіе вопросы дѣлать женѣ, лежа на постелѣ, и онъ началъ:

— Почемъ въ городѣ рожь?

Наученная Пантелѣевной, Таня отвѣчала:

— Ты, мой милый, хорошъ.

---

[1]) Это дѣлается для того, чтобы скотъ велся.

— Почемъ въ городѣ пшона?
— Я твоя молода.
— Побѣгай по лисенкѣ!
Вмѣсто отвѣта Таня начала разстегивать пуговицы у жилета Петра.
— Много-ли у твоево батюшка на дворѣ столбовъ?
— Ни единово,—отвѣчала Таня, что означало неимѣніе любовниковъ.
— Въ головахъ низко!—сказалъ Петръ.

Таня начала подкладывать ему подъ голову все, что было на подклетѣ мягкаго; но Петръ все кричалъ: низко! Наконецъ, она вспомнила, что нужно дѣлать: легла на кровать и подложила подъ голову Петра свою руку и Петръ пересталъ кричать «низко»—спросилъ:

— Печему ты сюда попала?
— По свату и по сватьѣ.
— А гдѣ ты сёдни была и штё видѣла?
— Была сё дни во св. Божьей черкви, на кругу стояла, вѣнечь принимала и черковное вино пила.
— Кто тебѣ приказалъ вѣнечь на голову надѣвать?
— По твоему приказу, Петръ Яковличъ.
— Ты въ черкви съ кругу сошла, волосы завила, морхатку наложила, во штё глядѣлась, въ стекло или въ доску?
— Петръ Яковличь, я въ чистое зеркало глядѣлась!...

Здѣсь я опускаю завѣсу, такъ какъ остальные вопросы и отвѣты могутъ оскорбить эстетическій вкусъ и нравственное чувство читателя [1]).

На другой день утромъ Григорій отправился будить молодыхъ,

— За мною, дорогіе гости,— сказалъ онъ и пошелъ впередъ, а за нимъ тысяцкой со свахой и нѣкоторые изъ гостей.

Вскорѣ дружка показался опять въ избѣ, держа передъ носомъ вѣникъ, за нимъ вошли молодые и поздоровались со всѣми. Петръ поклонился въ ноги Ивану Петровичу и благодарилъ его за содержаніе чести Тани. Старика обрадовала эта благодарность, и онъ развеселился, подошелъ къ Танѣ, ласково потрепалъ ее по плечу и сказалъ съ чувствомъ:

— Спасибо, родная, ты, при красѣ своей, не осрамила сѣдой головы отча.

Потомъ старикъ обратился къ присутствующимъ и сказалъ съ гордостью:

— Во какова у меня дочи, дай Богъ всякому, и тебѣ, жона, спасибо, уберегла ты нашу кралю, усмотрѣла. Ухъ какъ весело, ухъ какъ хочетьча разгулечьча. Ну, сватъ, ташши вина и пива, все выпью одинъ до капельки. А ты, сватья, ташши больше пироговъ, всѣ поѣмъ до крошечки. Ухъ, ты ну—и старина началъ приплясывать.

Таня, съ свекровью, проворно накрыла столъ, принесли извѣстное намъ кушанье. а свекоръ съ дружкой водку съ пивомъ, а для Петра особое наговорное вино, чтобы молодой полюбилъ свою жену; такъ какъ въ чудесную силу наговора здѣсь вѣрятъ всѣ крестьяне:

Какъ безъ пару, безъ жару и т. д. (См. выше).

Завтракъ начался; за этимъ завтракомъ не происходило никакихъ особенностей и наговоровъ. Когда гости усѣлись за столъ и порядочно уже попили и поѣли, Григорій обратился къ нимъ съ наговоромъ:

Кнезь молодой,
Кнегиня молода,
И всѣ гости полюбовныя,
Милости просимъ
Въ кнезеськую баню
Помытьча, попаритьча
Бѣлымъ мыломъ мытьча,
Бѣлилами бѣлитьча,

[1]) Желательно имѣть всѣ эти вопросы, ихъ можно будетъ напечатать по латыни и въ небольшомъ числѣ экземпляровъ; все это конечно остатокъ глубокой старины и должно быть сохранено для науки. *Ред.*

Руменчами руменнтьча,
Въ зеркало глядетьча.
Милости просимъ!

Не всѣмъ поимянно,
А всѣмъ обчекупно
Челомъ бьемъ.

Нѣкоторыя изъ гостей улыбнулись, сказали одну-другую шутку насчетъ молодыхъ, но отъ приглашеній дружки отказались. Молодые, предшествуемые дружкой съ вѣникомъ, отправились въ баню, передъ входомъ въ которую, Григорій передалъ имъ вѣникъ и ушелъ въ избу. Гости пировали, а Петра вмѣстѣ съ двоюроднымъ братомъ Григорій проводилъ въ баню. Когда вышелъ Петръ изъ бани, Григорій проводилъ туда Таню со свекровью. Свекровь зорко слѣдила за Таней и, какъ только та закрыла глаза, стараясь предохранить ихъ отъ потекшаго съ головы мыла, она плеснула на нее ковшъ холодной воды. Таня вскрикнула и вскочила на ноги, а свекровь проговорила про себя:

— Какъ ты, молода, боишьша холодной воды, такъ ты бойся и меня.

Въ избѣ Петръ и Таня умылись, и Григорій поставилъ ихъ другъ противъ друга, чтобы жили согласнѣе,—стянулъ обоихъ туго полотенцомъ и сказалъ:

— Какъ стянуло васъ теперь полотенчо, такъ штёбъ стягивала васъ всю жисть любовь да совѣтъ.

Развязавъ полотенцо, онъ передалъ его молодому, который опоясался имъ сверхъ рубашки и ходилъ въ немъ цѣлый день.

Въ углу, стараясь не смотрѣть ни на кого особенно, и не говоря ни съ кѣмъ много, сидѣла старая, худенькая женщина. Она безпрестанно потупляла глаза и что-то шептала—это была «пухтальница» (колдунья). Ей почему-то показалось, что Петръ и Таня не особенно ласковы между собой, и она давай нашептывать: «Утренняя зоря Марія, вечерняя Анастасія, сойдитеся въ одно мѣсто, посовѣтуйтесь, принесите тоску и кручину изъ-за синево моря въ сирьчо, въ мысль, въ душу, не могъ бы Петръ безъ Татьяны не жить, не быть, ни день дневать, ни ночи коротать, все бы тосковалъ, горевалъ, сномъ не засыпалъ, гульбой не загулелъ, питьемъ ни запивалъ, все бы на разумѣ держалъ. Какъ бѣла рыба безъ воды не можетъ жить, такъ бы безъ рабы Татьяны не могъ не жить, не быть». Окончивъ нашептываніе, старуха вперила свои глаза въ приготовлявшую подарки мужу Таню, и подумала, что такая баба пожалуй и уваженья отъ другихъ не будетъ имѣть и снова зашептала: «Какъ красное солнышко ясно взошло и покатилося, такъ бы и они рабы Божіи Петръ и Татьяна пошли, снарядилися, какъ праведному красному солнышку радуютча всѣ люди добрые и міръ православный, такъ бы и имъ возрадовались и возвеселились, куда бы ни пошли, ни поѣхали и всегда бы ихъ почитали и соблюдали, питья бы безъ нихъ не пили, еже бы не ѣли и крѣпкія думы не подумали, тайна слова не промолвили, какъ хлѣбъ безъ соли не живетъ, такъ бы безъ нихъ, не могли не жить, не быть. Аминь».

Между тѣмъ Таня собрала, положила подарки на тарелку (сверхъ ковриги хлѣба, чтобы подарки казались пышнѣй) и поднесла ихъ мужу. Петръ принялъ шальвары, поясъ, полотенцо и поблагодарилъ упавшую ему въ ноги Таню. Таня встала, надѣла на мужа обнову, подпоясала его шерстянымъ пояскомъ, и стала съ поклонами обдаривать своихъ семейниковъ, начиная съ свекра, котораго подарила рубашкой, свекровь—шалью, замужнюю золовку — шалью похуже, а дѣвушку половинкой (кусокъ шелковой матеріи на сдеришку или наколку). Послѣ обдариванія, Таня взяла гребень, а Григорій тарелку, и оба подошли къ Петру; Таня стала чесать ему голову, а дружка подставилъ ему тарелку.

Петръ положилъ на тарелку 20-ти-копѣечникъ и поцѣловался съ женой, когда она кончила причесывать ему голову. Затѣмъ Таня причесала голову свекру и остальнымъ семейникамъ. Каждаго изъ нихъ цѣловала, и каждый клалъ на тарелку въ подарокъ ей денегъ, которыя и поступали въ собственность новобрачной.

Гости, между тѣмъ, напились, наѣлись и разошлись по домамъ,—этимъ закончился второй свадебный день.

На третій день Григорій, получивши пятишку и позавтракавъ на славу, уѣхалъ домой; пировали же извѣстнымъ намъ порядкомъ самые близкіе родственники и молодые отъ души и щедро угощали ихъ, а сами не садились за столъ. Это былъ послѣдній пиръ, которымъ на цѣлыхъ два мѣсяца кончилось свадебное торжество въ домѣ у Якова Степановича.

Черезъ два же мѣсяца Иванъ Петровичъ и Татьяна Андреевна поѣхали къ зятю съ сыромъ... Они повезли съ собой 70 блиновъ, съ нимъ кринку масла, буракъ съ выжатымъ творогомъ (сромъ), три сотни вареныхъ яицъ и баклушку съ водкой. По пріѣздѣ, затю подарили 100 яицъ и рубашку, дочери 50 яицъ, свекру и свекровкѣ по 40 яицъ, а остальнымъ родственникамъ оставшіяся яица поровну. Все остальное положили на столъ [1]), и послѣдняя свадебная пирушка началась, на ней, какъ и прежде, водка подслащивалась поцѣлуями молодыхъ... Далеко за полночь разъѣхались веселые гости, и для молодыхъ наступила обыденная жизнь, весьма рѣдко прикрашиваемая пирушками. Не даромъ здѣсь существуетъ поговорка, что мужикъ женится для щей, т. е. для того, чтобы во время свадебныхъ пирушекъ полакомиться жирными говяжьими щами.

Въ заключеніе скажу, что сущность свадебныхъ церемоній въ уѣздѣ почти одна; но въ обычаяхъ, обрядахъ, наговорахъ, присловьяхъ и т. п., не только въ отдаленныхъ отъ города волостяхъ, но и въ ближнихъ деревняхъ пригородной волости,—существуетъ довольно много характеристическихъ оттѣнковъ, о которыхъ я поговорю впослѣдствіи...

Н. Г. Ординъ.

Приложеніе къ статьѣ Я. И. Смирнова:

Казаки-Некрасовцы на островѣ Мадѣ.

Редакторъ на дняхъ (16 апр.) получилъ письмо отъ Я. И. Смирнова изъ Константинополя отъ 8 апр. съ приложеніемъ двухъ «любопытныхъ документовъ», полученныхъ имъ того же 8 апр. изъ Коніи отъ казака Исаака Петровича. Исаакъ Петровичъ записалъ двѣ пѣсни уставомъ церковно-славянскими письменами (ѧ=я, оу (въ нач.) и ȣ въ серединѣ и въ концѣ словъ съ титлами (цр҃ѧ), придыханьями и удареньями.—Печатаемъ гражданкою, безъ придыханій, но съ сохраненіемъ удареній (гдѣ поставлены) и всего правописанія. Обѣ пѣсни записаны въ строку безъ раздѣленія на стихи. Исаакъ Петровичъ записывалъ очевидно припѣвая. Срвн. «въ пирябѐхъ бя̀гуть ууть да прибягàли». Говоръ нашихъ казаковъ конійскихъ, какъ ясно видно, принадлежитъ къ южновеликорусскимъ, сильно акающимъ, въ родѣ рязанскихъ. Безударное *о*=а, *а* же подъ удареніемъ=*о* (срвн. наше пальтò, во множеств. пòльты, пл*о*тежь), *е* съ удар.=и, безъ удар.=*я* (въ к. слова—«ва чисту пòля»), *и* безъ удар. (послѣ шип.)=у (дарожунькя; *г*=г'=*h*, отсюда=в (вой вм. гой), вм. *в*=г'=и въ концѣ слога *х* (казачькохъ, род. мн.), отсюда и коничъ род. ми. (са добрыхъ кониихъ). Любопытно употребленіе буквы *ю* вм. *jo*: разабюмъ, пирялютъ (разабьёмъ, перелётъ).

---

[1]) Масло уже растопленное поставлено на столъ съ цѣлью обмакиванія въ него блиновъ бывшимъ гостямъ.

Вм. дѣвушка Ис. Петровичь пишетъ дюге́юшка, т. е. дјоге́юшка, дјове́юшка; *кя* вм. *ка*; *ть* въ 3 л. наст. мн. ч. (бягуть).

Замѣтимъ что крашоная (царская діогеюшка)=красьная=крашьная=крашеная=крашоная т. е. красивая или красная дѣвушка (обычный эпитетъ).

Непонятно только слово тихонскии (салтанушки).

Зрѝ е́та пе́сня Игна́та Никра́сава.

За го́рами да за кру́тами, бра́цы, было̀ снигавы́ми,
За лѣсами да за те́мънами, бра́цы, было снывавы́ми
Стаѝла та́мъ да крашо́ная, бра́цы, царская діоге́юшка,
Ка́къ ка тое то было ка діоге́юшъки анѝ саяжа́лися,
Саяжа́лися узденья му́рзы, бра́цы, мурзы̀ кабардитстии,
Анѝ ду́мали да гада́ли, бра́цы, анѝ думу кре́пкаю
Прися́гу анѝ присяга́ли, бра́цы, ани к басурма́нину:
Пайдемъ, разабіо́мъ ту армеюшку, бра́цы, а мы царя белава,
Самово́ то мы да царе́вича, бра́цы, а мы̀ ва палонь вазміо́мъ,
А Иле́ну мы да цари́цу, бра́цы, в манастырь сашліо́мъ.
Зрѝтя госпо̀да е́таи пе́сьни коне́цъ.

Пе́сня Игна́та Некра́сава.

Во из до́лика да дале́ка да было̀ ва раздо́лиика
Ай да̀ а ншшоб да таво̀ да падо́лика было̀ ва чисту̀ по́льяя
Ай да та́мъ прале́гавала путь даро́жунькя, ана̀ ни широо́каая
Ай да̀ далинобо́ю ана̀ пу̀ть даро́жунькя ана̀ канца̀ кра́ю не́тъ
Ай да̀ ой нихътóжъ та па то́й па даро́жуньки нихтожъ да ни ха́жавалъ
Во́й ни ха́жавалъ па даро́жуньки нихто да ня ежаа́валъ,
Ня два ліо́тънаи два̀ сако́лика ани в пиряліо́тъ ляя́тять,
Ай да̀ два салта́нушки два тихо́нскии анѝ въ пирябе́хъ бя́гуть
Ууть да прибяга́ли анѝ ка Игнатаву анѝ ка бялу шатъру,
Ани слазивали са добры́хъ ко́нихъ ани на сы̀ру зе́мълю
Вой да анѝ влазивали ка Игъна́ту ани ва бялой шатеръ
Ее да какъ спасѝ та Хрі́стосъ два салтанушки два тихонс(кіи) [1])
Ее да какъ зачеемъ жа вы два салтанушки ка мъне да приехали?
Ее да ка́къ с Бо́гъ по́мочь табе бе (sic) та̀ Игнатъ сударь а самъ да Некрасавицъ
Какъ дава́ кя с табо́й мы̀ Игнатъ сударь с табо́й пазасънора́нимъ
Какъ дава́й кя с табо́й мы Игъна́тъ сударь а мы казачько́хъ дялѝть
Иить да̀ казачькохъ та дялить, Игна́тъ сударь, на три съчастачьки
Ии да на трѝ счастаачьки казазачько̀хъ (sic) дялѝть на трѝ ша́ичьки.
Етай пе́сьни кане́цъ писалъ Исаа́къ Петро́вичь [2]).

---

[1]) Эта строка вписана послѣ, между предъидущею, и послѣдующею, при чемъ, по образцу старыхъ рукописей, Исаакъ Потровичь прибавилъ на полѣ: «зря́тя на верх» и затѣмъ: «зри зде почина́й».

[2]) Очевидно цѣлая пѣсня въ памяти нашихъ Малоазійскихъ казаковъ не сохранилась.

ОТДѢЛЪ III.

Критика и Библіографія.

По поводу приложенія къ отчету А. Л. Погодина о его поѣздкѣ въ Ковенскую губернію.

(«Живая Старина», 1894 г., стр. 114—119 и 233—258).

Лѣтомъ 1893 г. А. Л. Погодинъ имѣлъ возможность побывать въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Тельшевскаго и Россіенскаго уѣздовъ Ковенской губ. и изучать на мѣстѣ нѣкоторые говоры жемайтскаго нарѣчія литовскаго языка. Плодомъ этой поѣздки, какъ извѣстно, явился помѣщенный въ «Живой Старинѣ» за 1894 г. отчетъ о ней и вмѣстѣ съ тѣмъ довольно важное по своимъ даннымъ приложеніе къ этому отчету. Отсылая желающихъ ближе ознакомиться съ нѣкоторыми говорами жемайтскаго нарѣчія прямо къ означенному приложенію, въ настоящей статьѣ я постараюсь сдѣлать лишь нѣсколько замѣчаній по поводу данныхъ, представляемыхъ этимъ приложеніемъ для изученія жемайтскихъ говоровъ. При этомъ руковожусь надеждою, что по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ этихъ указаній пригодятся какъ тѣмъ, которые будутъ пользоваться сдѣланными г. Погодинымъ наблюденіями въ томъ видѣ, какъ они выразились въ приложеніи, такъ и тѣмъ, которые въ будущемъ пожелаютъ записывать въ Литвѣ произведенія народнаго творчества. Затѣмъ, приступая къ самому изложенію своихъ замѣтокъ, считаю нужнымъ здѣсь же оговориться, что всѣ онѣ имѣютъ цѣлью лишь выясненіе нѣкоторыхъ недомолвокъ, неточностей и частью незначительныхъ противорѣчій, которыя мною усмотрѣны въ предложеныхъ г. Погодинымъ жемайтскихъ текстахъ и отчасти комментаріяхъ къ нимъ.

Прежде всего и главнымъ образомъ мы остановимся на говорѣ деревни Шилъ Жоранскаго прихода, Тельшевскаго уѣзда.

§ 1. Въ окрестностяхъ Жоранъ краткіе *i* и *u* произносятся, повидимому, какъ краткіе *e* и *o*, по крайней мѣрѣ такое ихъ произношеніе старается установить г. Погодинъ, пишущій: b e p a l e k a, v e s ą, k e t ą, p e l n ą, p a s e d a l y s m a (=b e p a l i k o, v i s ą, k i t ą, p i l n ą, p a s i d a l y s i m e или p a s i d a l į s i m e), m o k o, š o k o, t o r o, (=m o k u, š o k u, t u r i u). Однако, на ряду со словами съ *e* и *o* вмѣсто *i* и *u*, въ текстахъ, собранныхъ г. Погодинымъ, встрѣчается очень много и такихъ примѣровъ, въ которыхъ *i* и *u* литовскаго письменнаго языка не измѣнены въ краткіе *e* и *o*. Конечно, г. Погодинъ, какъ и самъ въ этомъ сознается (стр. 116), могъ иногда по недосмотру записать *i* и *u* тамъ, гдѣ, по его мнѣнію, нужно было поставить *e* и *o*, и этимъ можно было-бы

объяснить много спорадическихъ случаевъ, въ которыхъ выразилась только непослѣдовательность правописанія. Но дѣло въ томъ, что г. Погодинъ въ очень многихъ случаяхъ въ высшей степени послѣдовательно пишетъ эти *i* и *u* вмѣсто ожидаемыхъ *e* и *o*. Къ послѣднимъ случаямъ можетъ быть отнесено употребленіе *u* въ окончаніяхъ винит. п. множ. ч. и творит. п. ед. ч.: kelelius, ṫus dedžius ragus, suspausk raktelius, ons šaude paukščius visokius, pasesio linelius, ein keliu, kap keliu ḃegte (одинъ разъ—po poudo) и т. д. и употребленіе *i* въ словахъ iš, ir, а равно въ окончаніи втораго лица ед. ч. жемайтскихъ глаголовъ: ne atpusi, šoki, ne teksi kad tylėsi, turesi и пр. Въ виду такого постояннаго употребленія въ нѣкоторыхъ случаяхъ *i* и *u* вмѣсто краткихъ *e* и *o*, самъ собою возникаетъ вопросъ, откуда же въ самомъ дѣлѣ взялась эта непонятная послѣдовательность, которая, кстати сказать, отчасти приводится даже въ представленныхъ г. Погодинымъ образцахъ склоненія и спряженія (ср. arklius, deivus, tori, dousi, стр. 118)? Вотъ почему вопросъ о томъ, вездѣ ли въ Жоранскомъ говорѣ и дѣйствительно-ли литовскіе *i* и *u* произносятся тамъ, какъ краткіе *e* и *o*, такъ или иначе должно считать не вполнѣ выясненнымъ текстами г. Погодина.

Относительно произношенія въ Жоранскомъ говорѣ краткаго *i* является одинъ вопросъ, котораго, къ сожалѣнію, не задавалъ себѣ, а потому и не разрѣшилъ г. Погодинъ. Если краткій *i* произносится въ этомъ говорѣ какъ *e*, то слѣдуетъ-ли отсюда, что въ словахъ: vilkas (волкъ) и velka (влечетъ, влекутъ), pilkas (сѣрый) и pélkė (болото), visas (весь) и vėsti (вести), mínkyti (мѣсить) и ménkė (навага), miñti (угадывать, догадываться) и meñkas (незначителенъ) первые слоги произносятся тамъ совершенно одинаково? Хотя одинаковость написанія этихъ слоговъ (г. Погодинъ, вѣроятно, написалъ-бы: velkas—velka, pelkas—pelke, vesas—veste и т. д.) давала-бы право предполагать и одинаковое ихъ произношеніе, однако мы позволяемъ себѣ усумниться въ возможности дать на поставленный вопросъ утвердительный отвѣтъ, и потому полагаемъ, что Жоранскіе жемайты различаютъ въ своемъ произношеніи такія слова, какъ: mirkti (мокнуть, быть размачиваемымъ) и merkti (мочить), niršti (злиться, яриться) и neršti (метать икру, икриться), virsti (валиться) и versti (валить), tikti (годиться etc) и tėkti (доставаться), visti (плодиться) и vėsti (вести), lipti (подниматься, лѣзть вверхъ) и lėpti (размягчаться, изнѣживаться)', virti (варить, вариться) и vérti (вдѣвать etc), misti (питаться, кормиться) и mėsti (бросать), vílti, apvílti (обманывать, соблазнять) и vélti, apvélti (валять etc.) и другія.

Считая такимъ образомъ весьма вѣроятнымъ, что литовскому *i* не вполнѣ соотвѣтствуетъ въ Жоранскомъ говорѣ краткій *e*, и расширяя это предположеніе на гласный *u*, мы полагаемъ, что эти гласные произносятся здѣсь скорѣе всего какъ звуки средніе между *e*—*i* и *o*—*u*, т. е. какъ краткіе закрытые *e* и *o*, словомъ какъ ĕ и ŏ. Принявъ для Жоранскаго говора это послѣднее произношеніе литовскихъ *i* и *u*, мы можемъ отчасти понять и то колебаніе въ начертаніи литовскихъ *i* и *u*, въ этомъ говорѣ, то колебаніе, которое такъ сильно бросается въ глаза въ разбираемыхъ текстахъ, именно мы можемъ понять, почему у г. Погодина теорія относительно произношенія этихъ двухъ литовскихъ звуковъ (*i*=*e*, *u*=*o*) такъ сильно расходится съ начертаніемъ ихъ въ текстахъ (*i*=*e* и *i*, *u*=*o* и *u*). Кромѣ того, очень возможно, что эти ĕ и ŏ приближаются по произношенію къ *i* и *u* или *e* и *o* въ зависимости отъ того, слѣдуетъ-ли за ними широкій или узкій гласный, стоятъ-ли они въ концѣ или въ серединѣ слова, хотя утверждать это, основываясь исключительно на текстахъ г. Погодина, положительно нѣтъ никакой возможности. Затѣмъ слѣдуетъ помнить, что краткому ė въ такихъ случаяхъ долженъ предшествовать почти твердый или мало смягчаемый согласный. Что согласный звукъ передъ такимъ ė (изъ общелит. *i*) мало смягчается у жемайтовъ, видно уже изъ того, что въ книгахъ, писанныхъ на жемайтскомъ нарѣчіи (напр. у Станевича), краткій литовскій *i* послѣ согласныхъ обыкновенно передается посредствомъ знака *y*, который въ такомъ случаѣ употребляется въ соотвѣтствіе съ польскимъ *y* въ словахъ dym, myto, ryba, гдѣ *d*, *m*, *r*,

какъ извѣстно,—твердые согласные. Если остановиться на этомъ предположеніи о выговорѣ въ Жоранахъ литовскихъ *i* и *u*, тогда можно будетъ, по крайней мѣрѣ, утверждать, что слова: leñkti (гнуть) и liñkti (гнуться), vérti и vírti и др. произносятся тамъ неодинаково (въ verti, tekti, mesti и т. д. согласный звукъ передъ открытымъ *e* произносится у жемайтовъ довольно мягко).

§ 2. Въ Жоранскомъ говорѣ, какъ и вообще у жемайтовъ, долгіе неударяемые гласные въ падежныхъ окончаніяхъ, а также въ окончаніяхъ формъ спряженій должны подвергаться сокращенію, причемъ ė и ę должны обращаться въ такихъ случаяхъ въ *e*, ū, ų, въ *u*, *y*, į, въ *i*, ą въ *a* (послѣ мягкихъ согласныхъ въ *e*), *o* послѣ твердыхъ согласныхъ въ *a*, а послѣ *j* и мягкихъ согласныхъ въ *e* [1]). Такимъ образомъ, здѣсь, въ Жоранскомъ говорѣ были бы возможны, повидимому, слѣдующія формы: ronkeles изъ rankelės, mergeles изъ mergelės, taise изъ taisė, egle изъ eglę, drobeliu изъ drobelių, širdi изъ širdį, biera žirgeli изъ bėrą žirgelį, *y* (= ī) rūtu darža изъ į rūtų darža, vyra изъ vyro, ryta изъ ryto, šuoka изъ šoko, sietas изъ sėtos, bruole изъ brolio, arkle изъ arklio, kraujе изъ kraujo и пр. Но о такихъ сокращеніяхъ въ этомъ говорѣ г. Погодинъ почему-то совершенно не упоминаетъ, а прямыхъ указаній на это въ представленныхъ имъ текстахъ не имѣется. Не могутъ же въ пользу такихъ сокращеній прямо говорить формы въ родѣ слѣдующихъ: nu raselių, nu ašarelių, na sesio rutelių (= nuo raselių, nuo ašarėlių, nesėsiu rūtelių), kur leisio berą žirgelį (= kur leisiu bėrą žirgelį), ėje nedelios ryta (= ėjo nedėlios rytą), katras turtu tor daugybę iš tos eglis, mergiales, rutelias (= katras turtų tur daugybę, iš tos eglės, mergelės, rūtelės), arkle, žinoji (= arklio, žinojo), и другія. Затѣмъ остается не выясненнымъ еще одинъ вопросъ: переходятъ-ли въ этихъ неударяемыхъ слогахъ и краткіе į и ų изъ *i*, *y*, *ū* и ų, въ краткіе *e* и *o*, или же въ данномъ случаѣ слѣдуетъ читать ихъ какъ *i* и *u*? Если съ только что приведенными и другими подобными имъ и численно преобладающими въ текстахъ примѣрами сопоставить весьма рѣдкія, попадающіяся лишь въ видѣ исключенія, формы: dantes byra (= dantys byra или вѣрнѣе dantįs bįra), išausio drobelo (= išausiu drobelių), то можно будетъ догадываться, что и въ этихъ случаяхъ *i* и *u* обращаются въ Жоранскомъ говорѣ въ краткіе *e* и *o* (вѣроятно въ ĕ и ŏ), хотя, повторяемъ, прямыхъ указаній для разрѣшенія этого вопроса самъ г. Погодинъ, къ сожалѣнію, опять-таки не даетъ.

§ 3. Въ конечныхъ неударяемыхъ слогахъ гласные ė и *o*, какъ это отчасти видно и изъ выше приведенныхъ примѣровъ, передаются въ текстахъ г. Погодина такъ, что совершенно трудно становится разобраться относительно дѣйствительнаго ихъ произношенія въ Жоранскомъ говорѣ: верхнелитовскій ė тутъ передается какъ *a* со смягченіемъ предыдущаго согласнаго (rutelias, nom. pl.), какъ *e* (širdele, nom. sing.) и какъ i (iš eglis), а верхнелитовскій *o* послѣ *j* и мягкихъ согласныхъ какъ *e* (pradėje, migele, paukste, arkle = pradėjo, miegelio, paukščio, arklio) и какъ *i* (pradėji, žinoji, arkli, brongis = pradėjo, žinójo, árklio, brángios). Если согласиться, что на ряду съ arkle (= arklio), bronges (= brángios), egles (= eglės), žinoje (= žinojo) дѣйствительно возможны здѣсь и arkli, brongis, eglis, žinoji, то придется признать, что въ этомъ говорѣ есть склонность измѣнять въ конечныхъ неударяемыхъ слогахъ жемайтскій *e* (изъ *o* и ė) въ *i*. Если припомнить затѣмъ то, что̀ говоритъ г. Погодинъ относительно произношенія въ Жоранахъ литовскаго *i* (§ 1), тогда для Жоранскаго говора получается довольно странный фонетическій законъ, именно приходится заключить, что

[1]) Въ нѣкоторыхъ жемайтскихъ говорахъ всякій конечный *e*, получившійся изъ долгаго гласнаго, переходитъ въ ẽ и даже въ *i*. Поэтому литовскимъ: kirvio, arklio, eglės у жемайтовъ могутъ соотвѣтствовать: kirve, arkle, egles; kirvẽ, arklẽ, eglẽs; kirvi, arkli, eglis.

жемайтскій *e* при извѣстномъ положеніи переходитъ въ Жоранскомъ говорѣ въ *i*, а всякій литовскій *i* въ *e*. Странно собственно то, что приходится признавать существованіе въ одномъ и томъ же говорѣ двухъ исключающихъ другъ друга законовъ: *e* можетъ произноситься какъ *i*, а *i* произносится какъ *e*! Мало того; если г. Погодинъ принимаетъ для одного и того же Жоранскаго говора формы arkle и arkli, egles и eglis, то eo ipso онъ долженъ принять еще и третье, среднее или переходное произношеніе конечнаго гласнаго, т. е. онъ долженъ принять и формы arklė, eglės (съ краткимъ закрытымъ *e*). Такимъ образомъ для Жоранскаго говора получатся уже слѣдующія формы: arkle, bronges, egles, žinoje; arklē, brongēs, eglēs, žinojē, arkli, brongis, eglis, žinoji. Но чтобы всѣ эти формы могли уживаться въ одной деревнѣ Шилахъ, это, замѣтимъ мы, во всякомъ случаѣ едва-ли вѣроятно.

Выходъ изъ всѣхъ этихъ противорѣчій возможенъ будетъ лишь при томъ предположеніи, что жемайтскій *e* въ конечныхъ неударяемыхъ слогахъ произносится въ дер. Шилахъ не какъ *e* или *i*, а какъ ē, и что этотъ ē въ данномъ случаѣ совпадаетъ съ тѣмъ краткимъ закрытымъ *e*, который мы предположили въ Жоранскомъ говорѣ для верхнелитовскаго *i*. Такимъ образомъ, если будемъ основываться исключительно на извлеченныхъ изъ текстовъ г. Погодина данныхъ, то должны будемъ установить для этого говора слѣдующія формы: palēka, vēsa, kēta (= paliko, visą, kitą), arklē, brongēs, eglēs, žinojē (= arklio, brongios, eglės, žinojo). Если согласиться съ этимъ выводомъ и принять, что верхнелитовскому *i* соотвѣтствуетъ въ Жоранскомъ говорѣ краткій закрытый *e*, занимающій приблизительно среднее положеніе между *i* и открытымъ *e*, то опять-таки придется признать, что и верхнелитовскій *u* произносится въ этомъ говорѣ какъ краткій закрытый *o*, занимающій середину между *u* и открытымъ *o*: въ говорахъ литовскаго языка гласные *i* и *u* имѣютъ свойство измѣняться въ одномъ и томъ же направленіи, такъ напр. если гласный *i* въ какомъ-нибудь говорѣ произносится особенно открыто и приближается къ *e*, то и гласный *u* въ томъ же говорѣ становится весьма открытымъ и приближается по произношенію къ *o*.

§ 4. Верхнелитовскіе гласные ė и *o*, насколько намъ извѣстно, въ серединѣ словъ произносятся въ жемайтскихъ говорахъ какъ *ie* и *uo* (съ *e* и *o* закрытыми), и въ началѣ какъ *jie* и *vuo*: верхнелит. pėda (стопа), gėda (стыдъ), sėti (сѣять), dėti (дѣть, класть), stogas (крыша), doras (хорошій, честный), ėdu (ѣмъ), oras (воздухъ), ožys (козелъ) по-жемайтски произносятся какъ: pieda, gieda, sieti, dieti (или siete, diete и sietē, dietē); stuogs, duors, jiedu, vuors, vuožys. О существованіи въ Жоранскомъ говорѣ такого произношенія верхнелитовскихъ *ė* и *o*. г. Погодинъ почему-то совершенно не говоритъ, а при передачѣ этихъ гласныхъ верхнелитовскаго языка употребляетъ въ Жоранскихъ текстахъ исключительно *ė* (*je*) и *o* (*vo*); вслѣдствіе этого легковѣрный читатель можетъ подумать, что этимъ верхнелитовскимъ монофтонгамъ и въ Жоранахъ, мѣстности жемайтской, соотвѣтствуютъ не дифтонги *iė* и *uo*, какъ это бываетъ у остальныхъ жемайтовъ, а такіе же *ė* и *o*, какіе мы знаемъ изъ верхнелитовскихъ говоровъ.

§ 5. Въ текстахъ, собранныхъ г. Погодинымъ въ тѣхъ же Шилахъ, встрѣчаются формы: kun, ož ton, ontrą, untrasis, mon, mona, ons, unt žemes, į muni. Вмѣсто сочетаній *un* и *on* здѣсь, конечно, возможно одно: либо *on*, либо *un*, либо нѣчто среднее между *on* и *un*. Мы предполагаемъ послѣднее произношеніе и принимаемъ передъ *n* въ этихъ и подобныхъ словахъ краткій закрытый *o*, т. е. ō.

§ 6. Въ первыхъ двухъ сказкахъ, записанныхъ въ деревнѣ Шилахъ, даны формы для Жоранскаго говора — graušo, douso (=graušiu или griaušiu, duosiu), гдѣ š и *s* слѣдуетъ произносить какъ твердые š и *s*. Между тѣмъ въ тѣхъ же сказкахъ попадаются и формы съ іотаціею, какъ напр. eisio, gausio, dousio, pasakysio (=eisiu, gausiu, duosiu, pasakysiu); затѣмъ во всѣхъ остальныхъ Жоранскихъ текстахъ формы будущаго времени встрѣчаемъ почти исключительно съ іотаціею передъ конечнымъ *o* (leisio, nasesio и т. д.=leisiu,

nesėsiu). Такое отношеніе г. Погодина къ этой звуковой особенности говора, конечно, очень мало разъясняетъ вопросъ объ отсутствіи здѣсь или присутствіи факта іотаціи. На стр. 117 г. Погодинъ считаетъ правильными для Жоранскаго говора формы въ родѣ douso, но тексты не подтверждаютъ этого указанія. Съ другой стороны намъ извѣстно, что у жемайтовъ есть формы degsiu и degsu, vesiu и vesu. Такимъ образомъ вопросъ о томъ, какъ звучатъ эти формы въ Жоранскомъ говорѣ, долженъ считаться пока открытымъ.

§ 7. На стр. 234 даны двѣ формы дательнаго падежа ед. ч.—velniuj и ponaičiuj. Больше формъ дат. п. отъ основъ на *a* и *ja*, кажется, не встрѣчается въ Жоранскихъ текстахъ. Надо замѣтить, что формы дат. п. на *ui* въ жемайтскихъ говорахъ вообще невозможны. Такимъ образомъ приходится не обращать вниманія на ponaičiuj, velniuj и считать дѣйствительно существующими въ описываемомъ говорѣ лишь формы дат. п. въ родѣ deivou, arkliou,— формы, данныя въ образцахъ склоненія (стр. 118) и возможныя въ жемайтскомъ нарѣчіи.

§ 8. До сихъ поръ мы останавливались исключительно на діалектологическихъ особенностяхъ, представляемыхъ текстами, записанными въ окрестностяхъ мѣстечка Жоранъ. Мы видѣли, что въ опредѣленіе этихъ особенностей г. Погодинъ по тѣмъ или инымъ причинамъ внесъ слишкомъ мало точности. Не больше опредѣленности мы находимъ въ начертаніи звуковой стороны и другихъ описанныхъ г. Погодинымъ говоровъ. Чтобы не распространяться слишкомъ долго о томъ, какъ отнесся г. Погодинъ къ этимъ говорамъ, я приведу лишь нѣсколько формъ, долженствовавшихъ охарактеризовать языкъ Лавковскаго прихода: *arge a*na pareitu и *arga e*na pareitu (=argi ana или ji pareitų, въ пѣснѣ 1-ой, стр. 240), auga s*od*ne žale lapa (=augo sodne или sode žali lapai) и po žalįjį so*din*elį (въ п. 2-ой), raudonas uge*lis* (= raudonos uogelės) и matuše*les* pažadeta (=*m—ės p.*, въ п. 2-ой), m*o*na и m*u*na (въ п. 3-ьей), vej*eli* žaliava (=vejelė žaliavo) и smilte*les* dulkėjė (въ п. 3-ьей), terp gelži*n*ų lun*ku*, и terp gelži*nun* lun*kun* (стр. 244) и пр. Эти и другія подобныя начертанія звуковыхъ особенностей отдѣльныхъ говоровъ частью вызваны, конечно, недосмотромъ самого г. Погодина и, можетъ быть, просто опечатками. По крайней мѣрѣ, встрѣчая въ одномъ и томъ же текстѣ формы: volung*eli* и volung*elė* (имен. п. стр. 245), ten *ba*buti (=ten bebūti) и ne*bib*ade (=nebebaidė, сказка 4-ая стр. 252—253), *ne* noro и *na*bėra (=nenoriu и nebėra, 4 ск. стр. 254), *na* sogaute и *ne* mesk (=nesugauti и nemesk, 3 ск. стр. 254), имѣемъ полное право предположить, что, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя изъ этихъ противорѣчащихъ одно другому начертаній вызваны не особенностями говоровъ, а просто недосмотрами, описками, опечатками и другими ошибками. Притомъ ошибокъ этихъ въ текстахъ г. Погодина такъ много, что онѣ положительно мѣшаютъ дѣлать на основаніи собранныхъ имъ матеріаловъ тѣ или иныя заключенія фонетическаго характера.

§ 9. Долгота гласныхъ почти нигдѣ въ текстахъ, собранныхъ г. Погодинымъ, не указывается, а ударенія нигдѣ не обозначены. Это обстоятельство, въ связи съ отмѣченною выше неточностью въ опредѣленіи звуковъ жемайтскихъ говоровъ и обиліемъ всевозможныхъ ошибокъ, заставляетъ насъ относиться къ этимъ текстамъ во всякомъ случаѣ крайне осторожно. Держась такого взгляда на значеніе текстовъ для опредѣленія фонетическихъ и морфологическихъ особенностей жемайтскаго нарѣчія, мы далеки отъ мысли умалять значеніе этихъ текстовъ для тѣхъ, кто будетъ искать въ нихъ матеріала для выясненія синтаксической стороны нижне-литовскихъ говоровъ. Въ этомъ отношеніи собранные г. Погодинымъ матеріалы могутъ дать и даютъ много важныхъ указаній, тѣмъ болѣе, что ошибки, искажающія грамматическія формы словъ, крайне рѣдки и сравнительно весьма незначительны. Къ такимъ ошибкамъ мы относимъ, напр., слѣдующія мѣста: rytą metą sjunte... (на утро послалъ, стр. 253)

вмѣсто ryta (genit.) meta (accus.) siunte (=ryto metą siuntė, ср. ryto metas = rytmetys, утро); saule unt dungaus kraitela kloti, švejsus meneselis dalelę doute, šveisa žvaizdele vajneka pinte (солнце на небѣ, чтобы приданое собрать, свѣтлый мѣсяцъ — долю дать, свѣтлая звѣздочка—вѣнокъ свить, стр. 251) вѣроятно вмѣсто s. untd. kraiteliou или kraitelių (дат.) kloti, šv. m. dalele(i) (дат.) douti, šv. žv. vainekou или vainekų (дат.) pinte. Употребленіе въ послѣднемъ примѣрѣ дательнаго падежа обще, кажется, всѣмъ говорамъ литовскаго языка; съ другой стороны въ пѣснѣ, записанной г. Погодинымъ, насъ поражаетъ употребленіе въ одномъ и томъ же примѣрѣ разныхъ падежей (винит. и родит.), имѣющихъ одно и тоже значеніе; если въ данномъ примѣрѣ винительный падежъ можетъ считаться объяснимымъ зависимостью отъ стоящаго рядомъ doute, то употребленіе при этомъ еще другого падежа въ томъ же значеніи во всякомъ случаѣ непонятно.

§ 10. Жемайтскіе тексты, записанные г. Погодинымъ, въ томъ видѣ, какъ они напечатаны, могутъ удовлетворить и этнографа, изучающаго памятники народнаго творчества со стороны ихъ содержанія, такъ какъ переводъ памятниковъ на русскій языкъ исполненъ въ общемъ удовлетворительно. Хотя нѣкоторыя отдѣльныя мѣста и переведены неправильно, за то общій смыслъ каждой сказки и каждой народной пѣсни переданъ совершенно вѣрно. Ниже мы предлагаемъ сдѣлать нѣсколько поправокъ для устраненія замѣченныхъ нами неправильностей въ передачѣ нѣкоторыхъ частностей литовскаго текста.

На стр. 234 слова: ir ronds nėka ne liub nušaute переданы неточно: «но никогда, кажется, ничего не застрѣливалъ». Форма ronds представляется сомнительною, а значеніе «кажется» въ данномъ случаѣ, въ устахъ разсказчика совершенно непонятно. У жемайтовъ возможна форма rondas (=randas), но она употребляется въ значеніи «дѣлается, случается, происходитъ», что̀, однако, къ данному мѣсту не подходитъ. Не будетъ-ли здѣсь: ir ons etc..., что̀ значило-бы «и онъ ничего не застрѣливалъ» [1])?

На стр. 235 стихъ: katras redas, tasaj pliuškis переданы не совсѣмъ правильно: «Кто наряжается, тотъ сумасшедшій». Pliuškis означаетъ человѣка, любящаго только показную сторону, напр. наряды, и вообще легкомысленнаго, несерьезнаго, не руководящагося въ своихъ поступкахъ здравымъ смысломъ; по Куршату—ein alberner Mensch.

На стр. 236 стихъ: vo ne teksi, kad tylesi переданъ невѣрно: «но не получишь, если будешь молчать». Здѣсь vo ne teksi = o netiksi, o nejtiksi и значитъ: «но не будешь нравиться, не угодишь».

На стр. 237 слова: kap riak durales daryte, sverna raktelius valdyte передано: «какъ нужно двери отворять, овладѣть ключами отъ свирни». Valdyti ką значитъ «справляться, обходиться съ ч. н.: ср. въ нар. пѣсняхъ valdyti laivelį въ значеніи «обходиться (во время плаванія) съ лодкою, направлять лодку, править лодкою». Здѣсь должно быть: «обходиться съ ключиками».

Тамъ же слова: už paselninką eit ne norėje переданы невѣрно: «за поселянина идти не хотѣли». Pasėlys собств. значитъ «посѣвъ», то, что̀ батракъ сѣетъ на хозяйскомъ полѣ для себя въ счетъ или вмѣсто жалованья (въ Поневѣ. уѣздѣ = bandà); отсюда pasėlininkas (ср. словарь Куршата) означаетъ батрака, получающаго вознагражденіе не деньгами, а посѣвомъ (въ Понев. у. этому слову соотвѣтствуетъ bandinỹks = bandinykas или bandininkas). Здѣсь слѣдуетъ переводить: «за батрака идти не хотѣли».

---

[1]) На стр. 233 вм. kun mes če varksma (чего мы здѣсь будемъ плакать) вѣроятно должно быть kun mes če vargsma (=чит. var̃ksma, чего мы здѣсь будемъ бѣдствовать).

На стр. 239 слова: iš ontra ragele arkli posnagą переведены: «за другой рогъ (добыла себѣ) лошадиную подкову». Должно быть: «лошадиное копыто» (ср. словарь Куршата).

Тамъ же пословица: del geros potros blogs pilvs te sprokst переданы неправильно: «для хорошей пищи хоть лопни дурное брюхо». Должно быть: «отъ хорошей путры только дурное брюхо лопается, только дурное брюхо хорошей путры не переноситъ».

На стр. 242 слова: sutink varlelę šukujenčią переведены: «встрѣчаетъ квакающую лягушечку». Šukujenčią здѣсь = šukujenče или šokujenče (верхнелит. šokuójančią или šuókuojančią) и значитъ «подпрыгивающую». Šokuóti, мѣстами šuókuoti = передвигаться съ мѣста на мѣсто небольшими прыжками» (говорится о лягушкѣ, стреноженной лошади и пр.).

На стр. 244 слова: storokis duti jaj į ausį, vo kap sudusi į ausį, ty nubers lunkaj переданы совершенно неправильно: «постарайся дунуть ей въ ухо и, какъ дунешь въ ухо, то осыпятся листы». Dūti и sudūti (= duoti и suduoti) здѣсь, какъ и вездѣ, значатъ «дать». Что duti не можетъ быть заимствовано, какъ толкуетъ г. Погодинъ, изъ русскаго «дуть», на это указываетъ само сопоставленіе этого слова съ sudūti. Русское «дуть» верхнелитовцы и нижнелитовцы переводятъ своимъ pūsti. Выраженія duoti į ausį, per ausį (= дать въ ухо) и gauti per ausį, į ausį (= получить въ ухо, получить пощечину) повсемѣстно употребляются въ Литвѣ; въ этомъ значеніи эти выраженія (duoti, suduoti į ausį) употреблены и въ данномъ мѣстѣ. Lunkas здѣсь соотвѣтствуетъ верхнелитовскому lañkas и значитъ «обручъ» (слѣд. отличать отъ lúnkas=лыко). Такимъ образомъ nubers lunkaj (= nubirs lankai) значитъ «спадутъ, слетятъ обручи».

На стр. 250 слова: jis pasetise į žardyną ton vervę etc. (= jis pasitiesė į žardieną tą virvę) переведены неправильно: «онъ растянулъ у жердей ту веревку». Лит. žardis (по жем. также žardỹs) означаетъ огороженное, прилегающее непосредственно къ усадьбѣ мѣсто, служащее обыкновенно тѣмъ, что нѣмцы называютъ «Rossgarten». Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Литвы невоздѣлываемая часть усадьбы, прилегающая къ гумну, называется klúonas (гумно = klojimas, klojimai), въ другихъ мѣстахъ такое мѣсто называется kluonienà (гумно = kluonas). Жемайтское žardyna (= žardienà) при žardis, повидимому, соотвѣтствуетъ верхнелитовскому kluoniena при kluonas и означаетъ невоздѣлываемое мѣсто, непосредственно прилегающее къ усадьбѣ и предназначаемое обыкновенно для устройства Rossgarten'а. Относительно žardis и žardyna см. также словарь Куршата. Указанное мѣсто слѣдовало-бы передать приблизительно такъ: «онъ растянулъ веревку на пріусадебномъ лугу». Жердь по-жемайтски и по верхнелитовски называется kártis, kartelė.

Пользуюсь удобнымъ случаемъ, чтобы высказать свое сомнѣніе еще по поводу одной замѣтки, принадлежащей перу г. Погодина. Въ своей статейкѣ «Нѣсколько словъ о Куронахъ» («Жив. Ст.», 1893 г., стр. 571—572) г. Погодинъ старается доказать, что сѣверо-западные жемайты составляютъ отдѣльную отрасль литовскаго племени, ассимилировавшуюся съ одной стороны съ теперешними литовцами, съ другой съ Курляндскими латышами. Для доказательства этого положенія г. Погодинъ приводитъ, между прочимъ, нѣсколько словъ, взятыхъ имъ изъ языка этого «отдѣльнаго литовскаго племени» и сопоставляетъ ихъ съ соотвѣтствующими латышскими словами. Въ этой замѣткѣ сказано, между прочимъ, слѣдующее: «въ Полангенской пѣснѣ Užvajavoje Ringos mesteli ir iškapoje dedi vaiskeli (см. «Жив. Ст.», 1893 г., стр. 524) слово iškapoje лучше объясняется изъ латышскаго iskopt (in Ordnung

bringen), чѣмъ изъ литовскаго kapoti (колоть дрова), и далѣе «сочиненія Довконта легче читать съ латышскимъ, чѣмъ съ литовскимъ словаремъ». Все это утвержденіе основано на слишкомъ поверхностномъ знакомствѣ съ фактами литовскаго и латышскаго языковъ и можетъ породить лишь смуту въ людяхъ, безпрекословно вѣрящихъ печатному слову. Дѣло въ томъ, что лит. kapóti (лат. kapāt) значитъ не «колоть дрова» (malkas kapóti, malkas kirsti), а вообще «разрубать, разсѣкать (что-нибудь) на мелкія части; рубить, сѣчь». Орудіе, коимъ разрубаютъ на части нѣкоторые предметы, у литовцевъ называется kaplỹs (лат. kaplis); какъ kaplỹs, такъ и kapóti (iškapoti, sukapoti etc.) извѣстны повсемѣстно въ Литвѣ и ничего общаго съ лат. kopt или iskopt не имѣютъ. Латышскимъ kopt, iskopt (съ *o* = *uа*, лит. *uo*) и въ литовскомъ языкѣ соотвѣтствуютъ kuõpti и iškuõpti. Мнѣ извѣстно слѣдующее употребленіе этихъ литовскихъ словъ, нѣсколько разнящееся отъ употребленія ихъ у латышей: kuõpti ãvilį, griõvį, klojìmą, = подчищать улей, ровъ, гумно, выбрасывая изъ нихъ все не нужное или загрязняющее ихъ; kuopti trioba = выметать грязь изъ избы, очищая или приводя ее въ порядокъ; bites kuopti = подчищать улей (весною и осенью), или брать медъ изъ улья и подчищать при этомъ улей (Понев. у.); iškuopti iš avilio, iš lovio nereikalingus daiktus (Поневѣжск. и Владислав. у.) = устранить изъ улья или корыта все не нужное, привести ихъ въ должный порядокъ. Такія значенія глагола kuopti совершенно не подходятъ къ приведенному изъ Полангенской пѣсни мѣсту, которое собственно значитъ: «завоевали городъ Ригу и изрубили (перебили саблями, не огнестрѣльнымъ оружіемъ) большое войско»; г. Погодинъ предложилъ совершенно неподходящій къ данному мѣсту переводъ: «завоевали городъ Ригу и выстроили большое войско»! Затѣмъ утвержденіе, что сочиненія Довконта легче читаются съ латышскимъ словаремъ, нежели съ литовскимъ, опять-таки не выдерживаетъ никакой критики. Чтобы опровергнуть такой взглядъ на языкъ сочиненій литовскаго писателя Довконта, достаточно развернуть любое изъ его сочиненій и попробовать прочесть хоть нѣсколько страницъ съ латышскимъ словаремъ. Послѣ такого опыта оказалось бы слѣдующее: 1) всякій, кто вздумалъ бы читать Довконта съ латышскимъ словаремъ въ рукахъ, при первой же попыткѣ подумалъ бы, что по ошибкѣ взялъ не тотъ словарь или не того Довконта... 2) Довконтъ, желая обойтись въ своихъ сочиненіяхъ безъ словъ, заимствованныхъ изъ русскаго и польскаго языковъ, перенялъ нѣсколько словъ и оборотовъ, между прочимъ, изъ языка латышскаго; 3) самый строй языка Довконта, весь словарный матеріалъ, а равно фонетическая и морфологическая сторона его языка въ общемъ тѣ же, что и въ сочиненіяхъ другихъ авторовъ, писавшихъ по-жемайтски, и 4) Довконта не совсѣмъ легко было бы читать и съ имѣющимися у насъ литовскими словарями, но это потому, что порядочнаго и полнаго литовскаго словаря до сихъ поръ, къ сожалѣнію, нѣтъ. Къ этому можно было бы прибавить, что слова латышскія, встрѣчающіяся въ самомъ нарѣчіи Довконта, въ томъ нарѣчіи, которое легло въ основаніе языка его произведеній, можно найти и во всѣхъ другихъ мѣстностяхъ Литвы, пограничныхъ съ Курляндіею. Такимъ образомъ, мнѣ кажется, что ни приведенное выше слово iškapoti, ни языкъ произведеній Довконта не говорятъ въ пользу той теоріи, по которой сѣверо-западные жемайты представляются отдѣльнымъ литовскимъ племенемъ, нѣкогда ассимилировававшимся съ теперешними литовцами и Курляндскими латышами.

Ив. Яблонскій.

Г. Митава, 9 декабря 1895 г.

Бѣлорусское Полѣсье. Сборникъ этнографическихъ матеріаловъ, собранныхъ М. Довнаромъ-Запольскимъ. Выпускъ I. Пѣсни Пинчуковъ. Кіевъ 1895 г. (Оттискъ изъ Извѣстій Университета св. Владиміра).

По порученію Этнографическаго Отдѣла Московскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи г. Довнаромъ-Запольскимъ въ 1890 и 1892 гг. были совершены двѣ поѣздки въ Бѣлоруссію для изученія народнаго творчества. Обѣ эти поѣздки оказались вполнѣ удачными по количеству и качеству собраннаго матеріала, но менѣе удачна была попытка обнародовать этотъ матеріалъ: уже отпечатанная часть сборника была истреблена пожаромъ. Кое-что въ извлеченіяхъ помѣщалось въ разныхъ изданіяхъ (Живая Старина, Этнографическій сборникъ) частью въ обработанномъ, частью въ сыромъ видѣ, но систематическое изданіе сборника начато только съ прошлаго года, и передъ нами теперь первый выпускъ, заключающій въ себѣ пѣсни Пинчуковъ. Трудъ Довнара-Запольскаго удовлетворяетъ не только этнографическимъ цѣлямъ, но и филологическимъ: вездѣ пѣсни записываются съ соблюденіемъ особенностей пинскаго говора, и составленное собирателемъ описаніе его предшествуетъ тексту пѣсенъ. При распредѣленіи собраннаго матеріала г. Довнаръ-Запольскій соединилъ раздѣленіе по отдѣламъ и раздѣленіе по мѣстностямъ. Собственно крупныхъ отдѣловъ два: 1) обрядовыя съ подотдѣлами: а) свадебныя, б) родинныя и крестинныя, в) колядки и щедровки, г) пасхальныя, д) троицкія; 2) лирическія, которыя во многихъ уѣздахъ пѣвицами дѣлятся на весну, лѣто, осень и зиму. Въ подотдѣлѣ пѣсни каждой мѣстности помѣщены рядомъ, при чемъ во главѣ ставятся пѣсни села Доброславки, гдѣ сибиратель встрѣтилъ лучшихъ сказательницъ, а изъ пѣсенъ прочихъ мѣстностей вносится только недостающее. Всѣ пѣсни записаны отъ женщинъ, такъ какъ мужчина-пинчукъ пѣніе считаетъ для себя занятіемъ неприличнымъ, и женщина является здѣсь хранительницей пѣсни. Но и женщины, боясь быть записанными, не станутъ пѣть въ отдѣльности, а выступаютъ только хоромъ. Интересно, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ пѣвицы не рѣшаются исполнять лирическія пѣсни не въ урочное время года, такъ что приходится убѣждать, что лѣтомъ можно пѣть весну, осень, зиму. Кромѣ текста почти шестьсотъ пѣсенъ, снабженныхъ примѣчаніями, и уже указаннаго описанія говора г. Довнаръ-Запольскій помѣстилъ описаніе свадебнаго обряда, словарикъ нѣкоторыхъ особенностей пинскаго говора, предметный указатель и приложилъ карту сѣверной части Пинскаго уѣзда.

Нашъ отчетъ о сборникѣ г. Довнара-Запольскаго былъ бы неполонъ, если бы мы въ заключеніе не выразили самаго живого сочувствія новому труду почтеннаго этнографа, который уже и предшествующими работами обратилъ на себя вниманіе любителей этнографіи.

Н. Т—въ.

Ежегодникъ Тобольскаго губернскаго Музея. Выпускъ II. Тобольскъ. 1894.

Второй выпускъ широко задуманнаго Тобольскимъ Музеемъ ежегодника составленъ разнообразно. Кромѣ свѣдѣній о текущей жизни Музея здѣсь находимъ слѣдующія статьи;

1) А. А. Терновскій. Библіографія и иконографія Тобольскаго губернскаго Музея. Съ 1886 г. по августъ 1894 г.

2) С. Н. Мамѣевъ. Документы, относящіеся къ ссылкѣ Августа Коцебу въ Сибирь въ 1800 году. Документы эти извлечены изъ хранящагося въ Тобольскомъ архивѣ секретнаго дѣла о Коцебу.

3) Л. Е. Луговскій. Легенда, связанная съ двумя остяцкими идолами изъ коллекціи «принадлежностей шаманскаго культа» въ Тобольскомъ Музеѣ. Наружный видъ этихъ идоловъ какъ будто напоминаетъ окаменѣлую голову лягушки и окаменѣлую голову ребенка. Подобное сходство объясняется слѣдующей легендой. Близъ Бѣлаго-

Яра жилъ когда-то богатырь Ойка съ дочерью дѣвушкой, а на рѣкѣ Черной на Никитиномъ хребтѣ жилъ другой богатырь. Богатыри поссорились между собой изъ-за того, что Ойка не принялъ сватовства Никитинскаго богатыря за его дочь. Никитинскій богатырь ищетъ помощи у шамана, который обѣщаетъ ему, что подземный богъ Муфили-Туримъ нашлетъ на Ойка болѣзнь. Но выскочившая изъ болота лягушка пожрала заразу. Никитинскій богатырь въ гнѣвѣ отсѣкаетъ лягушкѣ голову, которая и окаменѣла, какъ голова святой твари. Тогда богатырь хочетъ насильно овладѣть дѣвушкой; та спасается отъ него бѣгствомъ съ ребенкомъ на рукахъ, и во время преслѣдованія богатырь охватываетъ ребенка за голову, которая оторвавшись тоже окаменѣла.

4) С. Н. Мамѣевъ. Рукописи библіотеки Тобольскаго губернскаго Музея за XVII и первую четверть XVIII столѣтій. Опись дозорныхъ, переписныхъ и другихъ книгъ городовъ Верхотурья, Пелыма, Туринска, Тюмени, Тары и Тобольска съ ихъ уѣздами. Періодъ первый (1621—1645).

5) Н. И. Полопеженцевъ. Народное образованіе въ г. Ялуторовскѣ и Ялуторовскомъ округѣ, Тобольской губерніи. Въ настоящемъ выпускѣ закончена первая часть изслѣдованія, заключающая въ себѣ исторію ялуторовскихъ школъ. Видное мѣсто въ развитіи ихъ принадлежитъ проживавшему здѣсь декабристу И. Д. Якушкину, который былъ основателемъ первой женской народной школы въ Сибири.

Н. Т.

ОТДѢЛЪ V.

Смѣсь.

Къ вопросу о характерѣ и значенiи древнихъ «купальскихъ» обрядовъ и игрищъ.

Во многихъ мѣстахъ Россiи сохранились до настоящаго времени остатки древнихъ языческихъ обрядовъ и обычаевъ, прiуроченныхъ ко дню св. Іоанна Крестителя (24 iюня), называемаго въ народѣ днемъ Ивана Купалы. Согласно общепринятому мнѣнiю, это празднество совершалось въ честь поворота солнца съ лѣта на зиму и съ купальскими обрядами и игрищами соединялась у древнихъ язычниковъ мысль о замиранiи плодотворныхъ силъ природы, послѣ лѣтняго солнечнаго поворота. По объясненiю Аѳанасьева, солнце послѣ лѣтняго солнцестоянiя, пускаясь въ зимнюю дорогу, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе теряетъ свою царственную власть надъ мiромъ: дни сокращаются, ночи увеличиваются, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вся природа близится къ старости и увяданiю. Въ лѣтнiе жары народъ призывалъ бога-громовника погасить пламя солнечныхъ лучей въ разливѣ дождевыхъ потоковъ; но самое это погашенiе должно было напоминать древнему человѣку аналогическiя представленiя ночи, съ приходомъ которой земное свѣтило тонетъ въ волнахъ всемiрнаго океана, зимы, которая погружаетъ его въ море облаковъ и тумановъ и, наконецъ, смерти, которая гаситъ огонь жизни. (Поэт. возр. слав. на пр. Аѳанасьева. III, 724).

Такой моментъ наши предки язычники и ознаменовали особыми купальскими празднествами и игрищами, совершавшимися около 24 iюня—около дня Ивана Купалы. Таково происхожденiе и значенiе купальскихъ обрядовъ.

Между тѣмъ, не смотря на общераспространенность вышеприведеннаго мнѣнiя и на признанность этого мнѣнiя многими авторитетами, согласиться съ нимъ едва ли возможно.

Какимъ образомъ могла соединяться у древняго язычника мысль о замиранiи природы во время купальскихъ празднествъ — въ то самое время, когда силы природы и достигаютъ именно наибольшей своей жизненности, когда солнце, по народному повѣрью, играетъ и пляшетъ на небѣ [1]), когда всѣ растенiя разговариваютъ

---

[1]) Вышеприведенныя народныя повѣрья въ настоящее время во многихъ мѣстахъ прiурочиваются къ празднику св. Пасхи, но въ старину они связывались съ днемъ Ивана Купалы. «Грае (играетъ) сонечко на Ивана», говорится въ одной старинной купальской пѣснѣ. (Тр. Кiев. Дух. Ак. 1871 г., т. 4, стр. 342). Въ «Вечери духовной», сочиненной iер. Симеономъ Полоцкимъ (ум. въ 1682 г.) говорится, что въ навечерiе Иванова дня нѣкоторые «доходятъ до такого безумiя, что и касательно великаго небеснаго свѣтила суевѣрствуютъ въ тотъ день такимъ образомъ: не спятъ всю ночь въ ожиданiи восхода солнца, съ тѣмъ, чтобы, увидѣвши его, разсказывать, какъ оно играетъ, скачетъ съ мѣста на мѣсто и принимаетъ на себя различные цвѣта» (Руков. для сельск. пастырей. 1860 г., стр. 228).

между собою и переходятъ съ мѣста на мѣсто, когда зацвѣтаетъ даже никогда не цвѣтущій папоротникъ?

Какимъ образомъ у грубаго, умственно неразвитаго язычника могла зародиться мысль о зимѣ, когда наступало знойное лѣто, когда для оплодотворенной солнечными лучами земли наступалъ періодъ плодоношенія?

Трудно даже и съ очевидной натяжкой отвѣтить на эти вопросы, трудно, если даже и предположить, что наши предки славяне жили первоначально въ болѣе теплыхъ странахъ на берегахъ Дуная. И тамъ, какъ всѣмъ извѣстно, въ іюнѣ мѣсяцѣ природа еще ничѣмъ не напоминаетъ зимы, а, напротивъ, находится, какъ говорится, въ полномъ разцвѣтѣ.

Если же это такъ, то и характеръ и значеніе купальскихъ празднествъ и игрищъ были совершенно иные.

Не мысль о замираніи природы соединялась съ купальскими празднествами и игрищами, не проводы лѣта представляли они, напротивъ съ ними соединялась мысль о полномъ и совершенномъ торжествѣ свѣта надъ тьмою, тепла надъ холодомъ, о полномъ утвержденіи богами свѣтлыми своего благодатнаго царства; съ этими празднествами соединялась мысль о свадебномъ союзѣ возмужавшаго солнца съ зарею.

Чтобы наше предположеніе не было голословнымъ, разсмотримъ поближе нѣкоторые купальскіе обряды и пѣсни. Въ одной изъ купальскихъ пѣсенъ говорится, что стояла верба, на вербѣ горѣли свѣчи.

Съ той вербы капля упала—
Озеро стало:
Въ озерѣ самъ богъ купався
Съ дитками судитками [1]).

Что это былъ за богъ, купавшійся въ озерѣ съ дѣтками судитками? Начнемъ съ дѣтокъ-судитокъ. На нихъ указываетъ, повидимому, слѣдующая купальская пѣсня:

Черезъ наше село везено дерево.
Ой воно воно въ неділю рано
Изъ за моря далеко.
А зъ того дерева зроблена церковка,
А въ той церковці чотири віконця:
Перво віконце—Василько, якъ солнце,
Друге віконце—Иванько, якъ солнце,
Трете віконце—Павличко, якъ солнце,
Четверто віконце—Налійко, якъ солнце.

Подъ окнами же въ небесномъ храмѣ, по мнѣнію г. Аѳанасьева, разумѣются свѣтила дня и ночи (Поэт. возр. сл. на пр. I, 161).

Основываясь на словахъ вышеприведенной купальской пѣсни, нѣкоторые изслѣдователи видятъ въ купавшемся богѣ Свѣтовита—верховное божество, возвышавшееся надъ всѣми богами славянъ. Дитки - судитки — подчиненныя ему божества свѣта: солнце, мѣсяцъ и заря. (Поэт. возр. I, 133 — 134). Въ купальскихъ пѣсняхъ этотъ Свѣтовитъ встрѣчается чаще всего подъ именемъ Ивася-Ивана. Такъ какъ всякое божество у нашихъ предковъ язычниковъ имѣло свою божественную супругу, то не обошелся безъ нея и Свѣтовитъ, замѣненный въ позднѣйшую пору Иваномъ Купаломъ. Народная фантазія поставляетъ Ивана Купалу въ связи съ женскимъ существомъ, представляемымъ подъ именами то Марьи, то Ганны, то Аграфены Купальницы, то какой-то Татьяны. По мнѣнію этихъ изслѣдователей, миѳъ о купаніи бога въ озерѣ знаменуетъ собою купанье Свѣтовита съ его семействомъ въ волнахъ воздушнаго океана и его переправу черезъ этотъ океанъ въ загробный міръ зимы и смерти (Поэт. возр. III, 724), — переправу, начинающуюся во время купальскаго праздника.

---

[1]) Поэт. возр. II, 477.

Доступно-ли было такое возвышенное представленіе воображенію грубаго чувственнаго славянина язычника? Конечно нѣтъ и нѣтъ. Мы знаемъ, что большинство славянъ-язычниковъ не доростало даже и до вѣрованія въ единное верховное существо, правящее надъ міромъ: большинству ихъ не былъ извѣстенъ Свѣтовитъ.

Между тѣмъ миѳъ о купаніи бога въ озерѣ, разсказываемый въ купальской пѣснѣ, можетъ быть объясненъ гораздо проще слѣдующимъ образомъ:

Богъ, купавшійся въ озерѣ, это солнце — божество славянъ. Въ купальской пѣснѣ мы находимъ прямое указаніе на это:

Ой за гаемъ, за Дунаемъ,
Тамъ Ивасю конемъ грае (срав. «грае сонечко»...)
Зъ підъ Ивасьця сідло сяе (сіяетъ).

Миѳъ этотъ зародился по всей вѣроятности тогда, когда наши предки язычники жили на берегахъ большого озера, а можетъ быть и моря, лежавшаго отъ нихъ на сѣверъ. Это озеро или море постоянно упоминается въ большинствѣ купальскихъ пѣсенъ:

Коло воды-моря ходили дивочки,
Коло Мареночки—Купало!

Самъ «тихій» Дунай, упоминаемый очень часто въ народныхъ купальскихъ пѣсняхъ, для всѣхъ жителей праваго его берега лежитъ на сѣверѣ (протекая съ З. на В.). Солнце, заходя постоянно подъ землю, за горизонтъ или же скрываясь «за лѣса дремучіе», съ наступленіемъ лѣтняго солнцестоянія должно было скрываться въ это время «не подъ землю», а «подъ воду», т. е. въ водное пространство, лежавшее на сѣверъ отъ первоначальнаго мѣста жительства нашихъ предковъ.

При первомъ взглядѣ на солнце, уходящее въ воду, у первобытнаго человѣка должна была родиться мысль о томъ, что солнце «утонуло». Отсюда и миѳъ о какомъ-то божествѣ, купавшемся и утонувшемъ въ озерѣ:

Купала на Ивана!
Купався Иванъ
Тай въ воду упавъ [1]).

Миѳъ этотъ смѣняется затѣмъ простымъ миѳомъ о купаніи солнца, такъ какъ на другой же день язычникъ могъ увидѣть, что солнце не утонуло, но живо, что оно только купалось въ земныхъ водахъ. Въ Минской губ. существуетъ и до нынѣ народное повѣрье, что на Купалу солнце купается, а на Ивана сушится. Видѣть же это могутъ только счастливые люди передъ восходомъ солнца (Жив. Ст. 1893, 2 в., 284).

Неудивительно, что, переселяясь съ юга на сѣверъ наши предки язычники славяне встрѣчали на своемъ пути по направленію къ сѣверу множество рѣкъ, озеръ и рѣчекъ, около которыхъ они и селились. И постоянно при этомъ они изъ года въ годъ наблюдали тотъ фактъ, что ежегодно, когда наступаютъ самые длинные дни и самыя короткія ночи, обоготворяемое ими солнце «купается» въ водныхъ пространствахъ, лежащихъ къ сѣверу. Вмѣстѣ съ солнцемъ погружаются въ эти воды и зоря, и также мѣсяцъ и звѣзды—детки-судитки солнца, точно также они «купаются» въ водахъ.

Правда, есть много и такихъ мѣстностей, гдѣ на горизонтѣ со всѣхъ сторонъ разстилается только безбрежное море травы или «лѣса дремучіе», но въ такихъ то мѣстностяхъ всего меньше и сохранилось среди населенія остатковъ древнихъ купальскихъ празднествъ. Фактъ вполнѣ подтверждающій нашу гипотезу.

---

[1]) Старосв. бандуристъ. Закревскаго, № 19, стр. 25.

Купанье солнца происходитъ, какъ мы уже видѣли, въ періодъ лѣтняго солнцестоянія, въ періодъ его возмужалости, т. е. въ такой періодъ, когда человѣкъ чаще всего вступаетъ въ бракъ съ женщиною. Неудивительно, что и по мнѣнію язычниковъ славянъ къ этому періоду должно пріурочиваться и бракосочетаніе возмужавшаго солнца.

По народному представленію мать солнца—это заря-зарница, ежедневно купающая утомившееся и запыленное солнце и затѣмъ отпускающая его обновленнымъ и сіяющимъ (Опытъ Ист. Обозр. Русск. Словесн. О. Миля. I, 31). Эта самая заря, по вѣрованію древнихъ язычниковъ, вступаетъ въ брачный союзъ со своимъ сыномъ солнцемъ (Поэт. возр. I, 598). Это вѣрованіе, какъ извѣстно, выразилось и въ народномъ миѳѣ объ Андреѣ Первозванномъ, женившемся на своей матери (Тр. Кіев. Дух. Ак. 1871 г., 3 т., 566).

Но когда же было, по мнѣнію древняго язычника, всего приличнѣе, всего естественнѣе происходить солнечной свадьбѣ съ зарею, какъ не въ періодъ наибольшаго могущества солнца—въ періодъ лѣтняго солнцестоянія, когда по ночамъ «заря съ зарей сходится», т. е. заря свѣтитъ всю ночь, когда и заря достигаетъ наивысшаго могущества?...

Купанье солнца по языческому представленію было однимъ изъ актовъ совершавшейся солнечной свадьбы. Неудивительно, что омовеніе входитъ въ свадебный ритуалъ русскаго народа еще и до сихъ поръ.

Въ Угорской Руси на утро послѣ первой свадебной ночи молодые идутъ къ колодцу, гдѣ имъ зачерпываютъ ведро воды. Въ воду въ ведро опускается серебряная монета и этою водою умываются затѣмъ молодые (Свадебный обрядъ въ Угорской Руси. Жив. Стар. 1891 г., в. IV, стр. 131). Серебряная монета, опускаемая въ ведро, есть несомнѣнно эмблема солнца купавшагося въ день своей свадьбы въ водахъ. У нашего русскаго народа обрядъ омовенія совершается иногда до свадьбы, иногда же послѣ нея. Во всякомъ же случаѣ и наша свадебная баня представляетъ изъ себя остатокъ стариннаго омовенія, сохранившагося у угроруссовъ, а не есть одинъ только актъ чистоплотности.

Миѳическое значеніе свадебной бани проглядываетъ уже и въ предбанныхъ свадебныхъ пѣсняхъ, имѣющихъ нѣкоторое сходство съ пѣснями купальскими:

Какъ у нашеё пàруши (бани)
Трои дырецки стекольчатыё,
Три окошецка косещатыё...
... Какъ и наша тепла пàрушка
Вожена нà красѣ,
Катана на бѣлыхъ коняхъ,
Она поставлена на пỳтѣ
На красивомъ мѣстечкѣ,
На крутомъ красномъ бережкѣ (Волог. губ.).

Срав. Церкву ставлять—вікна будують:
Одно віконце—ясне солнце,
Друге віконце—ясный місяць,
Трете віконце—ясны зирки (Поэт. возр. I, 161).

(Жив. Стар. 1894 г., в. I, стр. 99). Припомнимъ въ данномъ случаѣ, что и свадебное омовеніе солнышка происходитъ «на крутомъ красномъ бережкѣ».

Купанье солнца въ водѣ служило, какъ мы уже сказали и выше, однимъ изъ «моментовъ» солнечной свадьбы съ зарею, а такъ какъ это купанье совершалось въ земныхъ водахъ, то оно служило въ то же время и видимымъ знакомъ единенія небесныхъ силъ съ землею. Это единеніе призывало къ единенію и всѣхъ людей. Поэтому то, предположеніе, что около Ивана Купалы преимущественно совершались браки у нашихъ предковъ язычниковъ, является въ данномъ случаѣ весьма основательнымъ, особенно въ виду сходства многихъ купальскихъ обрядовъ и пѣсенъ съ такими же обрядами и пѣснями народной свадьбы. Очень можетъ быть, что лѣтописецъ, говоря:

«схождахуся на игрища, на плясанія и ту жоны собѣ умыкаху съ нею же кто свѣщашеся», именно и имѣлъ въ виду купальскія игрища и плясанія.

Но такъ какъ не всѣ могли вступать между собою въ единеніе посредствомъ брачныхъ союзовъ, то по поводу совершившейся солнечной свадьбы въ купальный праздникъ многіе вступали между собою только въ «побратимство», «посестринство», «кумовство». Побратимство и посестринство, какъ извѣстно, обычай, весьма распространенный у всѣхъ южныхъ славянъ. День, въ который совершается побратимство въ южной Болгаріи, точно опредѣленъ обычаемъ—день этотъ день Ивана Купалы. Заключающіе побритимство имѣютъ при себѣ по букету изъ зеленой ели, къ которому привязывается золотая или серебряная монета (эмблема солнца) (Жив. Стар. Вып. I, 1892 г., стр. 37). Остатки же древняго обычая «кумиться» сохранились и до сихъ поръ въ нашемъ народѣ.

Въ Ростовскомъ уѣздѣ, Яросл. губ., дѣвушки, желающія покумиться, въ кумитное воскресенье (слѣдующее за Ѳоминымъ) заплетаютъ на березкѣ вѣнокъ и сквозь этотъ вѣнокъ цѣлуются. Березка эта сохраняется до Троицына дня, когда она кидается затѣмъ въ воду. («Кумитное Воскресенье», Яр. Губ. Вѣд. 1892 г. № 51). Въ Рязанской губ., желающіе покумиться, плетутъ въ Троицу вѣнки и сквозь вѣнки (вѣнокъ круглый—эмблема солнца) цѣлуются, послѣ чего вѣнки эти кидаютъ въ воду съ цѣлію узнать свою судьбу (Жив. Ст. В. IV, 1891 г., 199). Очевидно, что обрядъ «кумовства» стоитъ въ связи съ троицкимъ завиваніемъ вѣнковъ и гаданіемъ по этимъ вѣнкамъ.

Между тѣмъ нѣтъ никакого сомнѣнія, что гаданье по вѣнкамъ совершалось первоначально въ день Ивана Купала, въ купальскіе праздники, а затѣмъ уже оно было перенесено на день св. Троицы.

Въ чистомъ первоначальномъ своемъ видѣ это гаданье сохранилось въ окрестностяхъ г. Углича Ярославской губерніи. «При завиваніи вѣнковъ на своего суженаго дѣвицы поютъ:

Не засохнетъ вѣночекъ—
Не разлюбитъ дружочекъ.

Вѣнки остаются затѣмъ завитыми до Троицына дня. Въ Троицынъ день ходятъ ломать вѣнки. Если при этомъ окажется, что чей нибудь вѣнокъ развился, то сбудется загаданное... Оставшійся вѣнокъ безъ измѣненія не обѣщаетъ перемѣны въ жизни. Засохнувшій вѣнокъ означаетъ, что милый разлюбитъ. Сломивъ вѣнки, дѣвицы идутъ къ рѣкѣ или пруду; здѣсь вѣнки кидаютъ въ воду: чей вѣнокъ потонетъ—тотъ умретъ въ данномъ году; чей вѣнокъ, въ которую сторону поплыветъ — въ ту сторону владѣлица его и выйдетъ замужъ; вѣнокъ, стоящій неподвижно, не предвѣщаетъ никакихъ перемѣнъ». (Яр. Губ. Вѣд. 1892 г. № 40). Таково троицкое гаданье по вѣнкамъ, совершающееся по нынѣ.

Это гаданье было перенесено съ какого нибудь языческаго праздника, такъ какъ Троицынъ день праздникъ христіанскій и притомъ переходный. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что это гаданье было перенесено на Троицынъ день съ купальскаго праздника, въ который совершалось въ старину гаданье посредствомъ вѣнковъ.

Коло воды-моря ходили дивочки
Коло Мареночки—
Купало!
Грае сонечко
На Ивана!
Пішли дівочкі та по агідкі.
Коло воды-моря и т. д.
Уже дівочки поплели вѣночки

Коло воды-моря и т. д.
Віночки не вянутъ, дівочки не плачутъ,
Коло воды-моря и т. д.
Віночки завяли, дівочки сплакнули.
Коло воды-моря ходили дівочки
Коло Мареночки,
Купало!
Грае сонечко на Ивана!

Такъ описываетъ это гаданье старинная купальская пѣсня. Описаніе это подтверждается и описаніемъ іеромонаха Симеона Полоцкаго. «Иные собираютъ въ тотъ день (т. е. 24 іюня) нѣкоторыя травы и по нимъ гадаютъ, имѣя такую вѣру, что если травы разцвѣтутъ по истеченіи одной ночи, то загадываемое сбудется благополучно, а если не разцвѣтутъ—унываютъ въ ожиданіи несчастія». (Рук. для Сел. Паст. 1860 г., т. I, стр. 228).

Очевидно, что троицкое гаданье на вѣнкахъ было пріурочено первоначально къ купальскимъ игрищамъ. Здѣсь оно имѣло глубокій смыслъ: круглый вѣнокъ есть эмблема солнца, вѣнокъ пущенный на воду — эмблема «купающагося» солнца, въ честь котораго и совершались купальскія игрища. Но если это такъ, если троицкое гаданье на вѣнкахъ совершалось первоначально въ праздникъ Купалы, то очевидно, что въ этотъ праздникъ совершался и соединенный съ этимъ годаньемъ обрядъ «кумовства». Всѣ люди соединялись между собою узами дружбы и любви, празднуя совершившійся брачный союзъ солнца и его омовеніе въ земныхъ водахъ играми «при звукахъ бубновъ, трубъ и струнной музыки», «плясаніемъ» и «главами киваніемъ», и «крикомъ неистовымъ».

Если мы примемъ высказанную нами гипотезу о происхожденіи и значеніи купальскихъ празднествъ, то легко можемъ дать объясненіе и тому народному повѣрью, что купаться до Иванова дня — грѣхъ. Безъ сомнѣнія грѣхъ осквернять купаньемъ воды, въ которыхъ должно было омыться божественное солнце. Но за то, послѣ этого омовенія, купанье дѣлалось не только позволительнымъ, но даже и цѣлебнымъ, такъ какъ воды, освященныя солнцемъ, получили цѣлебную силу, а чрезъ эту воду и земля достигала наивысшей своей производительности. Не даромъ въ купальскихъ пѣсняхъ поется:

Иванъ да Марья
На горѣ купалыся:
Гдзѣ Иванъ купався (т. е. солнце)
Берегъ колыхався,
Гдзѣ Марья (зоря) купалась—
Трава разцилалась.

Не даромъ, по народному вѣрованію, въ купальскую ночь вся природа оживляется и получаетъ особенную силу: деревья переходятъ съ одного мѣста на другое, животныя и всѣ растенія разговариваютъ между собою и тотъ только можетъ понимать ихъ, кто имѣетъ у себя цвѣтъ папоротника, — растенія, цвѣтущаго только въ купальскую ночь. Такъ какъ папоротникъ служилъ прежде метафорою молніи, то очевидно отношеніе разсказовъ о немъ къ купальскому солнечному праздниву: у хорватовъ это растеніе прямо называется перуновымъ цвѣтомъ, а у хорутанъ—suncec—солнечникъ [1]).

По народному повѣрью купальская вода, вскипяченная вмѣстѣ съ пепломъ купальскаго костра, постоянно хранится у вѣдьмы: когда она захочетъ летѣть, то обрызгиваетъ себя этою водою, тотчасъ же поднимается на воздухъ и летитъ, куда только вздумаетъ...

Но возвратимся опять къ остаткамъ древнихъ купальскихъ обрядовъ и игрищъ. До сихъ поръ во многихъ мѣстахъ въ ночь на Ивановъ день зажигаютъ костры, прыгаютъ черезъ нихъ взявшись за руки (парень съ дѣвушкою), причемъ замѣчаютъ, что если во время перепрыгиванья черезъ огонь руки ихъ не разнимутся, то они вступятъ въ супружество и будутъ счастливы.

---

[1]) У Хорутанъ или правильнѣе Словѣнцевъ солнце не сунце, а солнце или сôнце, а sôlncca—бѣлый нарцисъ narcisus posticus,—также горная арника, arpica montana. Есть еще слово sôlncnica—heliauthus, подсолнечникъ, также козлобородникъ, tegopogon, carbina acaulis, колючникъ. (Слов. Вольфа-Илетершника. Люблана. 1895).

Ред.

Обыкновенный огонь есть символъ огня небеснаго солнца, онъ является на всѣхъ празднествахъ въ честь солнца (сожиганіе масляницы, костры въ Пасху)—ему вполнѣ конечно умѣстно быть и на купальскомъ празднествѣ въ честь брачнаго союза солнца, тѣмъ болѣе умѣстно, что огонь въ то же время служитъ символомъ и домашняго очага. Въ купальскомъ обычаѣ огню приписывается таинственное вліяніе на судьбу человѣка, въ особенности на устроеніе браковъ—вещь вполнѣ понятная, такъ какъ судьба дѣвушки чаще всего рѣшалась у нашихъ предковъ въ купальскія празднества, посвященныя солнцу, символомъ котораго и служитъ огонь. И до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ глухихъ поселкахъ волынскаго Полѣсья сохранился еще своеобразный свадебный обычай. Невѣсту прежде чѣмъ вести въ церковь для вѣнчанія, заставляютъ пройти черезъ огонь. Это испытаніе дѣлается съ цѣлію узнать, сохранила ли невѣста дѣвственность до замужества. По понятіямъ полѣшуковъ, огонь долженъ обжечь дѣвушку, если бы она рѣшилась на это испытаніе не будучи цѣломудренною. Испытаніе это производится такъ: по дорогѣ въ церковь раскладывается небольшой костеръ, черезъ который, въ присутствіи родныхъ и знакомыхъ, должна перешагнуть невѣста («Нов. Вр.» № 5303).

Сходство между купальскимъ и свадебнымъ обрядомъ весьма разительно. Необходимую принадлежность купальскихъ игрищъ во многихъ мѣстахъ составляетъ «марёна», «купайло», «вильце» и т. д. «Марена» въ большинствѣ случаевъ деревцо, украшенное цвѣтами и лентами, очень часто то деревцо, на которомъ завивались вѣнки. Вокругъ этого деревца дѣвушки въ купальскую ночь пляшутъ и поютъ купальскія пѣсни.

Коло воды-моря ходили дѣвочки
Коло Мареночки,—
Купало!

Парни стараются отнять у дѣвушекъ это деревцо и, если отнимутъ, то разрываютъ его, послѣ чего дѣвушки дѣлаютъ новую «марёну». По окончаніи купальскихъ игрищъ «марёна» кидается въ воду.

Слово марёна находитъ себѣ объясненіе въ словахъ «марить»—припекать, «примарило»—припекло (когда говорится о солнечномъ припекѣ), а также въ названіи одного красильнаго растенія марены, дающаго красный цвѣтъ. Очевидно, что со словомъ марена соединялось понятіе о свѣтоносной солнечной супругѣ — зарѣ-зарницѣ красной дѣвицѣ.

Среди лужицкихъ сербовъ распространено вѣрованіе, что въ полдень прохаживается какая-то Мара, заботясь о томъ, чтобы все хорошо росло, особенно травы (Срезневскій, «Жив. Ст.», в. II, 1890 г., стр. 60). Эта марена-мара и есть ничто иное, какъ солнечная невѣста, а затѣмъ супруга—«красная дѣвица заря-зарница», купавшаяся вмѣстѣ съ солнцемъ въ водахъ и обратившаяся въ нѣкоторыхъ купальскихъ пѣсняхъ въ Марью (Марена—Мара—Марья).

Припомнимъ, что, по народному повѣрью, «на зарѣ трава ростетъ», припомнимъ затѣмъ и слова купальскихъ пѣсенъ:

Гдзѣ Марья купалась
Трава разцилалась.

И намъ будетъ ясно, что «марена» изображала собою ничто иное, какъ красную дѣвицу зарю, являвшуюся богиней покровительницей всѣхъ дѣвушекъ. Символомъ этой богини и являлось вышеупомянутое деревцо.

Съ купальскихъ праздниковъ, совершавшихся въ честь свадьбы бога солнца, эта марёна подъ различными названіями перешла въ различныхъ мѣстностяхъ и въ ритуалъ народной свадьбы. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ свадебное деревцо и деревцо купальскихъ обрядовъ носитъ даже одно и тоже названіе, такъ напр. въ Ростовскомъ

уѣздѣ Ярославской губ. оно называется и въ томъ и другомъ случаѣ «дѣвья красота», въ другихъ мѣстахъ оно извѣстно въ обоихъ случаяхъ подъ именемъ «рипея» и т. д. Правда, въ свадебныхъ обрядахъ это деревцо служитъ уже символомъ дѣвичьей косы, эмблемой невинности, но нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что свадебная «дѣвья красота» есть видоизмѣненіе только купальской «марены»: способъ приготовленія, роль ихъ въ торжествѣ, а иногда и послѣдняя судьба ихъ (разрываніе на части) и въ томъ и другомъ случаѣ почти одни и тѣ же.

Съ теченіемъ времени, когда язычество утратило прежнюю свою силу, обрядъ «марёны» утратилъ во многихъ мѣстахъ свой прежній торжественный религіозный характеръ и обратился въ шутку.

Такъ напр. въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на Волыни въ праздникъ Купалы до восхода солнца дѣвицы выбираютъ длинную палку, надѣваютъ на нее вѣникъ и съ этой палкой выбѣгаютъ на улицу, припѣвая различныя насмѣшки насчетъ паробковъ, въ родѣ такихъ:

Купайла на Ивана
Сучка въ борщъ упала
Хлопці вытягали,
Зубы поломали.
Дівчата граблями,
А хлопці зубами и т. д.

Паробки, услыхавъ эти насмѣшки, подкрадываются къ дѣвицамъ, нападаютъ на нихъ, отнимаютъ палку съ вѣникомъ, вѣникъ разрываютъ на куски, а палку переламываютъ и все это разбрасываютъ на улицу.

Послѣ чего дѣвушки берутъ новую палку и т. д.

Послѣ обѣда въ Ивановъ день дѣвушки, нарвавъ цвѣтовъ и сдѣлавъ изъ нихъ вѣнки для себя, дѣлаютъ изъ соломы чучело и, насадивъ его на палку, несутъ на извѣстное опредѣленное мѣсто съ пѣснями и пляскою. Тамъ они ставятъ его на землю и, ставъ около него въ кружокъ, поютъ различныя пѣсни. Наконецъ, являются парни и разрываютъ чучело на части.

Въ концѣ этого обычая проглядываетъ уже обычай «проводовъ русалокъ», пріуроченный въ настоящее время въ нѣкоторыхъ мѣстахъ къ Троицыну дню, а въ другихъ мѣстахъ къ петровскому заговѣнью или даже къ первому понедѣльнику Петрова поста.

«Въ первый понедѣльникъ Петрова поста, говоритъ извѣстный русскій историкъ С. Соловьевъ, бывало въ нѣкоторыхъ мѣстахъ игрище: провожанье русалокъ: женщины снаряжали изъ соломы два чучела, въ видѣ женщинъ. Вечеромъ выходили женщины и дѣвицы на улицу, раздѣлялись на двѣ половины, и тихими хороводами приближались къ концу улицъ. Здѣсь распѣвались непремѣнно хороводныя пѣсни. Во время пѣнія хороводница съ чучелою плясала. Послѣ пѣсенъ игроки сближались. Здѣсь открывалась война. Соломенную чучелу—русалку дѣвицы принимали на свои руки для защиты, а женщины, стоя кругомъ ихъ, нападали на другой хороводъ или защищались сами отъ нападенія. Бойцы изъ улицы переселялись на поле, гдѣ оканчивалось побоище растерзаніемъ чучелъ и разбрасываніемъ соломы по полю».

Въ Рязанской губ. проводы русалокъ совершаются въ заговѣнье на Петровъ постъ. («Жив. Ст.», в. IV, 1891 г., стр. 202).

Конечно, проводы русалокъ перешли на начало Петрова поста съ какого-нибудь древняго языческаго праздника, такъ какъ начало Петрова поста или такъ называемое всѣхсвятское заговѣнье есть праздникъ, переходящій съ одного числа на другое. Нѣтъ никакого сомнѣнія и въ томъ, что эти проводы соединялись у древнихъ язычниковъ славянъ съ купальскими игрищами. На это указываетъ уже весьма близкое сходство, существующее между нѣкоторыми купальскими обрядами и обрядами, встрѣчающимися на проводахъ русалокъ. Сходство это мы замѣтили и выше. Перенесеніе русальныхъ игрищъ съ купальскаго торжества на начало Петрова поста было вполнѣ естественнымъ и возможнымъ, такъ какъ начало Петрова поста очень часто совпадаетъ почти съ купальскими днями и всегда приходится вблизи ихъ.

Празднованіе проводовъ русалокъ, объясняемое нашими изслѣдователями съ большими натяжками, легко находитъ себѣ объясненіе въ нашей гипотезѣ о происхожденіи и значеніи купальскихъ игрищъ.

Русалки (сл. мавки) есть ничто иное какъ души умершихъ (Соловьевъ). Весною, когда вся природа оживаетъ, по вѣрованію древнихъ славянъ, оживали и души умершихъ и бродили по землѣ. Такъ какъ путь водный у всѣхъ языческихъ народовъ считался проводникомъ въ подземное царство и изъ него назадъ, то неудивительно, что, по народному повѣрью, съ начала весны русалки живутъ первоначально въ водахъ—въ рѣкахъ, озерахъ, колодцахъ. Съ троицына дня, по тому же народному повѣрью, русалки оставляютъ воды и живутъ въ лѣсахъ на деревьяхъ.

Если мы примемъ во вниманіе то обстоятельство, что нѣкоторые изъ обрядовъ, обычаевъ и вѣрованій, пріуроченныхъ къ троицыну дню, соединялись первоначально съ купальскими игрищами, что между проводами русалокъ и купальскими игрищами существуетъ близкое сходство, то мы можемъ вполнѣ основательно утверждать, что русальные проводы первоначально соединялись съ купальскими праздниками, были, очень можетъ быть, заключительнымъ звеномъ этихъ праздниковъ.

Дѣйствительно, души умершихъ, т. е. русалки есть представители царства смерти, тьмы и холода—поэтому то съ наступленіемъ весны, хотя они и оживаютъ, но обитаютъ все-таки въ темныхъ нѣдрахъ земныхъ водъ, еще холодныхъ весною. Но вотъ наступаетъ время купальскихъ дней. Солнце, «купаясь» въ водахъ, освящаетъ эти воды и оживотворяетъ ихъ. Умѣстно ли и возможно ли, поэтому, русалкамъ, представительницамъ смерти, обитать въ водахъ, освященныхъ купаньемъ живоноснаго солнечнаго божества? Конечно нѣтъ. И вотъ, по народному повѣрью, они оставляютъ воды и лѣзутъ на земныя деревья, служившія по вѣрованію древнихъ славянъ жилищемъ мертвецовъ [1]). Но и эта попытка для нихъ является неудачной. Деревья съ наступленіемъ купальскихъ праздниковъ точно также освящены солнцемъ и получаютъ даже особую цѣлебную силу, на землѣ настало царство тепла, свѣта и жизни—представительницамъ смерти русалкамъ мѣста на землѣ уже болѣе не находится, для нихъ остаются только темныя нѣдра земли. Поэтому то и говорится въ одной купальской пѣснѣ:

Русалочки земляночки
На дубъ лѣзли, кору грызли,
Свалилися, забилися.

Выраженіе пѣсни «земляночки» ясно указываетъ на русалокъ, какъ на первоначальныхъ жительницъ земныхъ нѣдръ. Въ эти то нѣдра русалки, обезсиленныя и скрываются послѣ купальскихъ праздниковъ.

Такимъ образомъ наше предположеніе, что русальные проводы являлись въ старину заключительнымъ звеномъ купальскихъ игрищъ, является вполнѣ вѣроятнымъ.

Очень можетъ быть, что вслѣдствіе то этого соединенія русальныхъ проводовъ съ купальскими праздниками въ народѣ съ теченіемъ времени и образовался совершенно особый взглядъ на русалокъ, какъ на дѣвушекъ утопленницъ.

Припомнимъ, что во множествѣ купальскихъ пѣсенъ существуетъ разсказъ объ утонувшей дѣвушкѣ (зарѣ), фигурирующей подъ именами Марьи, Ганны, Титяны и т. д.

Якъ пішла Ганна въ Дунай по воду
И ступила Ганна на хитку кладку.
Кладка схитнулась—Ганна втонула,
Якъ потопала, тричи зринала.

Ганна моя панна
Ягода червонна! (Волынь).

---

[1]) Касательно лазанія по деревьямъ есть драгоцѣнное свидѣтельство, что, по мнѣнію древнихъ славянъ, должны были жить иногда на деревьяхъ, лазить по нимъ: въ житіи муромскаго князя Константина читаемъ: «Кони закалающе, и по мертвыхъ ременныя плетенія древолазная съ ними въ землю погребающе и битвы, и кроеніе, и лицъ настреканіе и драніе творяще».

или же:

Меньшая (сестра) большую
Гулять втаёкъ (тайно) звила.
Пойдемъ, пойдемъ, сестраца
На берегъ на крутой,
Посмотримъ тамъ, сестрица,
Чѣмъ берегъ украшенъ...
Меньшая большую
Столкнула въ рѣку,
Вода то сбушевалась
Подмыла берега и т. д. (Яр. губ.).

или же наконецъ:

Утонула Мареночка утонула
Та на верхъ кісоньки зрінула.

Очень можетъ быть, что подъ вліяніемъ то этихъ пѣсенъ, распѣвавшихся на купальскихъ игрищахъ вообще, а въ частности и на русальныхъ проводахъ и измѣнился первоначальный взглядъ народа на русалокъ.

Согласно высказанной нами гипотезѣ о значеніи и характерѣ древнихъ купальскихъ игрищъ намъ легко будетъ уяснить себѣ и названіе этихъ игрищъ. Купальскія игрища и праздники, продолжавшіеся безъ сомнѣнія въ теченіи нѣсколькихъ дней, совершались въ честь солнечной свадьбы, однимъ изъ актовъ которой было «купанье» солнца въ водахъ. Отсюда и названіе этихъ праздниковъ «купалы» (срав. святки, колядки, проводы).

Такъ какъ купанье солнца могло быть замѣчаемо далеко не вездѣ, то во многихъ мѣстахъ быстро исчезли слѣды этого праздника подъ вліяніемъ христіанскаго вѣроученія. Въ другихъ же мѣстахъ слѣды эти сохранились и до настоящаго времени. Такъ какъ день св. Іоанна Предтечи былъ во время купальскихъ праздниковъ, совпадалъ съ ними, то съ распространеніемъ въ народѣ христіанства этотъ Ивановъ день въ отличіе отъ другихъ Ивановыхъ дней (Ивана, напр. Постнаго и т. д.) сталъ называться днемъ Ивана—«купалы», т. е. приходившагося въ купальскіе праздники.

Собственно названіе «купалы» заставляло уже задумываться многихъ грамотѣевъ еще въ XVI в.

Такъ, напримѣръ, въ одной рукописи XVI в. (Соф. № 1462, л. 82) находится слѣдующая статья: «что ради наречеся Ивань вечеръ купалницею и коса ради вины полезно есть на различныя лѣчебныя потребы?» Книжникъ XVI в. отвѣтъ на этотъ вопросъ находитъ въ томъ, что будто въ этотъ день «Товитъ купася съвѣтомъ ангеловымъ, мѣсяца іуніа въ день 23».

Ясно, что въ XVI в. народъ уже не помнилъ о первоначальномъ характерѣ и происхожденіи купальскихъ игрищъ. Самыя эти игрища подверглись значительнымъ измѣненіямъ и искаженіямъ. Такъ, напр., въ позднѣйшихъ варіантахъ купальскихъ пѣсенъ «марёна» или «вильце» называется уже «купаломъ».

На городи лопухъ, лопухъ —
Писковськимъ хлопцямъ
Живитъ опухъ.
Ныхай пуяне, ныхай знають,
Ныхай купайла ны ломаютъ.
Наше купайло до мисяця
Писковськи хлопци повисятьця.
(«Жив. Ст.», в. I, 1894 г., стр. 89).

Неудивительно, что польскіе историки XVII в. Кромеръ, Стрыйковскій, Гваньинъ на основаніи этихъ искаженныхъ купальскихъ пѣсенъ и обрядовъ, вполнѣ непонятныхъ для нихъ, создали несуществовавшее божество славянъ—бога «Купалу». Ошибку эту повторили и многіе изъ новѣйшихъ изслѣдователей. Между тѣмъ ни Несторъ, ни другіе древнѣйшіе писатели, упоминая о прочихъ славянскихъ богахъ, не упоминаютъ вовсе о мнимомъ богѣ «Купалѣ».

А. Баловъ.

Летучій огненный змѣй.

Нашъ народъ чутко относится вообще ко всѣмъ явленіямъ природы, и въ особенности къ небеснымъ явленіямъ. Не зная естественнаго происхожденія ихъ, онъ объясняетъ ихъ по своему. Нар дъ вѣритъ, что Господь являетъ ихъ для того, чтобы предупредить русскій народъ о какихъ либо грядущихъ событіяхъ, по большей части бѣдственныхъ.—Самыя небесныя явленія народъ подраздѣляетъ на явленія, имѣющія первостатейную важность, и на второстепенныя, почти заурядныя. Къ первымъ относятся: затмѣніе солнца и луны, появленія кометъ и планетъ; ко вторымъ—падающія звѣзды, аэролиты, болиды. Сообразно со степенью важности явленій народъ даетъ имъ и соотвѣтственное толкованіе. Такъ, затмѣнія солнца и луны, по народному повѣрью, предзнаменуютъ пришествіе Антихриста и близкую кончину міра, появленіе кометы—голодъ, моръ или всего чаще войну и т. п. Падающія звѣзды принимаются народомъ за ангеловъ, летящихъ на землю за душами людей—праведниковъ, или же за ангеловъ, несущихъ души имѣющихъ родиться младенцевъ и т. п.--Интересно придуманное народомъ толкованіе небеснаго явленія—падающихъ болидовъ. Мнѣ пришлось услышать его совершенно случайно и притомъ во время самаго явленія.

15 марта, 1895 года, въ 9 часовъ вечера, надъ ст. Померанье, Новгородскаго уѣзда, пролетѣлъ по направленію отъ юго-востока къ сѣверо-западу необыкновенной величины болидъ, оставившій на пути полета продолговатую свѣтящуюся бѣловато-фіолетоваго цвѣта полосу. Свѣтъ происходящій отъ тренія болида объ воздухъ, былъ настолько силенъ, что затмилъ свѣтъ лампы и свѣчей въ домахъ. Перепуганные жители села выскочили на улицу, но увидѣли только одну свѣтовую полосу на небѣ. Въ народѣ поднялись толки о только-что бывшемъ явленіи. Между прочимъ одна баба увѣряла другую, что видѣла, какъ огненный змѣй съ большимъ хвостомъ пролетѣлъ по воздуху.

Заинтересованный этимъ объясненіемъ небеснаго явленія, я, прійдя съ улицы домой, спросилъ свою квартирную хозяйку—крестьянку: «что это за змѣй, который летѣлъ сегодня по воздуху?»

Она отвѣтила, что это «парà летитъ».

— Что такое «пара»?

— «Пара!?—Это нечистой духъ».

— Куда же онъ летѣлъ?

-- «А кому-нибудь деньги понесъ».

Разспросивъ её обстоятельнѣе, я узналъ, что «пара» по народному повѣрью, летаетъ по ночамъ въ видѣ огненнаго змѣя къ тѣмъ людямъ, которые съ нимъ знакомы, и носитъ имъ золото, отъ чего они богатѣютъ. Такъ что, если какой-либо человѣкъ неожиданно разбогатѣлъ, то народъ говоритъ, что ему «пара» денегъ наносилъ.

На вопросъ мой, видала-ли она «пара», хозяйка отвѣчала, что видала разъ, возвращаясь съ гумна, какъ сзади что-то осіяло. «Тутъ всѣ» (идущіе съ ней) «сказали, што это «пара» полéтѣлъ».

М. А. Синозерскій.

Изъ письма къ Редактору.

.....Что касается Вашего замѣчанія («Жив. Ст.», 1895 г., вып. III—IV, стр. 427) относительно того, что слѣдовало бы хорошенько поискать въ Ширыхановѣ нѣтъ ли сказителей былинъ, то положительно могу сказать, что тамъ ихъ нѣтъ. Едва ли и во всемъ Вельскомъ уѣздѣ найдется хоть одинъ изъ такихъ «сказителей-пѣвцовъ».

[1]) «Парà» слово славянское—значитъ паръ. Парà, являющаяся на малое время (Посл. Ап. Іакова гл. 4; ст. 14).

Ширыханово находится, какъ я уже писалъ въ своей статьѣ, на рубежѣ Вологодской и Олонецкой губерній, а послѣдняя изстари славится своими рапсодіями и безъ сомнѣнія былина объ Ильѣ Муромцѣ была занесена въ Ширыханово оттуда, а здѣсь уже мало-по-малу стала терять свою первичную форму и превращаться въ сказку. Все это естественно, какъ и то, что говоръ разсказчиковъ строго не выдержанъ, ибо онъ тамъ смѣшанный,—вологодско-олонецкій.

Мнѣ очень хотѣлось тогда (въ 1894 г.) съѣздить и въ Олонецкую губ., именно въ тотъ уголъ ея, гдѣ еще никто изъ изслѣдователей не бывалъ, но не удалось. Впрочемъ, я не теряю еще надежды побывать тамъ, когда будетъ свободное время и деньги. Меня еще интересуетъ Кокшеньга, Тотемскаго уѣзда, тоже думаю современемъ съѣздить туда. Жаль, что живя въ деревнѣ, нельзя достать нужныхъ пособій по изученію той или другой мѣстности. Взять хоть тѣ же былины; я знаю, что много уже списано ихъ въ Олонецкой губерніи и Гильфердингомъ и Рыбниковымъ, но гдѣ ихъ достать? Писалъ въ нѣкоторые книжные магазины,—отвѣтили, что подробныхъ нѣтъ, а есть только выдержки изъ нихъ.

Андрей Шустиковъ.

30 марта 1896 г., дер. Хмѣлевская, Кадниковскаго уѣзда.

Опечатки въ ст. г. Островскихъ (Ж. Ст. 1895, вып. III и IV).

Стр.	*Строка:*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
299	5 снизу	ча̀дмах	ча̀джах
303	15 сверху	Таштыкъ	Таштыпъ
306	6 »	айракъ	айранъ
310	17 »	к ȯ ч и к	к ȯ р ч и к
»	3 снизу	г. К рнова	г. Каратанова
311	7 сверху	ѝт кайтаткѝй	ѝт кайтаткѝн'
»	13 снизу	Dous Conis L.	Dens Canis L.
312	2 »	ибеә́к	ибсә́к
313	14 »	ȯ з ѣ	ȯ з п
»	9 »	»	ȯ з п
»	5 »	позади,	позади сѣдла́
314	1 »	Ник. Петр.	Иннок. Петр.
320	5 »	к а т к е̇ й	к а т к о н'
322	15 »	К з л о я	К з л ȯ л
»	18 сверху	С и л ь б е й	С и л б е н'
»	3 снизу	Б о р г ȯ	Б о р ч ȯ
323	3 сверху	отъ сл. клн.	отъ сл. к л н'
»	5 »	Н-нjи	Н и́ н j и
»	9 »	Ибдей	И б д е̇ н
»	11 »	Майнай	М а н'н а й
324	23 »	Изъ рукъ	Изъ рукописи
325	2 »	Усть-Бима	Усть-Бижа
»	6 снизу	«хае»	«хас»
329	8 сверху	ко лисѣ	ко мнѣ
»	12 снизу	к о м с а	к о м с, а
330	1 сверху	1 saitige	13 saitige
»	22 »	Хан-Борзах-а̇тых-хар-Тыга̀	Хан-бозрах-атых-Хартыга
334	27 сверху	«Бюрго-от»	«Бюрю-от»
335	9 »	«мархалы-сиге̇н»	«мартхалы-сиге̇н»
»	10 »	«чай-лы́х-сигань»	«чайлы́х-сигань»
336	11 »	jая́глар	j а я́ ч л а р
»	2 снизу	Т а г - т а н д ж о н	Т а г - т а н д ж е н
»	6 »	на р. Барѣ	на р. Бирѣ
337	1 »	№ 118	№ 110
339	1 сверху	развалины	развилины
341	4 снизу	свой язы́к»	свой изы́к»
344	11 сверху	на р. Барѣ	на р. Бирѣ
346	15 »	койлаг'а	к о й л а г̂ а